
INSPIRIA
Шорт-лист
Букера
2020
БЕЗУТЕШНАЯ
ПЛОТЬ
«УЖЕ СОВРЕМЕННЫЙ
КЛАССИК»
Анастасия Завозова
ЦИЦИ
ДАНГАРЕМБГА

INSPIRIA

Безутешная плоть
Цици Дангаремба

Аннотация
Цици Дангаремба. Безутешная плоть
Часть 1. Отлив
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
Часть 2. Ступор
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
Часть 3. Успех
  Глава 15
  Глава 16
  Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Благодарность

Аннотация

Уволившись с приевшейся работы, Тамбудзай поселилась в хостеле для молодежи, и перспективы, открывшиеся перед ней, крайне туманны. Она упорно пытается выстроить свою жизнь, однако за каждым следующим поворотом ее поджидают все новые неудачи и унижения. Что станется, когда суровая реальность возобладает над тем будущим, к которому она стремилась? Это роман о том, что бывает, когда все надежды терпят крах.

Сквозь жизнь и стремления одной девушки Цици Дангаремба демонстрирует судьбу целой нации. Острая и пронзительная, эта книга об обществе, будущем и настоящих ударах судьбы.

Роман, история которого началась еще в 1988 году, когда вышла первая часть этой условной трилогии, в 2020 году попал в шортлист Букеровской премии не просто так. Невероятная история Тамбуздай, через жизнь и стремления которой Цици Дангаремба демонстрирует судьбу целой нации, безуслов-

но тронет каждого… Она упорно пытается выстроить свою жизнь, однако за каждым следующим поворотом ее поджидают все новые неудачи и унижения. Что станется, когда суровая реальность возобладает над тем будущим, к которому она стремилась?

Это роман о том, что бывает, когда все надежды терпят крах.

Цици Дангарембга
Безутешная плоть

Tsitsi Dangarembga
THIS MOURNABLE BODY

Copyright © 2018 by Tsitsi Dangarembga

First published in the United States by Graywolf Press
Cover design © KIMBERLY GLYDER DESIGN

Перевод с английского *Екатерины Шукшиной*

© Шукшина Е., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть 1
Отлив

Глава 1

В зеркале рыба. Зеркало висит над раковиной в углу твоей комнаты в хостеле. Из крана капает вода, в комнатах она только холодная. Ты еще в постели, переворачиваешься на спину, смотришь в потолок. До тебя доходит, что ты отлежала руку, и другой ты отводишь ее назад. Наконец канонадой булавок и иголок пробивается боль. Сегодня собеседование. Тебе надо быть в форме. Ты приподнимаешь голову, опять опускаешь ее на подушку. Наконец стоишь у раковины.

Там на тебя, разинув рот, глазами в иссиня-красных глазницах смотрит рыба с обвислыми, будто под весом чудовищной чешуи, щеками. Ты не можешь на себя смотреть. Тебя раздражает капающий кран, и ты заворачиваешь его, прежде чем отвернуть опять. Извращение. Кишки вспучиваются от тупого удовлетворения.

— Привет-привет!

В дверь стучит женщина.

— Тамбудзай, ты идешь?

Это одна из тех, что живут с тобой в хостеле, Гертруда.

— Тамбудзай! — зовет она. — Завтрак?

Шаги удаляются. Ты представляешь, как она вздыхает, может, хоть чуть-чуть расстроившись, что ты не ответила.

— Изабел! — опять кричит она, переключившись на другую постоялицу.

— Да, Гертруда, — отвечает Изабел.

Грохот дает тебе понять, что, когда чистила зубы, ты не уследила и задела локтем зеркало. Или это оно тебя задело? До конца непонятно. Ты ничего не почувствовала. Точнее, ты не можешь прийти к определенному выводу, поскольку реальность тебя изобличает. Ты пытаешься соблюдать правила хостела, но они просто смеются над тобой. Миссис Мей, сестра-хозяйка, не раз напоминала тебе, что по возрасту ты уже не проходишь. И вот теперь зеркало опять, соскочив с погнутого гвоздя, упало в раковину, в результате чего появилась новая трещина. Если оно упадет еще раз, из рамы повылетают все кусочки. Ты осторожно поднимаешь зеркало, чтобы осколотые части остались на месте, обдумывая, как будешь объясняться с сестрой-хозяйкой.

— Так как же вы умудрились? — спросит миссис Мей. — Понимаете, обстановку портить нельзя.

Сестра-хозяйка думает о тебе, так она уверяет. И часто говорит о недовольстве совета попечите-

лей. Не тобой собственно, а твоим возрастом, так она говорит. Городской совет отзовет у хостела лицензию, если обнаружится, что в нем проживают женщины такого возраста, те, кто уже давно перешагнул рубеж, предусмотренный уставом хостела «Твисс».

Ты ненавидишь этот сучий совет.

Из зеркала выпадает треугольничек, сначала тебе на ногу, потом, оставляя темно-красное пятно, сползает на пол. Бетонный пол серо-зеленый, как грязное озеро. Ты боишься, что сейчас попадают остальные части зеркала, но они удерживаются.

За дверью, в коридоре, Гертруда и Изабел уверяют друг друга, что долго и крепко спали. К ним присоединяются другие постоялицы, и начинается нескончаемая болтовня.

Пол в коридоре блестит, хоть он не из коровьего навоза, а цементный. В рекламном агентстве, откуда ты громко ушла много месяцев назад, тебе приходилось писать туристические проспекты. В этих творениях утверждалось, что в деревнях твоей страны женщины натирают пол из коровьих лепешек до тех пор, пока он не начинает блестеть, как цементный. Врали проспекты. Никакого блеска в памяти у тебя не сохранилось. У

твоей матери полы вообще не блестели. Ничегошеньки не сверкало и не искрилось.

Ты осторожно отходишь от раковины, чтобы открыть дверцу шкафа. В маслянисто-белой краске, которой замазана деревянная панель, рыба раздувается до размеров гиппопотама. Ты отворачиваешься, не желая видеть нескладную тень — свое отражение.

Из глубины шкафа ты достаешь юбку, заготовленную для собеседования, купленную, когда у тебя были деньги на приобретение примерно тех моделей с модных журнальных разворотов, на какие ты засматривалась. Тебе понравилась юбка-дудочка с парным топом. Втиснуться теперь в нее — нешуточное испытание для толстокожего животного. Молния подлыми зубчиками кусает кожу. Собеседование, куда ты наряжаешься, организовала сестра-хозяйка. С белой женщиной, которая живет в Борроудейле. Ты боишься, что на юбке останется кровь. Но она быстро сворачивается, как и вокруг красной черты на верхней стороне стопы.

Гертруда и остальные девушки шумно идут по коридору на завтрак. Прежде чем выйти, ты ждешь, пока смолкнет их болтовня.

— Ну народ! Да, вы, — бормочет уборщица,

однако достаточно громко, чтобы ты услышала. — Ходят тут, развозят грязь, пол еще не высох.

Она пропускает тебя, ведро бьется о стенку.

— Что плохого сделало тебе мое ведро? — еле слышно шипит она тебе в спину.

— Доброе утро, миссис Мей, — здороваешься ты.

Сестра-хозяйка сидит за стойкой в фойе, розовая, напудренная, похожая на пушистый кокон.

— Доброе утро, Тахмбудзахи, — отвечает она, отрываясь от кроссворда в «Зимбабве Клэрион», лежащем перед ней на столе.

Она улыбается, когда ты спрашиваешь:

— Как начинается утро, мадам? Надеюсь, вы хорошо спали. И спасибо вам за все.

— Ведь это сегодня? — интересуется она, и при мысли о жизни, в которой не придется сражаться из-за тебя с советом попечителей, настроение у нее улучшается. — Ну что ж, удачи! Не забудьте напомнить обо мне Мейбл Райли. Я не видела ее ровно с тех пор, как она бросила школу, потом мы разошлись, выскочили замуж и погрузились в семейные заботы. Скажите, что я передаю ей привет. Я разговаривала с ее дочерью, она абсолютно уверена, что у вас все получится с жильем.

Тебе противно воодушевление сестры-хозяйки.

Она наклоняется к тебе, ошибочно приняв блеск в твоих глазах за благодарность. Ты это чувствуешь и все-таки точно не знаешь, о чем говорит блеск, приличен ли он или ты вышла за рамки.

— Я уверена, все пройдет очень хорошо, — шепчет сестра-хозяйка Мей. — Мэбс Райли была отличной старостой. Я помладше, но она была просто чудесная.

Хлопья пудры отслаиваются от ее трясущихся щек.

— Благодарю вас, миссис Мей, — бормочешь ты.

* * *

Брунфельсия в саду хостела колышется сиреневым, белым, лиловым. Пчелы продираются сквозь воздух, вонзая хоботки в эти легкие, легчайшие брызги света.

Ты останавливаешься у куста на полдороге, чтобы не раздавить смелого счастливого жучка. За ним буйствует живая изгородь из китайской розы. Много лет назад — ты не хочешь вспоминать, сколько именно, — ты со смехом, не задумываясь, выдувала толстозадых жучков из песчаных ямок. Когда жук отлетал, ты опускала в ямку муравьев и смотрела, как миниатюрные гладиаторы сра-

жаются и гибнут в челюстях своих мучителей.

Ты сворачиваешь на Герберт-Читепо-авеню. Мальчишки ошибочно принимают тебя за мадам и с хныканьем выпрашивают подаяние.

— Тамбу! Тамбу! — раздается голос.

Он тебе знаком. Ты жалеешь, что не раздавила жука.

Гертруда ковыляет на шпильках, за ней тащится Изабел.

— Нам по пути, — заявляет Гертруда, хотя сама себя она называет Герти. — Наконец-то нам выдался шанс пожелать тебе доброго утра и выяснить, как ты спала. Мы с Изабел идем в «Сэм Леви».

— Доброе утро, — бормочешь ты, держа дистанцию.

Они обступают тебя с обеих сторон, как полицейские. Их прыгающая походка раздражает.

— О, а я и не знала, — Изабел захлебывается в потоке слов, как будто в ее случае мысль не обязана предшествовать речи.

Это тебя немного забавляет, ты улыбаешься. Девушка приободряется.

— Ты тоже идешь в «Сэм Леви». Ты ведь так же любишь распродажи, как и мы. Я не знала, что старые любят моду.

Когда девушки распрямляют плечи, чтобы подчеркнуть грудь, сиськи у них выпячиваются.

— Я не в «Сэм Леви», — говоришь ты.

Их взгляды направлены не на тебя, девушки рассматривают машины на дороге и среднего возраста мужчин за рулем.

— Я в Борроудейл, — уточняешь ты. — Там живет моя тетя.

Девушки снова переключают на тебя внимание.

— Борроудейл, — повторяет Гертруда.

Ты точно не понимаешь, относится ее удивление к тому, что у тебя есть тетя или что твои родственники могут жить в Борроудейле. Несмотря на это, ты в первый раз за утро испытываешь удовлетворение и позволяешь улыбке подняться до самых глаз.

— А что тут такого удивительного? — пожимает плечами Изабел, поправляя соскользнувшую на плечо бретельку лифчика. — У моего бабамунини, брата отца, был там дом. Но он его потерял, потому что не мог платить. Кажется, какие-то взносы или в этом роде. И он перебрался в Мозамбик, что-то с бриллиантами, по-моему. — Она вертит носом. — Сейчас сидит там в тюрьме. Только такие и селятся в Борроудейле. Пожилые!

— А кто твоя родственница, Тамбудзай? — спрашивает Гертруда.

— Я не имею в виду таких, как ты, Сиси[1] Тамбу, — перебивает ее Изабел. — Я имею в виду по-настоящему старых.

* * *

У обочины на углу Борроудейл-роуд и Седьмой улицы толпа.

— Вабереки, вабереки![2] — благим матом орет молодой человек, сидящий за помятой дверью микроавтобуса.

Автобус резко выворачивает на обочину. Все съеживаются, втягивают руки, ноги, головы. Ты подаешь назад вместе с толпой. Секунду спустя тебя выносит вперед вместе с каким-то человеком, который локтями энергично отпихивает назад всех, кого удается. Но тревога ложная.

— Родители, вас мы не берем! — кричит, ухмыляясь, молодой кондуктор. — У нас все места заняты. Вам понятно? Заняты.

Водитель тоже усмехается. С пламенеющих

---

[1] Примечания: 1
Сестра.

[2] Примечания: 2
Родители.

деревьев на дорогу зигзагами слетают вороны и с надрывным карканьем отскакивают от облака сажи, изрыгаемого брюхом автобуса.

Скоро все опять подаются вперед. Когда водитель другого микроавтобуса жмет на тормоза, слышится скрип металла и резины. Колеса бьются о бордюр тротуара. Молодые люди локтями прокладывают себе путь и запрыгивают в салон. Ты ныряешь под чьи-то руки, между телами.

— Родители, садитесь. Садитесь, садитесь, родители! — кричит второй кондуктор.

Он телом загораживает полдесятка школьников, сгрудившихся на моторе. Ты пробираешься мимо, бедрами проехавшись по его чреслам, и от этого прикосновения тебе становится стыдно. Кондуктор ухмыляется.

— Ой, Май! Мама! — визжит девочка.

Ты наступила ей на ногу двухцветной туфлей в стиле леди Дианы из настоящей европейской кожи, эту пару тебе несколько лет назад подарила кузина, учившаяся за границей.

Из глаз девочки капают слезы. Она наклоняется потереть ногу, и ее голова ударяется о зад кондуктора.

— Ну, народ, вана хвинди, — тягуче ворчит соседка Гертруда. Одна ее нога на ступеньке ав-

тобуса. Голос сочный, уверенный. — Они ведь совсем маленькие дети. Вы когда-нибудь сами были ребенком, кондуктор? Мы называем их детьми, хотя наши дети совсем другое, чем эти козлята, — так же медленно продолжает она.

— Если вы пришли присмотреть за детьми, все в порядке, только не здесь. Хотите, чтобы мы опоздали? — кричит мужчина из задней части автобуса.

— Эй, разве она кому-то что-то сказала? — взбрыкивает Изабел, залезая следом за тобой.

Обиженные пассажиры недовольно ворчат на твоих спутниц.

— Тоже мне, девицы, сами не знают, что несут.

— Молодняк, ни в чем не разбирается. Понятия не имеют, что Бог дал им разум, чтобы думать и держать рот на замке.

Радуясь, что втиснулась на место, ты сначала молчишь.

— Может быть, наши юные дамы о чем-то попросят, — опять подает голос мужчина сзади. — Например, чтобы их чему-нибудь научили. Если им все равно, кое-кто их научит и заставит запомнить.

— Хорошо бы дети втянули ноги, — говоришь ты несколько секунд спустя.

Потому что ты часть автобусной жизни.

Изабел молча находит место. Гертруда тоже перестает сражаться за детей и поднимается в салон. Заняв последнее место напротив кондуктора, она треплет по голове маленькую девочку.

— Она лучшая, — объясняет Гертруде мальчик, сидящий рядом с девочкой. — Она побежит на школьных соревнованиях. Когда она в норме, мы всегда выигрываем.

И он грустно опускает глаза.

Все неудобно. В автобусе слишком много народу, он набит битком. Мотор под детскими попами кипит. Салон заполняет запах горячего масла. У тебя из подмышек течет пот.

Скоро кондуктор уже собирает деньги и выкрикивает остановки:

— Тонгогара-авеню. Воздушные силы. Роботы.

— Сдачи, — требует женщина на Черчилль-авеню. — Я дала вам доллар.

Грудь у нее как матрас, к таким боятся подступиться даже мужчины.

— Пятьдесят центов, — упорствует пассажирка, глядя вниз на молодого кондуктора.

Она одна из тех, кто смеялся шуточкам молодежи.

Кондуктор хмурится.

— Где я возьму вам сдачу, мамаша?

— Что, ни у кого в автобусе нет пятидесяти центов? — не унимается женщина, вылезая из автобуса. — Я не могу оставить здесь мои пятьдесят центов.

Но кондуктор стучит в крышу, и автобус отъезжает. Женщина исчезает в выбросах черного газа.

— Ай-яй-яй! Она разве не слышала, что сдачи нет? — говорит мужчина сзади. От удовольствия рот у него становится похож на месяц.

* * *

Твои соседки по хостелу вылезают у магазинов Борроудейла.

Ты доезжаешь до полицейского участка Борроудейла и идешь между заправками «Бритиш петролеум» и «Тотал сервис». На обочине снимаешь туфли леди Дианы и, вытащив из сумки черные тапочки на резиновой подошве фирмы «Бата», запихиваешь туда лодочки.

Ты боишься, что обитатели фешенебельного предместья увидят тебя в парусиновых туфлях, особенно поскольку хорошую обувь ты спрятала. Поэтому, добравшись до дома номер девять по Уолш-роуд, где живет вдова Райли, и не столк-

нувшись ни с кем из знакомых, ты испытываешь облегчение. Ты садишься на сточную трубу у забора, чтобы засунуть ноги обратно в лодочки. Сначала видишь губы и приходишь в ужас. Когда отекшие ноги втискиваются в туфли леди Дианы, ты вскакиваешь. Губы округляются в ухмылку вокруг желтых зубов. Они принадлежат мелкому лохматому терьеру.

— Тяв! Тяв! — визжит пес, в бешенстве от твоего присутствия.

— Ты кто? — звенит в утреннем воздухе высокий голос. — Ндиве ани? — повторяет женщина. Обращаясь к тебе, она использует единственное число, фамильярное обращение.

Так как хоть сколько-нибудь стоящий человек — число множественное, в вопросе о твоем достоинстве женщина единодушна с собакой.

— Даже не думай шевелиться или подойти ближе, — предупреждает она. — Если он до тебя дотянется, то съест. Стой там!

На ее слова собачий хвост взмывает в воздух и молотит вверх-вниз у самого забора. Морда у терьера в пене, язык высунут. Время от времени он отбегает и скачет вокруг идущей от дома женщины. Полная яйцеобразная фигура выныривает из-за колючих кустов дакриодеса и ковыляет по

кирпичной дорожке.

— Стой, где сказала, — говорит она.

Приближаясь к тебе, женщина развязывает тесемки хлопчатобумажного фартука и тут же завязывает их потуже. Терьер косится одним глазом на нее, другим на тебя и утихомиривается, теперь издавая лишь горловой рык.

— Что надо? — спрашивает женщина, глядя на тебя через забор. — Спроси у местных садовников, — продолжает она, не дав тебе ответить. — А как спросишь, так узнаешь, что я с тобой еще довольно ласкова. Предупреждаю тебя для твоего же блага. Вот порасспросишь садовников, узнаешь, скольких из них потрепало — и все это мелкое животное.

Она продолжает изучать тебя. Ты на нее не смотришь. У женщины такой внушительный вид, что ты опять превращаешься в деревенскую девочку перед мамбо[3] или старейшиной в деревне.

Твое молчание умягчает служанку.

— Даже меня и то цапала, нга[4], как будто сожрать хотела. — Она становится любезнее. — Так

---

[3] Примечания: 3
Жрица культа вуду.

[4] Примечания: 4
Прилипчивая дрянь.

чего тебе? Мадам Мбуйя[5] Райли сказала, что кто-то пришел. Тебя прислала дочь бабушки Райли?

Ты киваешь, настроение у тебя поднимается.

— Вдова не очень-то со своей дочерью, — говорит служанка. — Мадам дочь Эди все время врет. У нас все хорошо, у мадам Мбуйи Райли и у меня. Я здесь работаю, и нам никого больше не надо.

Ты достаешь из сумочки маленькую рекламу, которую дала тебе миссис Мей.

— Я пришла на собеседование, — объясняешь ты. — У меня есть рекомендации.

— Это тут не работает. — В глазах у служанки вспыхивает искра подозрительности. — И собеседований тут никаких нет. Попробуй дальше по улице. Там нужны работники в огороде. Картошка, может, батат. А на той стороне разводят цыплят.

Теперь твоя очередь прийти в бешенство.

— Я здесь не для того, чтобы искать подобную работу. У меня назначена встреча, — медленно выговариваешь ты.

— А зачем нужно собеседование? — ухмыляется женщина. — Ведь для работы, правда? Ты со своим враньем сюда не пройдешь.

---

[5] Примечания: 5
Бабушка.

Пес рычит.

— Только попробуй войти, — продолжает служанка. — Потому что этот пес полоумный. Все собаки мадам Мбуйи были такие, с самой войны. А сама Мбуйя Райли такая же, как собака, если не еще хуже. Так что иди-ка себе!

Змеи, те самые, о которых тебе часто рассказывала бабушка, когда ты была маленькая и спрашивала ее о том, о чем не могла спросить мать, змеи, которые обвивают матку внутри, при упоминании о войне распяливают челюсти. Содержимое брюха сползает вниз, как будто змеи, открыв рты, его отпустили. Матка превращается в жижу. Ты стоишь, совсем обессилев.

В сетке плюща, который душит здание в конце дорожки, разверзается дыра. Разговаривающая с тобой женщина делает шаг вперед и крепко хватается за штакетины забора. От нее исходит тревога, сильная, как дух предков.

Приближается вдова Райли, женщина, с которой ты пришла встретиться. На спине у нее горб. Кости и кожа хрупкие, ломкие, прозрачные, как раковины. Нетвердой походкой она идет по кирпичам дорожки. Собака взвизгивает и вприпрыжку бежит навстречу хозяйке.

— Что я теперь скажу мадам? — вдруг довери-

тельно, будто подруге, шепчет стоящая перед тобой женщина. — Смотри! Она уже решила, что ты родственница. Моя. Нам не разрешается, категорически, даже когда мы уходим. А сейчас хуже всего, потому что до выходных мне не уйти.

— Собеседование. На проживание, — шепчешь ты в ответ. — Где-нибудь жить.

Ты в таком отчаянии, что голос забивается высоко в гортань.

— Она будет кричать, — шипит служанка Мбуйи Райли. — Она будет твердить, что я привожу сюда свою родню, чтобы ее убить. Когда приходит ее дочь, они так и говорят. С самой войны. Только в этом они и единодушны.

— Тут есть коттедж. Сестра-хозяйка сказала, что она договорилась. Не дорого.

— Ты слышишь, что я говорю? Совершенно невозможно, когда она кричит. Мне приходится ее кормить, иначе она закроет рот и не возьмет еды. Прямо как ребенок! Уходи.

В конце дорожки тявкает собака. Хрупкая белая женщина оседает на землю. Ее голова в нимбе мягких белых волос лежит на кирпичах огромным одуванчиком. Она протягивает руку к тебе и к женщине в форме.

— Ну вот! — хнычет служанка. — Теперь мне

придется наклоняться и нести ее, а у меня спина разламывается.

Она спешит по дорожке, бросая тебе через плечо обидные слова.

— Уходи отсюда, от девятого дома. Потому что не уйдешь — я открою ворота, и даже если тебе удастся справиться с этой, не поможет — я отвяжу большую.

Женщина наклоняется к своей хозяйке. Мелкий терьер скулит и лижет вдовью руку.

Глава 2

Мужчина отворачивается от окна, чтобы заговорить с тобой.

— Ой, отец, я не хотела вам мешать.

Все расстояние от вдовы Райли ты прошагала в туфлях леди Дианы. Ты шла быстро, не очень понимая, почему так важна скорость. Асфальт был горячий. Ноги твои опухли и покрылись волдырями. В автобусе, который везет тебя обратно к хостелу, ты стаскиваешь туфли леди Дианы и ищешь тапочки, несколько раз задев соседа, один раз оскорбительно близко к паху.

— Вы бы подождали, — советует он. — Лучше просто посидеть, что бы там ни было. Как все остальные.

— Туфли, — уклончиво говоришь ты. — Из Европы. Не те, что здесь. Они не так быстро разнашиваются. Перед выходом из дома мне нужно было надеть что-нибудь местное.

Это тот ответ, которого он заслуживает. Пассажир уныло привалился головой и плечами к окну. Это не мужчина, думаешь ты, с ним покончено.

— Так, значит, откуда вы едете, ваш дом? —

спрашивает он. Его голос дрожит от пробудившегося интереса, который он пытается скрыть.

— Да, — врешь ты.

— Участки там!.. — вздыхает он. — Стоишь на одном конце и не видишь границ другого. Абы кому такое не достанется.

Ты улыбаешься в знак согласия.

— Вы что-то выращиваете на продажу?

— Да, — отвечаешь ты, уверенно кивнув.

— Здорово, — опять вздыхает мужчина. — Значит, правительство начало выделять людям земли, которые, мы думали, только для европейцев.

— Это участок моей тетки. Ей выделил работодатель. Сам он уехал в Австралию.

Мужчина кладет руки на колени и смотрит на них.

— И что же вы выращиваете?

— Я по георгинам, — с гордостью заявляешь ты. — Только я и умею. Она так не могла, моя тетка. Тут нужны мозги и умение говорить людям, что нужно делать. Так что мои сказали: Тамбудзай, ты училась, возьми участок, пока с ней не случился удар или еще что, пока она не ушла туда, куда другим путь заказан.

— Ах, садоводство! — Голос мужчины дрожит

от восторга, который он теперь не скрывает. — Когда-нибудь я тоже этим займусь, — обещает он, приободряясь. — Только у меня будут фрукты. Людям всегда нужно наполнять желудок, а наполняя свой желудок, они будут наполнять твой.

— Желтые. И розы. Они называются чайные розы.

— Ага! — кивает он. — Я когда-то работал в оранжерее. Там были чайные розы. Я их опрыскивал.

— Голубые. Мои розы голубые.

— Голубые, — повторяет мужчина. Энергия опять будто вытекла из него, и он снова привалился к окну. — Надо же! Я таких никогда не видел.

— Швеция, — уточняешь ты, испытывая облегчение от того, что вставила конкретную деталь в весь тот вздор, который городишь. Ты словила момент славы в рекламном агентстве, где разрабатывала рекламную кампанию для шведской фирмы, выпускающей сельскохозяйственное оборудование. — У меня в Швеции куча клиентов. Они покупают желтые и голубые. Цвета той страны. Я посылаю их по воздуху, — закругляешься ты, воображая, что в один прекрасный день это станет правдой.

— Я мог бы быть садовником. У вас еще есть

вакансии?

— А, я вас запомню. Сейчас их правда очень много.

— Если бы не Эль-Ниньо, — вздыхает мужчина. — Вода и ветер ничего не оставили на жизнь, большинству из нас.

Твой спутник просит ручку и царапает номер телефона своего соседа в углу старого рецепта, который вытащил из кармана. Ты берешь клочок бумаги.

— Пано! Армадейл! — кричит он.

— Здесь! Армадейл! — передает кондуктор водителю.

Сойдя, человек опускает плечи и неторопливо уходит. Ты бросаешь записку под сиденье. Залезают люди. Ты переползаешь на место кандидата в садовники и прислоняешься к окну. Автобус останавливается на углу хостела. Ты позволяешь ему везти тебя дальше.

* * *

Рыночная площадь — конечная остановка автобуса. Между лотками валяется банановая кожура, сальные упаковки из-под картошки. Полиэтиленовые пакеты надуваются, как брюхо у пьяницы. На разбитой мостовой спиралью завивается

апельсиновая кожура. Какой-то мальчишка сосет пакетик, будто это материнская грудь. Второй выхватывает пакетик. Первый падает и остается сидеть на крошащемся тротуаре. Рукав его куртки — рваная махристая ветошь. Он трепыхается в желобе. Под тканью маленькие дамбы из использованных презервативов и сигаретных окурков собирают густые лужи угольно-черной воды.

Вереница автобусов. Твой наконец-то сворачивает на остановку. Из окон летит бататовая кожура и конфетные фантики. Мужчины и женщины сердито бурчат и разбегаются. Пассажиры ползут к выходу, и одна женщина замечает:

— Они разве не видят, что идет наш автобус? Чего тут стали? Почему не убрались с дороги?

Те, кто ждет очереди сойти, пригибаются. Люди в очереди на вход начинают ругаться.

Кондуктор спрашивает, куда тебе ехать. Ты вздрагиваешь, и он напоминает:

— Хеленсвиль.

Ты тихонько хихикаешь. С твоим образованием ты знаешь, что предместье называется Хеленсвейл. Долина Елены.

— Хеленсвиль, — повторяет кондуктор, не выказывая нетерпения, которое должен испытывать. — Автобус возвращается туда.

Он выпрыгивает и начинает орать на пассажиров:

— Родители! Кто хочет ехать, просто садитесь. Едет только тот, кто едет.

Ты проскальзываешь к открытой двери автобуса. Потом, передумав, ползешь обратно к окну. Потом опять передумываешь и застреваешь посередине сиденья; ни там ни сям, в месте, где нет необходимости ни решать, ни действовать.

Залезают несколько пассажиров.

— Мы едем к магазинам и полицейскому участку! — кричит кондуктор.

Одна женщина оборачивается и шипит на мужчину, чтобы он перестал к ней прижиматься. Мужчина хохочет.

Выплевывая газ, подходит другой автобус. Все откашливаются и, когда воздух опять становится чистым, таращатся на молодую женщину, которая прокладывает себе путь к автобусу мимо лотков с фруктами и овощами.

Девушка разряжена, на высоченных каблуках, несмотря на булыжники и трещины мостовой. Она выпячивает каждый кусочек своего тела, который может выставить на всеобщее обозрение: губы, бедра, груди, ягодицы; очень эффектно. Ее пальцы заканчиваются заостренными черно-зо-

лотыми ногтями. В руках у нее несколько пакетов с кричащими названиями — «НЕОН» и других бутиков, выведенными огромными зазубренными буквами. Она неторопливо покачивает пакетами, как и телом.

Ты смотришь на нее, как и все остальные, смутно узнавая. Молодая женщина направляется к автобусу. Она идет фаша-фаша[6], все части ее тела двигаются с уверенностью женщины, которая знает, что она красива. Толпа сдвигается и перестраивается. Мужчины в автобусе и на улице резко выдыхают. Женщины тускнеют. Ты тоже мнешься. Когда ты наконец узнаешь подошедшую девушку, дыхание останавливается у тебя в горле. Это твоя соседка по хостелу, Гертруда.

Она хватается за железный каркас автобусного сиденья, чтобы протолкнуться в салон. Имея за плечами немалый опыт, она во избежание нежелательных взглядов заводит пакеты за спину. У нее соскальзывает рука, и она хватается за дешевый материал, обтягивающий сиденье автобуса. Обивка лопается, выплюнув фонтан губчатой резины. Гертруду отбрасывает назад.

— Колени! — ревет ей хриплый голос. — Сведи

---

[6] Примечания: 6
Покачиваясь.

колени!

Толпа взрывается хохотом.

— Вот ведь рыбка. Показывает свой ротик, будто вынырнула из воды! — кричит мужчина.

Гертруда пытается незаметно одернуть платье и вдруг оказывается на земле. Из-за пакетов она шлепается со всей силы. В другой ее руке, словно петля поручня, зажат клочок набивки сиденья.

Толпа зыбится, колышется, гудит, жужжит от удовольствия. Веселье клубится энергией. Оно сметает тебя с сиденья на землю, в самую давку. Толпа гогочет. Ты тоже. Гогоча, ты становишься все больше, больше и думаешь, что ты уже больше себя самой и это здорово.

Какая-то женщина потирает руки и для удобства переносит вес с одной ноги на другую.

— Эй, водитель! — кричит один мужчина. — Разуй глаза, посмотри, что она делает с твоим автобусом.

Он стучит по стеклу водительской кабины и в преувеличенном негодовании хватается руками за голову. Ты вместе со всеми смеешься, наблюдая этот спектакль.

— Просто езжай, мхани[7], езжай. С такими веч-

---

[7] Примечания: 7
Парень.

но проблемы! — визжит молодая женщина, замотанная в красно-зеленое одеяние Апостольской пасхальной секты. — Вечно проблемы, — повторяет она, проталкиваясь мимо всех к автобусу.

— Проблемы! Проблемы!

Толпа подхватывает мысль и изблевывает ее из своей утробы. Как облегчение от рвоты, когда наружу извергается то, что было заперто. Обретя нежданную свободу, толпа напирает вперед.

— Кто-нибудь, раздвиньте ей ноги, — говорит другой мужчина. — Сделайте это за нее, раз уж она сама не хочет.

Толпа подхватывает новую придумку. Ты швыряешь слова Гертруде и по всему рынку:

— Раздвиньте! Раздвиньте!

Из мусора в желобе мальчишка выхватывает початок кукурузы. Он летит по воздуху серпом и, когда чуть не попадает в голову Гертруды, прихватив несколько прядей ее стопроцентно бразильских кудряшек, у всех в животе распускается удовольствие.

Гертруда подается вперед и, опираясь ногами на ступеньки автобуса, не думая о длине юбки, карабкается вверх.

Все смеются, водитель автобуса усмехается.

— Что с тобой такое? С каких пор голым разре-

шается ездить в автобусе?

Рабочие неподалеку прохлаждаются у строительных лесов и, прилаживая на голове защитные каски, наблюдают. Их смех не несет ни угрозы, ни радости, ни ненависти, ни желания. Они фыркают так, что нутро их может выдать что угодно.

Одна глотка, состоящая из множества, издает вой предвкушения.

Гул разжигает желание водителя увидеть еще что-нибудь.

— Давай, давай! Моя машина хочет ехать! — кричит он Гертруде. — С приличными пассажирами! А как это возможно, если она набита голыми женщинами?

В тебе и в толпе клокочет напряжение. Над тобой висит твой смех. Наверху, там, где уже ничей, он трещит и сверкает зигзагами молний.

— Вот ведь! — не унимается водитель, рассматривая Гертруду. — Кто тебе сказал, что мой автобус спальня?

Теперь все громко обсуждают отверстия в женском теле твоей соседки. Перечисляют предметы, которые в них уже вставляли или следовало бы вставить, а также размеры аналогичных полостей, принадлежащих родственницам за-

ложницы. Кто-то заявляет резким голосом, что она только переводит кровь, позоря борьбу за освобождение, которую ведут и в ходе которой погибают сыны человеческие.

Мальчишка опять наклоняется к желобу. В бутылке, которую он швыряет, отражается солнце.

— Да кто она такая? Пусть получает! — вопит недокормленный ребенок.

Дуга, по которой летит бутылка, оказывает магнетическое воздействие. Ее энергия дает тебе силы. Ты на пике торжества. Ты добираешься до верхней точки траектории бутылки, как будто поднимаешься на горную вершину. Толпа на Рыночной площади со стоном поднимается в выси вместе с тобой. Чудо, которое соединило всех.

Соседка мотает головой из стороны в сторону. Ей отчаянно хочется убежать.

Рабочие медленно идут к Гертруде, и, когда проходят мимо толпы, кое-кто за спинами женщин суеверно потирает себе ширинку. По верху плывет, стелется туманом томное желание. Ты вцепляешься в сумку, желая убедиться, что туфли леди Дианы на месте.

Тебя вместе с толпой несет к соседке. Она сучит красивыми ногами и изо всех сил пытается сесть в автобус. Кондуктор, не пуская ее, расставляет

руки и ноги по четырем углам дверного проема. Водитель нервно водит челюстями. Он не хочет, чтобы все это безобразие творилось у него в автобусе.

— Помогите! — вопит Гертруда. — Пожалуйста, кто-нибудь, помогите, пожалуйста!

— А мы и помогаем, уж поверь, — язвит в ответ женщина.

Строитель подходит к Гертруде и, протянув руку, срывает юбку с бедер. Девушка в отчаянии извивается и на нескончаемое мгновение зависает в зеве автобуса. Когда она обвивает руками кондуктора, все шумно и раздраженно дышат.

При прикосновении молодой человек корчится. Он хочет сбросить ее, но боится оставить двери, вдруг попрет толпа.

Чьи-то руки снимают Гертруду с подножки автобуса и бросают на землю, она, потрясенная, падает мешком. Толпа делает подготовительный вдох. Вид красивой соседки наполняет тебя пустотой, от которой становится больно. Ты не подаешь назад, как хочет одна часть рассудка, а, подчиняясь остальным, проталкиваешься вперед. Ты хочешь увидеть рисунок боли, проследить ее артерии и вены, отодрать сеть ее капилляров от тела. Людская масса напирает вперед. Ты тя-

нешься к камню. Он в твоей руке. Рука медленно поднимается.

Толпа опять рычит. Теперь от разочарования. Возле Гертруды стоит мужчина и набрасывает ей на ягодицы потрепанную брезентовую куртку. Это водитель другого автобуса. Солнце отражается от его зубов и темных очков. Он оборачивается к толпе с видом сочувствия. Гертруда изумленно поднимает на него вытаращенные, ужасно белые глаза и, словно осознав это, отворачивается.

— Тамбу, — шепчет она, найдя тебя глазами.

Ее рот сплошная яма. Она затягивает тебя туда. Ты не хочешь, чтобы она тебя там похоронила. Ты опускаешь взгляд, но не двигаешься, потому что, с одной стороны, ты зажата толпой. С другой, если ты вернешься в одиночество, то упадешь внутрь себя, туда, где нет места, чтобы спрятаться.

— Помоги мне, — просит Гертруда.

Продолжая мягко улыбаться, молодой водитель что-то шепчет Гертруде и снимает футболку, чтобы та сыграла роль ширмы. Гертруда поднимает клочки своей юбки из грязи и обвязывает вокруг бедер. Надевает и застегивает куртку, прикрыв грудь.

Толпа опять приходит в бешенство, на сей раз при виде благородства. Мальчишка швыряет

банку из-под колы. Она попадает в зад молодому человеку и откатывается, но тот делает вид, что не замечает, и протягивает Гертруде руку.

— Молодой человек, вы не могли найти поприличнее? Судя по вашему виду, вам это вполне по силам! — будто злобный дух, кричит какая-то женщина.

— Или держи своих шлюх дома, — говорит один из строителей.

— И позаботьтесь, чтобы она не задерживала людей, которые не хотят ничего видеть, которые просто хотят ехать туда, куда едут, — ворчит какой-то мужчина.

— Хорошо, я ей скажу. Я позабочусь о том, чтобы она все услышала. — Молодой человек улыбается, держа руку твоей соседки в своей. — Сиси, ты ведь их слышала? — спрашивает он у нее.

Гертруда встает. Голова ее опущена, она дрожит и не отвечает. Строитель громко кричит голосом, в котором слышится отвращение:

— Теперь, когда ты в приличном виде, почему не садишься в автобус?

Горе затопляет лицо Гертруды. Другой мальчишка, когда она забирается в автобус, равнодушно швыряет в него пластиковую бутылку.

— Эй, иве, ты что, не знаешь, чей это автобус?

Ты знаешь, что я с тобой сделаю, если поймаю? — рычит водитель на парнишку.

Тот улепетывает, сверкая зубами и поддерживая трепыхающиеся на коленках драные шорты. Камень скатывается у тебя с руки.

Глава 3

Вечером хостел как будто еще плотнее скрестил руки, отгораживаясь от тебя. Ты чувствуешь это, когда заходишь в столовую и видишь Гертруду. Она сидит за столом со своей компанией, члены которой обсуждают последнюю помаду и соревнуются, кого из них больше любят или над кем меньше издеваются их парни. Ты никогда не садишься с ними за стол.

Лицо Гертруды похоже на рельефные карты, над которыми ты корпела в школе на уроках географии. Горы и русла рек наляпаны или вычерпнуты порезами и синяками, следами ног — босых, в сапогах, с железными набойками. Вечерний свет бросает тени на кожу, утолщая вздутия отеков, углубляя раны.

Изабел проводит тыльной стороной пальца по ее щеке, нежно, с такой бережностью, что наверняка коснулась лишь волосков на лице. Гертруда скулит и хватает Изабел за запястье; даже ласковое касание для нее это слишком. Какое-то время они сидят, взявшись за руки. Все пять забывают о желтой подливе, стекающей с сытного коричневого пудинга в тарелках, что перед ними.

У тебя дома говорят: никто не теряет аппетит из-за чужих проблем. И тебе не терпится приняться за еду. Ты пробираешься к белым девушкам, которые сидят чуть подальше, ближе к буфетам. За болтовней они поливают соусом из бульонных кубиков кусочки ростбифа в горшке и вареную картошку. Ты проходишь мимо, и Гертруда с соседками по столу вздергивают на тебя подбородки и наклоняют головы набок, как если бы это была одна женщина.

Когда ты отходишь на несколько шагов, они снова поворачиваются друг к другу, с резким шипением втягивая воздух сквозь зубы.

Пять.

Это твоя мысль.

Против рынка. Пять. Против города, народа. Планеты. Женщины. Пять. Чего, по их мнению, они могут добиться? Они могут шипеть, сколько душе угодно.

Когда ты идешь обратно, неся поднос с наставленной на него едой, на тебя пялятся десять глаз. Ты сидишь одна, подставив им профиль, демонстрируя, что их глазам до тебя не дотянуться. Потом они уходят, и ты возвращаешься к буфету, следя за тем, чтобы идти медленно. Накладываешь на тарелку еще мяса и картошки и еще

одну двойную порцию пудинга. Проходишь мимо пустого стола, за которым сидели соседки. На том месте, где лежала рука Гертруды, смазанная кровь. Жевать и глотать; жевать и глотать. И ты жуешь и глотаешь, пока не звонит колокольчик, означающий, что обед окончен. Официанты в комбинезонах цвета хаки собирают поцарапанные тарелки, ставят их на тележки и отвозят. Молодой человек стоит на страже у входной двери, выпуская последних обедающих и не впуская опоздавших. Ты коротко ему улыбаешься и начинаешь гонять языком застрявший в зубах кусочек хряща.

— Манеру! Добрый вечер, добрый вечер, тетушка! — уважительно кивает он, распахивая тебе дверь.

— И привет вашей семье. Всем у вас дома, — говоришь ты, пожелав ему хорошего вечера.

Юноша широко улыбается, обещая передать привет.

Ты осторожно пересекаешь фойе, чтобы не спугнуть миссис Мей, и с облегчением вздыхаешь, когда ее склоненная голова не поднимается от кроссворда.

— Что ты тут стоишь, — произносишь ты, остановившись у дверей в свою комнату.

Ты не потрудилась интонировать фразу как вопрос. Почему везде надо ставить вопросительные знаки? Сегодня столько всего произошло, а тебя никто ни о чем не спросил. Кроме того, ты точно знаешь: ты не хотела делать того, что делала на рынке. Не хотела, чтобы так случилось; никто не хотел. Ни один человек. Просто так вышло, миг безумия.

— Так ты тут устроила на меня засаду, — говоришь ты Изабел.

Она ждет тебя в тени колонны. Твои губы раздвигаются в подобии улыбки. Тебе нравится, что девушка чего-то от тебя хочет. Это наделяет тебя двумя родами власти. Первый происходит от ее желания. Смешна женщина, которая чего-то хочет и бегает туда-сюда, чтобы раздобыть необходимое. Второй род власти, проистекающий из первого, твое право ей отказать.

— Мы должны тебе сообщить, — начинает Изабел тихим, дрожащим голосом. — Ей очень больно. Она стонет! Это не ерунда. Ты должна оплатить такси. Мы отвезем ее в больницу.

В глубине коридора Гертруда открывает дверь и просит Изабел перестать.

— Если что-нибудь случится, если появятся с расспросами ее родственники, тебе придется

заплатить намного больше. Возместить ущерб, — угрожает Изабел.

— Все в порядке. Оставь ее, Белла, — говорит Гертруда. — Рейчел дала мне панадол.

— Хм-м, — сопишь ты, доставая из кармана ключ от комнаты. — Да что с тобой? Убирайся! Чего ты здесь торчишь, как будто у нас есть темы для разговоров? Кто тебе сказал, что виновата я?

* * *

На следующий день ты извиняешься перед миссис Мей за то, что запорола собеседование у вдовы Райли. Ты просишь хозяйку откладывать для тебя ежедневный «Клэрион», чтобы просматривать объявления о сдаче комнат в аренду.

Хозяйка не против. Она каждый вечер запихивает макулатуру в угол стойки. Ты убеждаешься, что быстро найдешь газету, опередив других жильцов.

«Большая комната. Хозяйка — богобоязненная вдова».

Объявление бросается тебе в глаза через несколько дней.

«В большом, симпатичном, ухоженном доме. Для непьющего, холостого, богобоязненного молодого джентльмена».

Ты предлагаешь Богу сделку в вопросе о твоем поле и, молясь, звонишь из телефонной будки.

Набрав указанный номер, во время разговора ты умалчиваешь о том, что у тебя нет работы и ты уже не первый месяц только и делаешь, что молишься.

— У меня есть родственники, которые говорят, как вы, — решает вдова после нескольких минут разговора и спрашивает, откуда ты родом.

— С гор, — отвечаешь ты. — Маникаленд. Мутаре.

Это правда, и вдруг кажется, что сказать правду было правильно.

В день встречи ты находишь дом и с грохотом стучишь в ворота. Вдова выходит не сразу. Но даже тогда первым делом ты обращаешь внимание на ее голос.

— Мваканака! Мваканака Мамбо Джизу. Ты благ, благ, Царь Иисус! — рычит устрашающий альт.

Солнце отсвечивает от миллионов зубов, так тебе кажется. Они очень широкие и очень острые. Ты улыбаешься, подавляя инстинктивное желание уйти. Вдова распахивает ворота и жестом предлагает тебе войти.

— Добрый вечер! Я так рада, так рада, так рада,

что вам нравится мой дом, — заявляет потенциальная хозяйка.

После рукопожатия взгляд ее скользит по твоим пальцам без украшений. Ты сплетаешь их за спиной, жалея, что не подумала купить на рынке якобы обручальное кольцо.

Вдова наклоняется вогнать болт высоких железных ворот обратно в землю. За несколько минут она во второй раз прилагает физическое усилие, и, когда выпрямляется, на носу у нее выступает пот, пот стекает из-под красно-зеленого нигерийского платья. Она обмахивается. На толстой золотой тесемке вокруг указательного пальца неуклюже вертится стадо гиппопотамов. На среднем пальце поблескивает громоздкий изумруд. На безымянном пальце другой руки раздулась пара широких, но тусклых обручальных колец. В углубления украшений въелась грязь. Все их нужно чистить.

— Да, чудесно, что вы позвонили и пришли, — продолжает вдова, устремляясь обратно по дорожке. — По телефону нужно быть осторожной, я должна знать, откуда человек. Сегодня нельзя верить всему, что говорят.

Она идет медленно, в разношенных сандалиях с заостренными носками — мода, диктуемая Нол-

ливудом[8]. Ты понимаешь, что над тобой нависла опасность: не дай бог ты ее обгонишь. Ты прилаживаешься, чтобы быть в полушаге позади.

— Вы, конечно, слышали, что наступают последние дни, — не унимается потенциальная хозяйка. — Так говорят все великие пророки. Да, время наступило, потому что сейчас, в наши ужасные дни, получаешь ли ты что-либо взамен, когда даешь? Никогда. Только теряешь. Отдав все, остаешься ни с чем.

Ты открываешь рот и опять его закрываешь, с облегчением догадавшись, что твой ответ не имеет никакого значения.

— А мне, хоть я и вдова моего мужа, — вещает хозяйка, — вы даже не представляете, что мне говорят те, кто сюда приходит. Что они хотят работать или иметь какое-нибудь жилье. Только на самом деле все пытаются выяснить, что у меня есть, и думают, как это украсть. Используют разум, данный им Богом, чтобы не приумножить, а преуменьшить те крохи, которые оставил мне

[8] Примечания: 8
Нигерийская киноиндустрия.

ВаМаньянга[9]. Я стараюсь приумножать, сделать больше, ведь Библия утверждает, что именно так нужно поступать, когда отошел хозяин. Но эти только хотят, чтобы то, что я имею, стало меньше.

Теперь ты часто дышишь и глотаешь слюну, которая вдруг стала горькой. Ты понимаешь, что боишься ее и не знаешь почему. Смеешься над собой, что оказалась такой робкой.

— Но вы ведь сказали, что какое-то время жили в Хараре. — Вдова идет дальше. — Мисс Сигауке, я не хотела расспрашивать вас по телефону. Неважно, сколько всего принесли белые люди, кое-что и вслух-то нельзя произнести. Но вот вы здесь, и это чудесно. Скажите мне, вы работаете?

Что-то тебя выдало, никаких сомнений, даже несмотря на туфли леди Дианы, присланные тебе кузиной, и опять вкупе с юбкой и подходящим топом из прошлого, которые ты надела на встречу.

— Работаю? Конечно. Я не из тех, кто сидит сложа руки. Я труженица, настоящая, — отвечаешь ты, отогнав мимолетное сомнение. — Труд знаком мне с самого детства.

---

[9] Примечания: 9

ВаМаньянга, БаМаньянга, СаМаньянга — господин Маньянга. Май Маньянга, МаМаньянга — госпожа Маньянга (или, в зависимости от контекста, мамаша, тетушка Маньянга).

— Чудесно.

— После работы на поле в детстве я преподавала — временно. А теперь работаю в рекламном агентстве «Стирс, д'Арси и Макпидиес». Вы его знаете. «В долине Меда, где растут самые лучшие свежие плоды». Один из моих слоганов. Вся Зимбабве знает.

Ты напеваешь старые стишки, думая о том, кто же теперь пишет им тексты.

— О, вы там работаете? — восклицает потенциальная хозяйка, на секунду задумавшись и узнав мелодию.

— Я между преподаванием и кое-чем получше, — уверяешь ты ее, когда становится ясно, что именно это она хочет слышать.

— Большая компания! Что вы там будете делать? — выпытывает вдова. — Вы будете сочинять песни?

Сгладив резкость в голосе, ты объясняешь:

— Слова.

— О, вы поете слова! Как я. В церкви я одна из лучших запевал в музыкальной группе поклонения.

По мере приближения к дому вдова интересуется твоим моральным обликом. Ты замужем? В гражданском браке? Как-нибудь еще? Или соби-

раешься замуж? Есть ли у тебя друзья мужского пола? Возможно, кто-то захочет тебя навестить? Это не разрешается. Поскольку, вопреки тому, что ты услышишь от соседей, здесь не бордель.

Ты бормочешь какую-то чушь, что не очень часто ходишь в церковь, предпочитая уединенную молитву.

Вдова Маньянга отвечает, что в делах молитвы она настоящий боец, и перечисляет людей, которых исцелила, и чудеса, которые сотворила. Ты поднимаешься по щербатым каменным ступеням и, пройдя в ржавеющую железную дверь, оказываешься на темной веранде.

— Заходите, мисс Сигауке. — Вдова открывает вторую дверь. — Вы попали в дом, где живут богобоязненные люди. Видите, вот? — Она склоняет голову.

У ближайшей стены, покрытой запузырившейся краской, несколько столиков. На каждом телефон.

— Вот. — Вдова останавливается и, опираясь на один из столов, поднимает с пола моток кабелей. — Плоды откровения.

Пыль забивается тебе в ноздри. Ты чихаешь, извинившись за аллергию.

— Откровение было не мне, — продолжает вдо-

ва. — ВаМаньянге. Моему мужу. Покойному. Но оно пришло, когда мы молились вместе. Поэтому откровение ему было благодаря мне.

Рассматривая дом, ты киваешь, и тебе удается своим видом выразить одобрение, поскольку обстановка у вдовы, хоть и сомнительная, куда предпочтительнее твоей.

— Телефоны, — с удовольствием объясняет миссис Маньянга, — одно из множества дел, над которыми трудился мой муж, когда меня оставил. ВаМаньянга был не как другие мужчины, что вы! Он помогал студентам университета, ведь после того как ему было откровение, что он призван кому-то помочь, он не знал кому. И поэтому я решила ему помочь. Я сказала, ВаМаньянга, студентов становится все больше, потому что правительство обучает молодых людей. Так разве не тут ты можешь помочь? Разве не тут мы можем помочь? Да, это была я. Я это сказала!

Ты стоишь в темном, заставленном помещении, а хозяйка ищет нужный ключ на железном кольце размером с небольшой бубен, которое вынимает из складок платья бубу.

Первый ключ заедает.

— Не волнуйтесь, — успокаивает она. — Ни о чем не волнуйтесь. Все двери в прекрасном

состоянии. ВаМаньянга хотел, чтобы все было так. Чтобы все было в прекрасном состоянии. Так он хотел.

После коротких поисков она вставляет другой ключ. Замок щелкает. Тяжелая тиковая дверь открывается.

— Благодарю тебя, Бог, — провозглашает, проходя вперед, твоя потенциальная хозяйка.

За дверью она останавливается, чтобы сориентироваться. Гостиная долго стояла запертой. Пахнет плесенью.

— Да, благодарю, благодарю тебя, Бог, — декламирует она, — за тот дар, что я имела, за прекрасного мужа.

Комната забита всякой всячиной, как в комиссионном магазине: разномастные столы, кофейные столики из Тонги, в пионер-стиле, капско-голландском, из старых колониальных шпал, а также парочка таких, что можно приобрести на обочине у торговцев и лозоплетельщиков, на них разного рода статуэтки. Тяжелые кресла, диваны, обтянутые кожей антилоп куду пуфы занимают оставшееся пространство. Проходя вперед, хозяйка опирается рукой на спинку стула и подводит тебя к креслу, которое при касании извергает облако пыли.

— Да, каждому, у кого есть соответствующий дух, было ясно, что необходимо повиноваться божественным указаниям, мисс Сигауке, что наши молодые люди, обучающиеся в университете, нуждаются. У скольких из них есть машины? У большинства нет. Так неужели же большинство не страдает? Разве я не права?

Вдова опускается на диван. Ты наклоняешься к ней, теперь она тебе интересна. Страдают! Уже не дети, но еще не старые: вдова дала определение твоей проблеме. Это утешает и вместе с тем тревожит: неизвестный тебе человек видит твою ситуацию насквозь, вертит ее и так и эдак, препарирует.

— Да, мисс Сигауке, вы понимаете. — Интерес к ее словам воодушевляет вдову. — Посмотрите на себя. У вас есть диплом. — И она опять переключается на студентов, призывая тебя посмотреть на них в свете христианства. — Подумайте о несчастных молодых людях. Мы собираемся на наши женские встречи, и, когда слышим, как в наши дни многие девушки из университета проявляют слабость, у нас разрывается сердце. Я уверена, в ваше время так не было.

Ты киваешь, еще считая себя девственницей, хотя была пара случаев, вселяющих сомнения:

если ты в силу обстоятельств вставляла тампон, чтобы не забеременеть, это считается?

— Но сейчас, — продолжает вдова, — молодые в ваших колледжах ложатся со всеми подряд. И поскольку университет там же, где эти девушки, я буду матерью несчастным студентам. Да, сказала я, я буду за ними ухаживать.

По ходу беседы ты узнаешь, что ВаМаньянга, который имел тогда много других деловых интересов, не торопился приступить к действиям по результатам откровения. Май Маньянга же, которая за несколько месяцев до того получила повышение из секретарш в супруги, не хотела упускать момент. Преисполненная энтузиазма, в задней части участка на два гектара она немедленно положила бетонную плиту. Там все еще стоит кусок гофрированного железа, прибитый гвоздями к низенькому столбику и извещающий, что плита должна была стать «Студенческим поселением СаМаньянги». Примерно тогда же, когда фундамент зданий был залит ядом от термитов, чтобы будущие арендаторы могли свободно общаться, Май Маньянга основала таксофонное общество, оборудование которого теперь в беспорядке валяется на веранде.

— Ах, бедные студентки. — Потенциальная

хозяйка качает головой и погружается в воспоминания. — Какой тяжелый для них удар! Разве могли они себе представить, что моего мужа вот так у них отнимут? Когда не было никаких проблем. Никаких. Ни в чем. Мы как раз собирались взять студенток. Таким женщинам, как вы, мисс Сигауке, это пошло бы только на пользу. И они были бы в безопасности. ВаМаньянга никогда не бегал к таким, которые чуть что ложатся. Нет, такого ВаМаньянга никогда не делал, не то что другие мужчины, так что можно было спокойно взять студенток.

Ладони у тебя становятся липкими. С тревожным чувством ты пытаешься понять, начинается ли разговор или уже закончился. Под тесной одеждой у тебя капает из подмышек, и в то же время хочется, чтобы вдова говорила дальше, отодвигая момент принятия решения: годишься ты или нет.

— Ах, да, вы узнали, — каркает она.

Ты увиливаешь от прямого отрицательного ответа:

— Красивая фотография.

Снимок, на который упал твой взгляд, стоит в самом центре вдовьего застекленного шкафа. Его окружают полушария, заполненные водой с кро-

шечными хлопьями и макетами башен разных европейских городов.

— Вы видите? Сходство? Конечно, видите. — От жары вдова обмахивается рукой в кольцах. — Вы понимаете, кто это, я уверена.

Пока ты молчишь и выдавливаешь вежливую улыбку, чтобы не вляпаться с неподходящим ответом, вдова поднимается с дивана и идет мимо бронзовых, латунных, медных статуэток, наставленных на маленьких столиках.

Стеклянные дверцы шкафа упираются и дрожат, но, немного потрясшись, покоряются ей. Вдова убирает две толстые китайские чашки с блюдцами и часть сервиза, занимающего верхнюю полку вместе с серебряным чайным сервизом, от налета превратившимся в медный. Под кургузым чайником, в покрывшейся зелеными пятнами металлической рамке из олова с шахты Камативи, стоит фотография, которую вдова велит тебе узнать.

Он гладко выбрит, со светлой кожей, среднего роста, в безупречном костюме с петлицей и носовым платочком в нагрудном кармане. Портфель держит выше, чем обычно держат, когда стоят. Он схватился за него обеими руками, как будто сначала сидел, затем его попросили встать, но

портфель он решил оставить на той же высоте. Он вцепился в него так крепко, что на тыльной стороне ладоней выступили жилы.

Она же кокетливо улыбается в объектив. Пухлые пальцы лежат на руке, которая держит портфель. Другой рукой она легко опирается на спинку деревянного стула, где отблескивает новенькая сумочка из искусственной кожи под питона. На ней туфли на платформе и платье-балахон, цвет которого на черно-белом снимке не определить. По обе стороны и на полках внизу фотографию окружают разнообразные безделушки: кошечка из розового кварца без одного уха, одинокая толстая кружка из местечка под названием Кингс-Армс, медные таблички с изображением протей, антилоп, глориоз — цветов Родезии, а также таблички, извещающие о годе, месте проведения и тематике множества конференций, в которых участвовал мистер Маньянга.

Вдова обходит допотопные часы с тяжелым ходом маятника, но идут они неверно. Поставив чашки на большой обеденный стол красного дерева, она заявляет, что сделает тебе чай. Ты ей нравишься. Несмотря на отчаянную нужду в благодеянии, сердце у тебя опускается. Змеи в животе принимаются зевать. Такое ощуще-

ние, будто сокращается матка. Сомнения в том, нравишься ли ты этой женщине, усиливаются, поскольку понятно: в тебе нет ничего такого, что могло бы сойти за обаяние. Тебя заливает презрение ко всему. Оно залегло под выражением лица, с каким ты смотришь на женщину, которой нравишься. В то же время восхищение ею, той жизнью, что она себе устроила, растет, и ты улыбкой отгоняешь недоумение.

— Мои так их и не добили. — Вернувшись, вдова ставит на стол бывалый поднос из рафии, груженный эмалированным чайником, сахарницей и молочником.

Она наливает тебе освежающий напиток и кивает на самую нижнюю полку, где стоят шесть одинаковых раскрашенных стопок, блестящих, поскольку с них регулярно вытирают пыль.

— Все тут. Все целы, хотя мы и ставили их на все наши большие семейные праздники, — с гордостью уточняет миссис Маньянга. — Сейчас я достаю их, только когда приезжают мои сыновья. Но разве они часто приезжают? Нет! Таковы сыновья. Так ведут себя молодые люди в наше время. Даже не навещают мать!

В чашку, которую протягивает тебе вдова, ты наваливаешь ложек пять сахара. Энергия влива-

ется в тело, и ты понимаешь, что осилишь путь обратно до хостела.

Ты хочешь еще горячего, сладкого чая. Однако стоит тебе поставить чашку на стол, как вдова приступает к осмотру дома. Она отдергивает толстую импортную занавеску из фиолетового атласа, чтобы показать заброшенный бассейн, кафельная плитка которого почернела от тины.

— Теперь, когда мальчики уехали, им никто не пользуется, — говорит она. — Разумеется, плавать мы учили их здесь.

Должно быть, кухня еще совсем недавно была хороша. Ты узнаешь, что изначально ее отремонтировали под наблюдением мистера Маньянги. Он признавал кафель только из одного места в мире — Италии — и только одного цвета — золотисто-охристого. Но с его смертью начали отскакивать плитки. Потом бетон. В грязных трещинах поселились полчища тараканов. По почерневшему засохшему растительному маслу носится ящерица. У тебя чешутся руки, и хочется как следует отдраить тут все химией.

— Вот эта комната, — сообщает вдова, когда ты заглядываешь в еще более затхлое и душное помещение, нежели то, что оставила, — должна была стать первой, которую я сдала бы студентам.

Я согласилась с моим мужем, когда он сказал, что, прежде чем правильно вести бизнес, нужно подготовить пилотный проект. Я не хотела противоречить ему и его откровению. Я сказала, что ничего не знаю про пилотные проекты, но Бог знает. Я просто приказала своему материнскому сердцу молчать. Вы ведь знаете женское сердце? Оно хотело делать намного больше для студентов.

Вдова быстро обходит крошечную комнатку, указав на окно, угол которого выходит на двор, хотя бóльшая часть смотрит на гараж. Она нахваливает старый кофейный столик, задняя часть которого подперта стопкой журналов «Перейд», и кивает на вешалку, спрятанную позади желтеющих занавесок розового атласа, за которыми колышутся клубы паутины.

Вдова извиняется за то, что заставила тебя ждать в конце сада.

— Подумать только! — восклицает она, переживая за тебя. — А ведь у меня есть садовник. И я постоянно ему плачу. Вовремя! Ни одного месяца не прошло, чтобы я не заплатила. Хотя я все знала, когда его нанимала. Но что я могла поделать с этим сердцем, женским сердцем? Каждая женщина в душе мать, мисс Сигауке. А всякая мать

еще и женщина. Поэтому я сказала: давай я буду тебе платить, хотя он самый настоящий бродяга.

Ты молчишь, возобновляя сделку с Богом, а заодно взывая к предкам.

— Я сказала ему сегодня утром: сходи, когда она придет, я жду посетителя. Но он рано ушел, потому что сегодня суббота, и по его милости мне самой пришлось открывать ворота. Я сказала, дождись мисс Сигауке. Нужно было сказать, что придет еще несколько мужчин.

С облегчением узнав, что никаких мужчин нет, ты улыбаешься чуть шире. В голосе Май Маньянги, однако, звучит сожаление.

— Поэтому я всегда, всегда рада людям из сельской местности. Из засушливых мест, где никогда не бывает дождей. Такие люди понимают, когда Бог дает им что-то хорошее. Потому что они воистину знают, что такое страдание.

Вдова оценила тебя высоко. Она отдает себе в этом отчет. Ты тут же соглашаешься на ее условия, поскольку о том, чтобы вернуться в отчий дом, в родную деревню, не может быть и речи.

Она предлагает тебе подсоединить один из телефонов с веранды, она, дескать, будет рада, что откровение, данное Богом ВаМаньянге, наконец исполнится. Арендная плата уже слишком

высока, поскольку ориентирована на зарплату молодого специалиста. Ты отказываешься от телефонной связи, хотя вдова подчеркивает, что по такой цене очень выгодно. Бредя обратно к дороге, ты уверяешь себя, что когда-нибудь как-нибудь доживешь до такой роскоши и телефон будет стоять около кровати. К моменту, когда ты голосуешь автобусу, ты пообещала себе уже три телефона: на кухне, в гостиной и в спальне будущего дома. Сидя в микроавтобусе, ты размышляешь о четвертом — в ванной.

Глава 4

Переезд к вдове оказался большой ошибкой. Когда ты заезжаешь, в комнате пахнет еще хуже, чем раньше.

Миссис Маньянга вьется вокруг тебя. Заметив твой сморщившийся нос, она восклицает:

— Да, мисс Сигауке, ваш бог благоволит вам. Теперь вы дома. Какое великое для меня, бедной вдовы, благо оказать кому-то такую милость!

Из течи на крыше залило матрас, грибок пухом покрыл ткань и потолок. Неужели хозяйка не видит?

— Теперь все миленькое, свеженькое. — И, заведя руку за вешалку, она снимает несколько нитей паутины. — Там была такая маленькая дырочка, вроде той, что тут на крыше. Просто из-за ветра слегка отошла плитка, но решив, что кто-то будет здесь спать, я, как видите, все починила. — Вдова стряхивает с рук пыль. — Знаете, мисс Сигауке, я все еще ищу девушку. Скромную девушку, которая могла бы помогать мне по дому. Там, в моем доме. Единственное место, где мне нужна чья-то помощь. Здесь я проветрила комнату. С тех пор как вы зашли в эту дверь, окна были открыты

каждый день. И я сама каждый вечер приходила их закрывать, потому что, понимаете, когда у вас есть что-то хорошее, люди только и думают, как бы все украсть.

Хозяйка с гордостью извещает тебя, что снимала атласные занавески и стирала их собственными руками.

— Видите ли, Бог благ. Я вдова, и сыновья мои разъехались. Но мне дается столько сил. Не для себя, для других. Бог по-прежнему одаряет меня силой!

Ты не можешь понять, радоваться или нет тому, что после ее ухода остаешься одна.

— Мваканака, Мамбо Джизу, — слышишь ты, как напевает вдова, идя по двору к своему дому.

Раскладывая вещи по грязным ящикам, ты клянешься, что, когда придет время уезжать, ты не пойдешь по вдовьей дорожке, как пришла — ни с чем.

* * *

Основное время ты проводишь, сидя на кровати и размышляя об очередном просчете, думая о том, как уже ненавидишь свою комнату. Правда, иногда прикидываешь, как можно подавить растущее ощущение рока. На случай, если вдова

спросит, ты стараешься изобрести правдоподобное объяснение тому, что не ходишь на работу, которая, как ты заявила, у тебя есть. Трое соседей не прибавляют тебе уверенности в собственных силах. У всех у них есть работа. Лучше не сходиться. Под этим ты понимаешь, что шапочно знакомиться не стоит. Ты выдумываешь способы не сталкиваться с ними, особенно с мужчиной из соседней комнаты, который меняет девушек чаще, чем трусы. Тихая женщина встает первой, обычно до петухов, чтобы ей хватило горячей воды. Долго моется. За ней идет крупная женщина. Мужчина в главной комнате встает последним, потому что у него собственная ванная. Сборы тебя будят; когда они уходят, торопясь на автобус, ты больше не можешь заснуть, потому что думаешь об их конторах, договорах и зарплатах.

Изредка ты осмеливаешься выйти подышать воздухом в сад или посидеть на пеньке — спиленной жакаранде у ворот. У ворот ты превозмогаешь себя. Вдруг деревенское воспитание становится преимуществом.

— Привет, как прошел день? Как вообще, как там, откуда вы идете? — приветствуешь ты прохожих.

Ты так редко говоришь, что пугаешься звука

собственного голоса, и поэтому не улыбаешься. Люди тоже не улыбаются. Иногда не отвечают.

Раз в неделю ты ходишь за покупками в крошечный супермаркет, имеющий такой же аховый вид, как и ты. Выйдя со двора, ты стараешься придать походке пружинистости, чтобы идти, как женщина, у которой на дне сумки туча долларовых банкнот. В магазине это притворство тебя душит, как будто ты надела слишком тугой корсет. Сделав покупки, ты не хочешь выходить на улицу, потому что сумка топорщится от дешевых пластиковых бутылок, малюсеньких пакетиков и крошечных коробочек. Растительное масло, глицерин для кожи, свечи на случай отключения электричества, спички — все кричит о твоей бедности.

Ты складываешь запасы в углу кухонного серванта, подальше от продуктов других жильцов. Ты копишь еду точно так же, как сбережения из рекламного агентства, что хранятся на счету одного строительного общества, по принципу «меньше значит больше»: меньше есть значит меньше тратить, в итоге у тебя больше наличных. Больше денег на ежемесячных банковских выписках со счета значит больше времени, чтобы привести в порядок свою жизнь. На завтрак

жидкая кукурузная каша, практически несъедобная, так как на вдовьей плите невозможно толком ни варить, ни тушить. На обед ты ту же кашу загущаешь в угали[10]. Чтобы полакомиться, начинаешь таскать листья — пару в день — со вдовьего огорода.

Все остальное время ты сидишь у окна, уставившись мимо когда-то младенчески-розовой, а теперь желтеющей ткани на неаккуратный хозяйкин газон. Когда становится нестерпимо скучно, ты чуть сдвигаешься, чтобы в поле зрения попала плита, которую мистер и миссис Маньянги заложили на месте будущего студенческого поселения. Иногда за бетоном ты видишь призрачный силуэт вдовы, она ходит взад-вперед по гостиной.

Ты беспокоишься, как бы не начать подумывать со всем этим покончить, ведь делать тебе нечего: ни дома, ни работы, ни прочных семейных связей. Такие мысли погружают тебя в болото, пенящееся чувством вины. Тебе не удалось ничегошеньки из себя сделать, но ведь матери, погребенной в нищей деревне, еще тяжелее. Как ты, получив такое образование, можешь думать, что тебе труднее,

[10] Примечания: 10

Распространенное блюдо, каша или пюре на основе кукурузной муки, которое принято есть руками.

чем ей? Матери, которая уже и не женщина почти и настолько замордована жизнью, что попыталась опереться на вторую дочь, а ведь той самой нужна опора, после того как она потеряла на войне ногу, а теперь добывает пропитание для двух порождений освободительной борьбы, твоих племянниц, которых ты видела всего раз, когда они едва умели ходить. С дядей, который вмешался и, чтобы оградить тебя от судьбы матери, отправил в школу, произошел несчастный случай. Став инвалидом Независимости, он сидит в кресле-каталке: во время оружейного салюта в ходе первых празднований в него попала шальная пуля, угодившая в тонкую мембрану у позвоночника. Ты заставляешь себя не думать об отце, одна мысль о котором приводит в отчаяние. Единственная, кто мог бы помочь тебе и родным справиться с трудностями, — кузина Ньяша. Но она уехала за границу. Последний раз ты слышала о ней, когда она прислала тебе туфли, слава богу, это было тогда, когда почта еще не столько воровала, сколько переправляла бандероли. Ты не помнишь, чья очередь писать и даже отправила ли ты ей благодарственное письмо.

Ты растеряла университетских друзей, потому что не могла поддерживать их образ жизни и не

хотела, чтобы над тобой смеялись. Спустя годы, после внезапного ухода из рекламного агентства ты отдалилась и от бывших коллег. В первые дни пребывания у Май Маньянги ты истязаешь себя мыслью о том, что, кроме самой себя, тебе некого винить в том, что ты лишилась статуса составителя рекламных текстов. Тебе следовало бы потерпеть белых людей, которые ставили свое имя под твоими слоганами и стишками. Ты проводишь много времени в сожалениях о том, что исключительно из-за принципа сама вырыла себе могилу. А возраст не позволяет тебе надеяться на место в этой сфере, так как в творческих отделах теперь работает молодежь с прическами ирокез и пирсингом в бровях, языках и пупках.

* * *

От гнетущих мыслей ты отвлекаешься в воскресенье, спустя несколько недель после заселения, когда по вдовьему гравию шуршит разбитая синяя «Тойота».

В облаке выхлопных газов она останавливается у навеса на несколько машин точнехонько так, чтобы никто больше заехать не мог.

Оторвав взгляд от журнала, который ты прихватила в рекламном агентстве и читаешь уже

в сотый раз, в проеме водительской двери ты видишь мускулистые ноги. Длинная мускулистая рука змеей тянется к задней двери и шарит в поисках ручки, наконец дверь открывается.

Выпрыгивают полдюжины детей.

— Мбуйя! — вопят они.

Дети прилагают все усилия, чтобы разорить вдовий огород. От их прыжков крошатся грядки, рвутся ветки виноградных кустов.

— Эй, ну ты посмотри, что делается! Вот подождите, кто-нибудь увидит, что вы творите, — кричит их отец, быстро выходя из машины. — Будет вам такая взбучка, ввек не забудете. Если бабушка не захочет, уж я постараюсь, будьте уверены.

Дети смеются, визжат и припускают быстрее, замолотив кулаками по вдовьей двери.

— Мбуйя! — опять кричат они, когда дверь открывается и вдова приглашает их в дом.

Их приезд дарит тебе возможность поразмыслить о мужчине. Вполне себе средство для достижения другой жизни, по которой ты тоскуешь, прочь от этого нигде, от этих дней, разверзающихся позади тебя пустотой. Ты не думаешь о любви, ты одержима лишь одной мыслью: что джентльмен может дать тебе, как вдовий сын может послужить гарантией, что ты не рухнешь

окончательно.

Ты глотаешь слюну, выступившую во рту, как будто ты куснула лимон, и тут с другой стороны машины открывается дверь и выходит женщина.

— Я не останусь в машине, — заявляет она. — Говорю тебе, не останусь.

Конечности у мужчины слишком длинные. Они двигаются, как лента конвейера, будто хрящи и связки на несколько размеров больше, чем кости. Шагая, он ставит огромные ноги на гравий. Вытирает ладони о мятую рубашку. Потом прислоняется к машине и мрачно закуривает сигарету.

— Сегодня я с ней поговорю, — упорствует женщина. — Что бы ты там ни бубнил, я это сделаю.

Ты черпаешь со дна презрение, мучившее тебя все недели проживания у вдовы. Насмешка мужчины, грея душу, набирает язвительности, а из тебя сочится яд, он мешается с его, и все обрушивается на женщину.

Мгновение спустя у ворот раздается шум. Лязгают болты, и к дому с грохотом подъезжает длинный низенький «Фольксваген Пассат».

Мужчина и женщина забывают о своих распрях, разворачиваются к подъезжающей машине,

и их лица прорезают улыбки.

— Ларки! — кричит мужчина с длинными конечностями тому, кто приехал.

Он отшвыривает сигарету и делает шаг вперед.

Женщина капризно скрещивает руки на груди и обтянутыми джинсой ягодицами прислоняется к «Тойоте».

Ларки опускает стекло и в приветственной улыбке обнажает все зубы.

— Эй, Прейз, — ухмыляется он, кивнув на синюю «Крессиду». — Так это она? Та самая отличная штука, о которой ты мне рассказывал?

Второй тоже ухмыляется, но от волнения губы его раздвигаются слишком широко.

— Новая, — решает Ларки, выходя из машины и еще улыбаясь во весь рот. — Хлам, брат! Зачем бросаться деньгами, завозить японский металлолом?

У женщины опускаются плечи. Ларки протягивает руку. Братья стукаются плечами.

— У меня все в порядке, братишка. — Ларки оборачивается убедиться, что его всем слышно. — Знаешь, я приехал на другой, номер три. Чтоб было на чем ездить, когда другие ломаются. Мать детей катается на «Мерседесе». Я предпочитаю «БМВ». Но не на выходные. Больше никаких

японцев, — хвастается он. — Только настоящие. Немцы.

— Япония тоже не плоха, — возражает Прейз. — Даже лучше. Они знают, как мы ездим.

— Ты как, Бабамунини? — вмешивается женщина.

— Но ты все делаешь правильно, — еще громче хвалит брата Прейз, чтобы заткнуть ее. — Надеюсь, я увижу твою третью, если она правда так хороша, как ты утверждаешь.

— Приезжай! Приезжай, посмотри сам, — смеется Ларки. — Не тяни. Пожарим мяса. Обязательно привози детей.

Мужчины сжимают кулаки и со смехом машут ими.

— Отлично, мупфана[11]. — И Прейз, опять обнажив все зубы, поворачивается к женщине.

— Бабамунини! Бабамунини! Мне нужно тебе кое-что сказать, — начинает она.

Обхватив себя руками, она чешет плечи, потом опускает их, потому что она безнадежна, из тех, кто жалуется на своего мужчину его младшему брату.

— Мбуйя, сюда, сюда! Мне, мне! — доносятся

---

[11] Примечания: 11
Малыш.

детские голоса.

Когда вдовья дверь открывается и дети вываливаются на крыльцо, крики становятся громче.

— Мваканака! Мваканака! Ты благ, Царь Иисус! — разносится голос вдовы по полудню.

— Май[12], не дай этому стаду порвать тебя в клочья. Мы идем. — И Ларки с деланой улыбкой проходит вперед.

Ты на пробу отодвигаешь занавеску.

— Чем вы там занимаетесь? — спрашивает вдова. — Как насчет того, чтобы наконец со мной поздороваться, Прейз, Ларки? Дети, по крайней мере, знают, как себя вести, поздоровались с бабушкой.

— Идем, Май. Уже идем, — отвечают братья. — Мы ведь приехали. А значит, хотим тебя повидать.

— Ну-ка, дети, догадайтесь, что у меня есть, — предлагает вдова.

У нее что-то в руках, что-то маленькое, пакет.

— Сосиски! — визжит один из малышей.

— Красные! — кричит другой.

— Кто хочет сосисок? — в полный голос выпевает вдова, как будто находится на женском

---

[12] Примечания: 12
Мать, мама.

собрании.

— Ини! Я, я! — вопят внуки.

Дети принимаются сосредоточенно кусать, жевать, и гам стихает.

— Как вы тут? Как Майгуру? — Ларки почтителен к брату. Понизив голос, он спрашивает: — Что с нашим младшим? Ты сказал Игнору, что мы хотим его видеть?

— Отлично. А как вы все? — Прейз чешет голову. — Наш младший? Да, а где он? Ты не позвал его?

Ларки подтягивает на боксерский живот шорты неоновых цветов.

— А что я? Это малыша Игнора нужно спрашивать, почему его нет. При чем тут я? Как будто не ты старший, не тот, кому полагается все устраивать. — Ларки подпускает в голос резкости.

Прейз достает из пачки еще одну ментоловую сигарету и смотрит на рассыпающееся хозяйство. Изо рта у него вырывается дым.

— Ладно, чем там занят Игнор, что ему помешало? — спрашивает Ларки.

Прежде чем предложить брату курево, Прейз опять чешет макушку. Ларки берет сигарету. В небо поднимаются голубые колечки.

— А теперь вы будете вести себя прилично! —

рычит Прейз на детей. — Вот что вы сейчас будете делать. Я вам тысячу раз твердил.

Мужчины становятся рядом и для тех, кто на крыльце, делают отцовские лица.

Воспользовавшись тем, что они отвлеклись, женщина в джинсах отходит от «Тойоты» Прейза и вклинивается между ними — чисто, как нож.

— Просто посмотри на меня, Прейз. — Она проходит вперед, чтобы вдова ее увидела. — Сегодня уже слишком, мне плевать. Я знаю, она не обращает на меня внимания только потому, что ты ей что-то сказал. И сейчас она поймет, что у нее есть еще одна муроора, еще одна невестка. Сегодня после обеда я поговорю с твоей матерью.

Вдова Маньянга решительно отворачивается от группы у гаража.

— Я сказал тебе, не сегодня, — оборачивается Прейз к женщине.

— Лжец! — шипит та и с угрозой поднимает палец и начинает раскачиваться на каблуках. Ее тело увлекается ритмом. — Ты мне врешь и сам знаешь это, Прейз Маньянга. Я только не понимаю зачем. Прейз, зачем ты мне врал? Когда говорил «в следующий раз»? А теперь, в присутствии твоего брата, твоей матери да и твоих детей ты выставляешь меня на посмешище. В

следующий раз, в следующий раз, в следующий раз, — повторяет она, все повышая голос. — Ты опять будешь врать и отрицать это? Ты все время мне врешь. Поэтому твоя семья меня игнорирует.

— Майнини, я рад видеть тебя здесь. Счастлив видеть моих добрых друзей, вот и все. — Ларки протягивает руки, чтобы обнять ее. — Ну перестань, ты правда этого хочешь? Быть такой несчастной? Когда мой старший все так здорово придумал и собрал нас здесь?

— Какой? — спрашивает женщина, пригнув голову, как бык перед нападением, но потом взяв себя в руки. — Какой я не должна быть? Я единственная, кто не должна какой-то там быть?

Она оттягивает вниз губу, а когда дальше уже невозможно, дает Ларки возможность обнять себя. Тот ведет ее к своему «Пассату», и когда они садятся в машину, позволяет ему похлопать себя по спине. Пыхтит мотор. Ты чуть улыбаешься, рассудив, что эта женщина не будет сильной соперницей.

— А кто хочет то, что у меня есть? — кричит детям Май Маньянга, зажав в одной руке еще одну упаковку с венскими сосисками, а в другой короткий ножик. — Да, Прейз, а в чем дело? Ты разве

не сказал Игнору? — отвернувшись от детей, спрашивает поющая в церковном хоре хозяйка так громко, что слышно на соседнем участке.

— Спроси у Ларки, — отвечает Прейз.

Вдова вскрывает ножом вторую упаковку сосисок.

— Только не говори мне, что ты ничего не сказал моему сыну, — снова начинает она, раздав внукам сосиски.

— Не волнуйся, Мбуйя Маньянга! Мы тоже хотим полакомиться всей той вкуснятиной, что ты наготовила. — Прейз скрещивает руки на груди. — Как только приедет тот, о ком ты вспомнила.

Ты слушаешь, представляя, что, уладив дельце, станешь членом семьи.

«Фольксваген» Ларки все-таки не уезжает из «маленького дома» с несчастной женщиной, женщиной его брата, так как к навесу ползет рыжая, плоская, как жаба, машина. Ты понимаешь, что это лучшая из трех, потому что, когда она останавливается, пнув бампер «Пассата», уровень шума в саду остается прежним.

— Эй, мхани, Игнор, веди себя прилично. — Ларки высовывает голову из окна.

— Да никаких проблем! Разве это проблема,

Ларки? Прейз? — пожимает плечами третий мужчина, с улыбкой выходя из машины.

Двое других с тоской смотрят на его машину.

Игнор кивает на дом матери, но Прейз берет его за руку и тянет к себе, пока их головы не соприкасаются.

Дети размахивают сосисками и стараются откусить друг у друга.

— Я еще принесу. — И, на ходу подобрав пустые упаковки, вдова Маньянга кричит: — Что, так и не поздороваетесь с матерью, хоть Игнор и приехал?

— Иду! — кричит в ответ Игнор.

Дети бегут в дом за вдовой. Ларки выходит из машины. Мужчины обнимаются и кивают головами.

Женщина отходит от «Пассата» к «Порше». Игнор залезает обратно в машину и через пару минут опять вылезает, к большому твоему удовлетворению, без спутницы.

— Большой мой брат, — говорит Игнор, выйдя из машины, — скажи мне, в каком помойном ведре ты откопал свою женщину.

— Какой еще большой брат? — огрызается Прейз. — Что ты там несешь про помойное ведро?

— Нужно смотреть, где водится рыба, — пожимает плечами Игнор. — Можно обойти все водоемы. Но обойти еще не значит наесться. Друзья мои, что это? Ты смотришь или ты ешь?

Прейз чешет голову.

— Как она? — спрашивает Игнор, смотря в сторону вдовьего дома.

— Довольна, — отвечает Ларки. — Сначала накормила внуков. Теперь вот ты приехал.

С заднего сиденья своей машины Ларки вытаскивает картонную коробку. Прейз из своей достает ящики с колой, фантой и имбирным пивом «Стоуни». Сыновья Маньянги сидят на плите и смотрят на вдовий огород. Они попивают из бутылок и, когда уровень жидкости опускается, добавляют крепких напитков.

Ларки спрашивает Игнора про адвоката.

Игнор подливает себе немного и отвечает:

— Камуриво.

Они говорят об адвокате. Твои мысли обращаются на двухлетней давности журнал из рекламного агентства, который лежит у тебя на коленях.

— А риелтор? — спрашивает Ларки.

Ты сравниваешь свою нынешнюю компанию, журнал в жирных пятнах, с мужчинами, которые

один раз уже вступили в наследство и готовятся вступить еще раз.

А Игнор тем временем мнется, не предлагая, однако, ответа.

Ларки встает с бутылкой в руке и смотрит на плиту, покосившийся забор, все бóльшую запущенность.

— В том-то и беда, — начинает он после паузы. — Я ведь говорил тебе, когда Баба умер. Я говорил, что нам надо заняться участком, иначе он сгниет. Что-то отсюда можно выжать.

В его движениях, когда он заговаривает о доме матери, печаль. До тебя доносятся слова «кухня», «выброшенные деньги». Скоро Игнор начинает смеяться. Прейз растерянно качает головой.

— А черный гранит, которым они непременно хотели выложить бассейн? — Голос Ларки повышается и дрожит. — Я говорил им, я сказал, Май, Баба, начните с уроков. По плаванию. Не с бассейна! Так надо начинать. Но наши родители, разве они кого-нибудь слушают? Сколько раз я его чинил? Мне надоело смотреть за этим домом, а сама она ничего не может для себя сделать!

— После аварии я помогал с ремонтом машины, — качает головой Прейз. — Нехорошо тебе, Ларки, заявлять, что все делал ты.

— Дом! — весело восклицает Игнор и объясняет, что надо знать нужных людей и заняться подписанием бумаг.

— А если она сейчас не подпишет, что будет? — интересуется Прейз, почесывая затылок.

— Вот он… — Ларки кивает на Игнора. — Он сказал, что его связи все сделают.

— А покупатель? — Прейз разворачивается и потягивается.

— Если у нас будет покупатель, — отвечает Игнор. — Прейз, что ты собираешься с ней делать?

Дети, которые опять вышли на крыльцо, допивают газировку и кидают банки в дерево гуавы.

— Может, стоит еще подумать, — пожимает плечами Прейз. — Она сдала маленькую комнату. Квартирантка отказалась от телефона, но по крайней мере выложила трехмесячный депозит.

Когда до тебя доходит, что квартирантка, о которой они судачат, это ты, у тебя перехватывает дыхание. Мысли разбегаются, появляется одна, следом за ней другая, смутная. В груди стучит сильнее, один удар — надежда, другой — еще большее разочарование. Ты хочешь, чтобы все было по-прежнему, чтобы вообще ничего не происходило.

— Давайте избавимся от телефонов, — пред-

лагает Игнор. — Они дадут кое-какие деньги. Я найду, кто их купит.

— Она все еще талдычит про телефонный бизнес, — качает головой Прейз, в отчаянии прищелкивая языком. — Хочет выписать родственницу, чтобы та помогла ей вести дело.

— Продать, — твердо повторяет Ларки. — Иначе мы все разоримся.

Ты делаешь медленный вдох, медленный выдох и решаешь, что для тебя не имеет никакого значения, кто купит дом. С женщиной в джинсах покончено, она вручила тебе сыновей Маньянги доступными и желанными для реализации только что задуманного тобой проекта остановить закручивающуюся вниз жизненную спираль. Их жен не видно, а это означает, либо что мужья не слишком высокого о них мнения, либо что у самих жен мало времени на мужей. С такими женщинами будет нетрудно потягаться. В конечном счете, поместив тебя в правильную семью, жизнь оказалась к тебе милостива. Первой мишенью ты выбираешь Ларки, он самый сильный.

Не подозревая о том, какую участь ты им уготовила, мужчины заканчивают разговор. Когда отец и дядья от плиты идут к дому матери, дети радостно кричат.

Ты проскальзываешь в ванную, откуда вдовий двор видно лучше, но, когда устраиваешься подсматривать, входная дверь закрывается, после чего видно только тени, по-разному и с разной скоростью движущиеся за занавешенными окнами.

* * *

Дни растягиваются в недели, ты ждешь возможности подловить хозяйского сына. Поскольку она не представляется, ты, лежа на кровати с провисшим матрасом в розовой комнате с рюшами, еще раз взвешиваешь свое положение и, дабы максимально увеличить шансы на успех, избираешь более мудрый подход: обработать каждого наследника поочередно, начиная со старшего. Ты мечтаешь о доме, где поселишься в будущем, где не будет ни розовых рюш, ни желтых кухонь. Сердце и разум устремлены на черный гранитный бассейн, ты хочешь гарантий, что он тебя дождется. Ложь наконец станет правдой. Ведь уходя из рекламного агентства, ты сказала коллегам, что кто-то прошептал: «Ты!», и ты выходишь замуж.

Глава 5

Энергия, подпитывавшая хозяйку, после приезда сыновей, уходит. В последующие недели она реже выходит из дома, не появляется в гостиной, которую с такой торжественностью показывала, а сталкиваясь с тобой во дворе или в коридоре, реже заговаривает о сыновьях.

Вдова пытается петь свои гимны, но голос ее слаб. Звуки вытекают, как усталый поток заиленной реки. Ночью она маячит негнущейся тенью в передней комнате, так как ей нестерпимо больно сидеть, а когда свет гаснет, певческие усилия сменяются молчанием или тихими стонами. Через несколько недель рука у нее оказывается забинтованной и на перевязи. Ты отводишь глаза. Никто в доме ничего не говорит, но, увидев это, ты дрожишь.

Внезапно ставшая молчаливой вдова несколько раз застает тебя в саду. Ты объясняешь, почему берешь ее овощи. Она почти не слушает, устремив взгляд на плиту, где сидели ее сыновья, а когда ты замолкаешь, собирает с толстого основания растения охапку желтеющих листьев и, протянув ее тебе, как можно мягче предлагает

тебе время от времени собирать листья, прежде чем садовник все окончательно запустит и превратит участок в джунгли.

«Время от времени» скоро превращается в каждый день. Ты продолжаешь лакомиться хозяйкиным урожаем, испытывая все меньше угрызений совести, вплоть до того дня, когда слышишь в доме два сердитых голоса. Вдова уже давно выходит во двор не чаще раза в неделю, не сидит на солнышке у входа. Ссора разрастается и разносится, как счастливая песня, хотя ее участницы от души рвут друг друга на части и дикими голосами оповещают о своем негодовании всю округу.

— Телефоны — старье, — твердит женщина, с которой ругается хозяйка.

— И что? Ты приехала сюда учить меня, как мне вести мои дела? Телефон — это телефон. Где ты видела там срок годности?

— Я здесь, не потому что ты меня звала, — говорит посетительница. — И не потому что хотела приехать. Люди, которые меня послали, сказали: поезжай, присмотри за ней. Они не сказали: поезжай и сделай так, чтобы она потеряла все, что ей оставил ее муж. Потому что она занимается ерундой!

— А ты бы не хотела, чтобы я все потеряла, — отвечает вдова. — Я и не собираюсь. Это мои дела. Я тоже на это работала. — Негодование в ее голосе потрескивает в воздухе, требуя покорности. — Пока ты здесь, будешь делать то, что я тебе говорю. В противном случае убирайся обратно в деревню, откуда приехала.

При упоминании деревни колется иголками страх, недавний ужас оттого, что ты недостаточно сделала, чтобы обеспечить себе нормальную безопасную жизнь. Ты гнала его слишком долго — всю сознательную жизнь. Но теперь, у Май Маньянги, он тебя одолел. Ты ругаешь себя, что не сделала ни шага в сторону Прейза, чтобы реализовать стратегию начать со старшего. Из-за твоей пассивности сыновья Маньянги могут продать дом раньше, чем ты устроишься, и тебе придется съезжать. Ты подбадриваешь себя, проклиная будущую свекровь. Клянешься себе, что тебя не запугает рассыпающаяся на глазах бабулька. Какие еще нужны доказательства? Ты давно могла бы стащить все ее овощи, сварить их на ее собственной плите и съесть на ее кухне — она бы ничего не заметила. Зато, во исполнение планов, тебе нужно быть осмотрительной с посетительницей. У нее в запасе множество

способов повлиять на вдову и поставить крест на твоем проекте стать почтенной дамой.

— Я не уеду. Тема закрыта. — Голос посетительницы уже спокойнее. — По крайней мере, приехав сюда, я выбралась из деревни. Найду, чем заняться, пока тут все не наладится. Но не трать время, даже не уговаривай, я не притронусь к этим телефонам.

С гостьей ты сталкиваешься после обеда.

— Мваканака, Мамбо Джизу! — Вдова появляется, когда ты варишь собранные утром овощи. — Васикана! Девочки! — зайдя в коридор, Май Маньянга громко зовет квартирантов. — И брат Шайн тоже. Я хочу видеть вас всех.

Ты не слышишь реакции других жильцов и тоже предпочитаешь отмолчаться. После ссоры с гостьей хозяйку переполняет энергия.

— Я уверена, что все четверо тут, — заверяет она спутницу. — Поэтому мы и договорились, что ты приедешь в субботу. Берта! Мако! — опять кричит она, уже громче от огорчения, что приходится столько раз звать квартирантов в присутствии гостьи.

Шаги останавливаются у двери в коридоре. Стук, ответа нет.

Хозяйка и ее спутница возвращаются по ко-

ридору, дав тебе возможность прошмыгнуть на кухню.

— Добрый день, Май Маньянга! — восклицаешь ты, подсластив голос, как обычно обращалась к сестре-хозяйке в хостеле. — Вы что-то хотели?

— А, Тамбудзай, — отвечает вдова, — вы, должно быть, гремели кастрюлями на кухне и не слышали, как я вошла.

Хозяйка указывает на женщину рядом с собой.

— Я привела свою родственницу, хочу представить. Чтобы никто не пугался и не звал полицию. Чтобы не было разговоров, что появился кто-то странный. И делает странные вещи. Пусть все соберутся и поздороваются с ней.

Берта, крупная женщина, которая моется позже тихой соседки, приоткрывает дверь и протискивается в узкую щель, чтобы не пустить Май Маньянгу.

— Это Кристина, дочь моего брата, — заявляет хозяйка, с гордостью делая акцент на слове «брат». — Того, кто был первым в нашей семье. Это его дочь. Да, дочь первенца моих родителей. Ее отца убило. Мы уже думали, что милостивый Бог провел его через войну, когда столько умирало, и тут его убили то ли солдаты, то ли товарищи. Все зовут ее Кири.

Хозяйка ненадолго умолкает, ее перенесло к брату. Ее слова разверзают пустоту, откуда выходят твои родные — раненые и мертвые. Ты издалека смотришь на свои воспоминания и в конце концов отворачиваешься от них.

— Да, — через какое-то время продолжает вдова. Тело ее дрожит. — Хоть мой брат и пережил войну, чудовище, которое рыскает вокруг, просто выжидало. Оно опять встало и сглодало его там, в Булавайо.

Через минуту Кристина пожимает всем руки. Все рассыпаются в любезностях.

— Как же так, Тете?[13] — спрашивает Кристина, когда церемония знакомства окончена. — Заявляешь, что кто-то приехал, и говоришь только о его отце. И о том, о чем никто здесь не может рассуждать здраво.

Следует неловкое молчание, поскольку все вы — дети миролюбивого народа. Вы не поминаете разногласия граждан и то, как их чудовищная бойня заваливала телами шахты заброшенных рудников и сволакивала эти тела в железнодорожные вагоны подобно нанесенному ветром мусору.

---

[13] Примечания: 13
Тетя по отцовской линии.

— Ты хочешь сказать, что я никого не звала братом, Кири? — спрашивает вдова тоном, который способен парализовать мысли у любого. — Да, если бы не тот ураган, что принес этих ндебеле, у меня был бы человек, к кому обратиться за помощью в наши скверные времена, такие скверные, что и сказать-то нельзя. Разве ты сама, Кири, не была бы другой женщиной, женщиной, у которой есть отец?

Потом Май Маньянга вспоминает, для чего все собрались в гостиной, и обиженно спрашивает:

— Ладно, а где еще девушка, Мако?

Хотя вдова произносит «Мако» громко и все ждут ответа, его нет.

— Что происходит? — опять спрашивает хозяйка. — Я слышала ее шаги, когда постучала, и решила, как хорошо, воспитанная молодая женщина. Приводит себя в порядок, перед тем как выйти к нам.

— А что Шайн? — спрашивает Берта, все еще загораживая дверь. — Май Маньянга, ведь так звали молодого человека?

— Вы меня знаете, — важно продолжает Май Маньянга, не обращая внимания на Берту. — Я не болтлива. Но все зовут меня воином молитвы. Если что-то не так, этой Мако следовало бы сказать.

Только и всего. И я преклоню перед ней колени.

Берта сильная, таких габаритов, что здравомыслящие мужчины спасаются бегством, если она ими, не дай бог, недовольна; женщина, которая часто повторяет, что она окаменела и перешла границу женственности, поскольку слишком о многом приходится говорить. Она тихонько хихикает.

— Пусть Шайн знает, что к вам кое-кто приехал. — Она хихикает еще тише и бессмысленнее. — Он должен знать. Мы не хотим ничего, чего не хотите вы, Май Маньянга.

Грудь соседки поднимается и опускается. Ты размышляешь, не засмеяться ли вместе с ней, но решаешь этого не делать.

Май Маньянга возвращается в коридор.

— А-а, вот наконец и Мако! — восклицает она, когда скрипит дверь четвертой соседки.

Вдова улыбается, так как высокого о ней мнения. Мако именно такая, какой и полагается быть квартирантке с договором — вовремя вносит арендную плату, никогда не оставляет свет или воду, не включает громкую музыку.

Мако так и не выходит, хозяйка не понимает почему. Берта обходит вдову и ее гостью.

* * *

Когда ты впервые, через несколько дней после переезда к вдове, увидела соседку Мако, у тебя аж губы задрожали от презрения. Она, должно быть, жила у вдовы Маньянги в лучшие времена, так как сам воздух в комнате провонял бесконечной враждебностью и невезением.

— Макомбореро, — ответила она, когда ты представилась. — Макомбореро. Ты ведь знаешь, что это значит? Поэтому называй меня просто Блессингс.

— Я Тамбудзай. Здравствуй, Блессинг, — сказала ты.

Тихая квартирантка покачала головой, уточняя:

— Блессингс-с-с!

— Тамбудзай, надеюсь, вы с Мако найдете общий язык. Она работает юридическим секретарем в министерстве юстиции, — заметила тогда Май Маньянга.

— Пока меня не называют юридическим придурком, — сказала соседка, — я не жалуюсь. Хотя разве все мы не придурки, что работаем там, в министерстве?

В углу послышался шорох. По потолку пронес-

лись маленькие когтистые лапки.

— Если хотите, называйте это работой, — еще раз пожала плечами Мако, не обращая ни малейшего внимания на грызуна, и последние остатки энергии отхлынули из ее голоса. — Что такое работа? Если это работа, она должна приносить тебе какой-то доход. Так разве не дурость, что ты продолжаешь туда ходить, хотя доход, можно сказать, никакой? Потому так и говорят. Юридический придурок. Все мы, те, кто там работает, все понимаем, хотя никто и не говорит, но мы слышим.

Во время ее монолога из-под полиэтиленового пакета в углу выскочила серая крыса. Коготки оставили следы в грязной вате, которую она грызла. Пакет упал, выставив на обозрение красную слипшуюся массу. От отвращения у тебя прервалось дыхание, и ты поняла, почему в комнате молодой женщины пахнет еще хуже, чем в твоей.

— Храню, чтобы сжечь, — бесстрастно закончила соседка.

— Да, вам следует знать еще кое-что, — повернувшись к тебе, сказала хозяйка. — Если сломается один из туалетов, платить придется больше.

После такого знакомства ты игнорируешь просьбу Мако звать ее Блессингс, как, впрочем, и все в доме. От нее удушающими волнами, такими же ужасными, как и отвратительный запах, исходит неудача.

* * *

Теперь, спустя несколько месяцев после того знакомства, Мако, когда все вошли, обеими руками закрывает дверь. Когда щелкает замок, юридический секретарь принимается рыдать. Она падает и съеживается на полу. Короткое, тощее тело извивается, скрюченные руки обхватили голову, пальцы вцепились в клок тряпки. Она похожа на зонгороро[14], которую тычут любопытные дети.

— Встань! — грубо приказывает Берта без всякого выражения на лице. — Что ты тут устроила пфику-пфику, хнык-хнык? — резко продолжает она. — Хватит уже. Иве, встань и объясни, в чем дело.

Хозяйка глубоко дышит, будто собирается запеть. Берта быстро, без усилий передумывает.

— Ладно, выбрось из головы. — И, склонившись

---

[14] Примечания: 14
Тысяченожка.

к поверженной секретарше, она поднимает ее.

— Нет, мне просто хочется умереть. Больше я ничего не хочу, — не в силах остановить рыдания, твердит Мако. — Что мне делать? — Она пытается вырваться из сильных рук Берты и лечь обратно на пол.

Берта крепко держит ее.

— Все кончено, — всхлипывает Мако.

— Шайн! — восклицает Берта. От ее голоса отлетает негодование, и он зависает где-то между отвращением и веселостью.

— О-о! О-о! — еще громче рыдает Мако, подтверждая подозрения Берты.

Гостья пристально смотрит, но молчит.

— Шайна нет, — удивляется хозяйка. — Он не вышел, когда я позвала его.

После чего присоединяется к Берте, советуя Мако утереть лицо.

Добрый совет не достигает цели, Мако продолжает задыхаться в соплях и слезах. Вдова поясняет Кристине:

— Ее зовут Макомбореро.

Кристина молча кивает. Вдова хлопает гостью по плечу, дав знак уходить. Май Маньянга идет чуть быстрее обычного, но в остальном спокойна, как будто не случилось ничего особенного.

Захлопывается дверь. Ты, Берта и Мако остаетесь одни. Сейчас другое время месяца, и завеса гнили, которую ты почувствовала в первый свой приход, несколько рассеялась.

— Шайн, — опять пустым голосом говорит Берта.

Мако рыдает и соскальзывает обратно на пол.

Берта становится над ней, уговаривая ее перестать сокрушаться и взять себя в руки.

Ты идешь к двери. Берта тоже разворачивается уходить, с болью глядя на слабость Мако.

— Раковина, — всхлипывает Мако, только чтобы вы не оставили ее одну.

Ты останавливаешься, положив руку на ручку двери.

— Щетка так громко скребется. Потом надо смыть водой и опять скрести. Я ничего не слышала, — скулит Мако. — Я не слышала, как он подошел.

Берта возвращается к кровати и опять втаскивает на нее Мако.

Плечи юридического секретаря вздрагивают, голос дрожит. Она с трудом рассказывает, что Шайн выскользнул из своей комнаты.

— О, почему я такая дура? Почему я его не слышала? — рыдает она, истязая себя самообви-

нениями. — Я думала, он просто вышел. Почему я ничего не сделала?

В слезах соседка объясняет, что начало ее конца было положено именно тогда, когда она ошиблась. Она наклонилась, отчищая щеткой внутреннюю поверхность раковины. Шайн подтянул ее и завел ей колено между ног. Она уверяет, что больше ничего не было, она повторяет это опять и опять, прерывая невыносимый рассказ о случившемся только для того, чтобы сообщить тебе, что она знает, ее мучение не прекратится, так как теперь, когда все случилось, она не знает, как остановить либо свою медленную смерть, либо соседа, который стал ее причиной.

Переехав к Май Маньянге, ты накрепко забыла сцену на рынке. Однако сейчас вспоминаешь Гертруду. На Мако мешковатые спортивные штаны и футболка с длинными рукавами — для уборки. Ты ни разу не видела ее в мини-юбке или обтягивающих легинсах. В случае с Гертрудой причина того, что случилось, была очевидна, ее видели все. И все же нечто похожее произошло и с Мако. Сердце бьется быстрее. Ты одинокая женщина. Твоя комната рядом с комнатой Шайна. После того, как он набросился на Мако, помешает ли ему твой возраст и вообще непривлекатель-

ность? В надежде на это ты отходишь от соседки, вдруг захотев очутиться подальше от горюющей молодой женщины.

— Что-то произошло? — спрашивает Берта, когда Мако немного успокаивается.

— Я же сказала, что произошло, — говорит Мако. — Он услаждал себя, стоя позади меня. А я только думала, пусть он кончит. Пусть кончит. Пусть идет. И поэтому молчала.

— И все? Тогда почему ты плачешь? — опять спрашивает Берта. — Он не угрожал тебе? Не пугал, что опять придет? Мако, спроси любую у себя на работе, да вообще любую, может, кроме нашей Тамбудзай, они тебе скажут, что такое приходится терпеть каждой.

При этих словах соседка начинает рыдать громче, и лоб Берты морщится, она не понимает. Именно тут ты осознаешь, что ничего не можешь сделать или сказать, поскольку все уже сделано. Рыдания Мако ничего не изменят. А поскольку ни ты, ни Берта не хотите рассуждать о причине ее расстройства, ты прощаешься, сказав Мако, что зайдешь, когда ей станет лучше. Но почему-то не уходишь. Мако бросается на кровать и зарывается лицом в тонкую подушку. Ты молчишь, молчит даже Берта. Она наклоняется и подтягивает Мако

тренировочные брюки, которые сползли с попы.

* * *

Вечером, когда уже темно, когда ты съела припрятанную еду, потому что, как говорят у тебя дома, чужие горести еще не причина терять аппетит, а еще потому, что сегодня лучше убраться из комнаты подальше от вздохов и стонов, доносящихся из спальни Шайна, ты копаешься во вдовьем огороде в поисках овощей на завтра.

— У меня для вас посылка, — негромко говорит хозяйкина племянница.

Она сидит на крыльце так тихо, что ты замечаешь ее, только когда она этого захотела.

— Кукурузная мука, — продолжает она. — Родные думают о вас.

Слюна у тебя начинает горчить.

— Ваша мать сама ее нам принесла. Она сказала: обязательно отнесите ее точно туда, где находится моя дочь. И письмо. Она его написала. Они не видят вас, но думают о вас. Ваша мать просила меня вам передать.

Ты долго молчишь. Кристина удаляется, хотя вроде и не движется: ее фигура просто растворяется в тени.

— Ваша тетя удивительная женщина, — вы-

давливаешь ты. — Она так добра, в ней столько любви. Она разрешает мне брать овощи.

— Я принесу? — спрашивает Кристина. Вопрос звучит так, как будто ей не особо хочется двигаться, формальный вопрос.

— Нет нужды, — отвечаешь ты. — Зачем вам беспокоиться? Я зайду завтра утром.

Ты уходишь с огорода, прихватив меньше листьев ково[15], чем собиралась.

— Я передам моей тете вашу благодарность, — говорит Кристина.

— Благодарность?

— За овощи.

[15] Примечания: 15
Род шпината.

Глава 6

На следующий день ты решаешь не забирать у Кристины посылку от матери. Тебе придется постучать в хозяйкину дверь, тебе предложат сесть, завяжется разговор, это часть визита — и все будет слишком явно ассоциироваться у тебя с домом. Потом ты успокоишься и разозлишься. Или откроешь рот и слишком много выболтаешь про свою семью. Май Маньянга из первых рук узнает про постигшие ее несчастья. Она сложит два и два и поймет, что ты хоть и с образованием, но неудачница. Может последовать предупреждение, а работы по-прежнему нет.

Утро ты посвящаешь письму кузине Ньяше, которая занимается кино в Германии. В нем ты просишь совета, как уехать из Зимбабве. Ты ничего больше не хочешь, только покончить с неумолимым кошмаром каждого дня, что проводишь в своей стране, где уже не можешь позволить себе лишнюю каплю арахисового масла, чтобы сдобрить овощи с огорода Май Маньянги, или мелкое излишество в виде душистого мыла. Покончить, уехать и стать европейкой. Ты не отправляешь письмо, а рвешь его и горько

смеешься над собой: если ты не можешь устроить жизнь в своей стране, как устроишь ее в другой? Разве у тебя не было возможности избегнуть бедности и сопутствующего ей краха всех мечтаний? Разве бабамукуру, дядя, не дал тебе многолетнее образование, сначала у себя в миссии, а потом в очень престижном монастыре? Все это ты похерила капризным уходом из рекламного агентства «Стирс и другие». Может, твоя судьба быть такой же нищей, как отец? Чтобы не дать угаснуть мало-мальскому уважению, которое питает к тебе вдова, которое зиждется на нескольких полуправдах и большом количестве мелкого вранья, ты не идешь к ней в дом.

Разумеется, поскольку ты запретила себе общаться с ней, племянница Май Маньянги притягивает тебя. Восхищаясь решимостью, с какой она устроила себе неплохую жизнь со вдовой, презирая ее любовь к своему дому — похороненную так же глубоко в ее сердце, как обе твои пуповины погребены в земле твоей деревни, — ты становишься жертвой самой горячей влюбленности.

Ты следишь за Кристиной из окна ванной. Гостья почти все время проводит во вдовьем саду, выполняя работу, на которую плюет садовник.

Время от времени она останавливается и поднимает взгляд на маленькое окошко, как будто может тебя увидеть, затем снова принимается за работу. Временами ты поддаешься соблазну и воображаешь себя родственницей женщины, которая уверенно противостала Май Маньянге, подвиг, прежде бывший по силам только Берте. Сердце с тревогой стучится о ребра всякий раз, как ты с ней сталкиваешься, но, к твоему облегчению, она не поминает посылку. Однако со временем ее молчание начинает походить на безмолвное осуждение.

Кристина превращается в существо, которое то заходит на твою орбиту, то сходит с нее. Когда ты думаешь, что Кири за тебя, она становится солнцем, дарующим тепло и непонятную, невидимую силу; когда нет, кажется слишком яркой и сильной, молнией, только и ждущей мгновения ударить. Она работает в саду с тем же плавным спокойствием, с каким движется, появляется и исчезает, когда ей угодно. Соединяет шланги и по длинной дуге разбрызгивает капли радуги. Когда ищет что-то в гараже, выражение ее лица не меняется. Выходит, проверяет стыки шлангов. Ты завистливо смотришь, как она ловкими пальцами великодушно рвет черную изоленту и чинит

шланг. С легкостью устанавливает конец шланга на самую высокую точку грядки с побегами и орудует мотыгой. Поливает душистый горошек, растущий вокруг дома вдовы. Сметает мусор со студенческой плиты. Пересаживает дерн под дерево гуавы. Кристина прекрасно справляется со всем, за что бы ни взялась. Она интересна.

Племянница Май Маньянги не потеет, ты ни разу не видишь, чтобы она запыхалась. Она все делает слишком хладнокровно, как будто ее нутро, отделившись от тела, отлетело в недоступное место. Взгляд, укрытый за доброжелательностью, витает далеко от вдовьего дома. Она устремляет его вниз, как будто, когда придет время, сольется с ним и умчится туда, где то, что она видит, совпадает с ее глубокими желаниями. Тебе и раньше доводилось наблюдать, как бывает — когда тело человека тут, а сам он где-то в другом месте. Твоя сестра Нецай, которая отправилась воевать и потеряла ногу. Когда ты сказала ей, что война закончилась, она ответила: «Да, я уходила, теперь вернулась, но я еще не здесь. Почти все время брожу там, по траве и песку, ищу свою ногу».

Ты худеешь и не знаешь, радоваться или нет. Кожа становится тусклой, как тонкая пленка, обтянувшая отчаяние. Так люди увидят, что ты

дошла до ручки, а тебе не хочется, чтобы все все знали. Овощи становятся отвратительными на вкус, поскольку первым делом ты вычеркиваешь из списка покупок растительное масло, потом соль, а брать по чуть-чуть масла каждый день из бутылки Берты или Мако у тебя не хватает духа. Каждая минута из всех двадцати четырех часов издевается над тобой, напоминая, до чего ты докатилась. Хотя кажется, что это невозможно, ночи стали еще ужаснее, с тех пор как сосед Шайн практически каждый день недели приводит новую женщину.

С каждой ночью свидания в соседней комнате становятся все свирепее, как будто Шайн замеряет уровень шума, производимого его женщинами, чтобы установить своего рода стандарт. Ты бьешься, чтобы ухватить сон, а когда засыпаешь, практически тут же опять просыпаешься. Пытаешься читать или укрываешься одеялом с головой. Наконец, поскольку отдых так же не дается тебе, как и все остальное, вылезаешь из кровати и смотришь во двор, понимая, что у тебя нет мужества ни на что, чего тебе бы хотелось: ни на отъезд из страны, ни на ловлю хозяйкиных сыновей.

* * *

Однажды вечером, через несколько недель после приезда Кристины, ты слышишь, как дверь Шайна открывается раньше обычного. Кто-то проходит мимо твоей комнаты к выходу. Радуясь, что сможешь отдохнуть, ты откладываешь расползающиеся журналы и забираешься в кровать.

— Ты позвонишь мне? — вкрадчиво спрашивает женщина соседа из коридора.

— Позвоню, — уверяет Шайн.

— А если не позвонишь? Я дозвонюсь до тебя сюда? По телефону, который ты мне дал? — продолжает голос с жалостливой тоской.

— Ты боишься, что я тебя забуду? — усмехается Шайн.

— Не забывай. Я уверена, ты не сможешь забыть, после сегодняшней ночи, — подхихикнув, говорит женщина.

— Не волнуйся. — Голос Шайна темный, тягучий, как патока. — Ты не из тех, кого мужчины хотят забыть.

Ты туго завязываешь повязку на глаза и закапываешься головой под подушку.

Входная дверь захлопывается. Ноги Шайна топают обратно в комнату, потом в его ванную.

Через несколько секунд шумит его душ, то и дело плюясь, поскольку городской совет не обеспечивает регулярный напор.

Ты наконец засыпаешь, и тут опускается и скрежещет ручка двери.

— Тамбудзай! Тамбудзай! — шепчет сосед.

Ты перестаешь дышать и молчишь, радуясь, что дверь заперта.

— Тамбудзай! Не волнуйся, давай просто поболтаем.

Голос Шайна просачивается в щель между дверью и косяком.

Во рту у тебя пересыхает, он наполняется песком, сердце колотится о ребра, ты не шевелишься.

— Сука, — выдыхает Шайн в безмолвие.

Ты молчишь.

— Тебя не станет — никто и не заметит, — заключает он и топает обратно к себе.

Тишина возвращается, как будто кто-то ударил кулаком. Спустя некоторое время его шаги опять раздаются в коридоре. Он выходит из дома и через несколько часов возвращается с сиплой партнершей.

Потом наступает тишина, и вдруг, оттаскивая от опушки сна, тебя пугает осторожный вопрос.

Тук-тук-тук. По твоему окну стучат ноготки.

— Ты меня слышишь? — спрашивает приглушенный голос.

В лунном свете блестят выпученные глаза.

— Ты которая? — шепчет женщина, окружающая эти глаза.

Вся в пятнах, призрачная за розовыми занавесками, поникшая фигура распластывается на окне.

— Там есть ключ? Я хочу открыть дверь. Ты должна меня впустить, — говорит она.

Понимая, что ей может быть видно в щель, ты отдергиваешь занавески, обнажив расщепленное лицо: одна половина — серебро, другая — эбен.

— Ты ведь меня знаешь, правда? — спрашивает женщина.

Ты широко открываешь глаза.

— Я была здесь на прошлой неделе, — торопится она. — У Шайна, неужели не помнишь?

Она опять стучит, настойчивее. Ты открываешь окно.

Женщина немного расслабляется.

— Они все такие? — спрашивает она, мотнув головой на оконную решетку.

Ты наконец киваешь и добавляешь:

— Кроме туалета. Но оно крошечное.

— Тогда открой мне, — просит она.

— Попробуй там, — машешь ты в сторону окон Берты и Мако и, когда она открывает рот, чтобы дальше тебя уговаривать, выдумываешь: — Я потеряла ключ!

— Псс, — втягивает посетительница воздух сквозь зубы.

Она крадется вдоль стены, топча настурции, которые усердно поливала Кристина. Скоро опять раздается стук.

Минуты идут, а ты лежишь под одеялом, размышляя, что лучше: чтобы женщины твоего соседа были у него в кровати или у тебя за окном. Когда хихиканье в комнате Шайна затихает, ты зажмуриваешь глаза, понимая, что имеешь дело и с тем и с другим. Через пару минут густой тишины из комнаты соседа доносится невнятное бормотание, за которым следует краткий выплеск шепота. Еще через несколько минут глухой стук говорит тебе, что кто-то неловко пытается открыть маленькое окно ванной.

В коридоре скрипят двери, остальные соседки выбегают в коридор.

— Чи-и? Что происходит? — Голос Мако просачивается под дверь.

— Всё эти! Вот достали! Сами же и напроси-

лись, — шипит Берта.

— Может, она ушла? — робко спрашивает Мако.

— Ага! Уйти оттуда, куда сама притащилась? — язвит Берта. — Иве, Мако, какая женщина так поступит? Если у тебя есть хоть какой-то разум, скажи мне, куда он подевался?

— Она тебя разбудила? — шепчет Мако, умиротворяя Берту сочувствием. — Она стучалась и ко мне в окно.

— А чего бы иначе я вышла? — огрызается крупная женщина. — Я сказала, девушка, перестань стучать, как будто окно твое. И разве тебе неизвестно, что это и не окно твоего мужа, спросила я. Ты только посмотри на нее, думает, что сахар покупают не в магазине на собственные деньги, а на идиотские члены Шайна.

— Они за ним бегают, — соглашается Мако тонким дрожащим голоском.

Берта с отвращением фыркает, как всегда, когда смакует чужие несчастья.

— Ха, спорю, его мать проводит жизнь в слезах, потому что ходит за полдесятком, если не за десятком детишек. Если бы я была матерью Шайна, я бы его удержала. Спустила бы, как дерьмо, и все бы кончилось.

— Тсс, — предупреждает Макомбореро. — Что, если он тебя услышит?

— Тогда и посмотрим! — гогочет Берта.

Пока соседки беседуют, в палисаднике поднимаются беспорядочные крики.

Ты медленно вылезаешь из кровати, нашаривая ногами парусиновые туфли. Не желая иметь ничего общего с этой суматохой, ты тем не менее понимаешь, что нужно быть в курсе, нужно позаботиться о своей безопасности. Рассудив, что лучше бы никто тебя не видел в заношенной ночной рубашке с оторвавшимися пуговицами, ты натягиваешь джинсы и футболку.

Когда ты появляешься в коридоре, Берта открывает дверь и выходит на улицу. Мако спешит за ней, а ты выходишь следом.

В саду хозяйка, выходя из-за дома, торопливо обматывается замбийской юбкой[16].

Она, ты, Берта и Мако сходитесь и всматриваетесь в клокастую траву. В самом центре, на пыльном пятачке открытого пространства, непрошеная гостья сражается со своей одеждой.

На ней бледных цветов блузка с вздымающимися на груди рюшами, как будто она явилась на

---

[16] Примечания: 16

Кусок ткани, обматывающийся на бедра, традиционный замбийский наряд.

званый ужин. Наряд завершают тонкие темные лодочки.

Она нашаривает пуговицы сначала на блузке, затем на брюках. Ты в ужасе смотришь, как она дергает молнию.

— Смотри! — кричит она. — Посмотри на меня! Я сейчас сниму одежду, Шайн, я сделаю это. И хочу посмотреть, что ты будешь делать.

— Качасу[17], — говорит Берта. — Или зед. Никогда не видела, чтобы женщина пила такую жуткую жесть.

Ты смотришь, и на глазах у тебя слезы. Безумие женщины напоминает панику, охватившую тебя несколько часов назад, когда Шайн стоял у тебя под дверью. А если бы ты была моложе? Что бы ты сделала, если бы кто-то вроде Шайна, работающего бухгалтером, обратил на тебя внимание? Резкие слова Берты звучат у тебя в ушах. Ты вспоминаешь Гертруду, камень в твоей руке, и у тебя сводит живот. Ты отходишь от Берты и своих воспоминаний поближе к Май Маньянге.

Женщина стаскивает блузку и отшвыривает ее в сторону. Та повисает на острой пампасной траве. Она шарит руками по плечам, чтобы стя-

---

[17] Примечания: 17
Нелегальный традиционный крепкий спиртной напиток.

нуть бретельки лифчика. Пальцы ищут, ищут бретельки. Когда ей наконец удается справиться с молнией, даже Берта не фыркает, потому что исступление исходит от женщины огромными волнами, пока, как дым, не заволакивает все вокруг.

Раздраженно вздохнув, хозяйка разгоняет морок. Она смотрит на окна Шайна, где погашен свет, затем еще раз на взбесившуюся женщину.

— Шайн убрался, — ухмыляется Берта. — Давно пора.

Ты и Мако соглашаетесь, и Берта добавляет:

— Я долго ждала. Я хочу привести сюда кое-кого с работы.

Вдова Маньянга сердито шепчет:

— Что здесь делает эта малявка? — Хозяйка использует приставку «ка-», обозначая женщину Шайна мелким, пустым, не достойным внимания объектом. — Кто ей сказал, — кричит она, — что это место, куда можно вот так приходить и такое вытворять? Где она это слышала? У меня что здесь, бордель?

Берта фыркает, и в этом фырканье несколько вариантов ответа на вдовий вопрос. Ты молчишь. Мако дрожит.

Полуголая женщина продолжает кричать. Че-

рез секунду, победив молнию, она стаскивает с себя брюки, ерзая и подскакивая, как танцовщица популярного ансамбля румбы.

Берта смеется, обрывая непомерное хозяйкино негодование. Используя передышку и соображая, что можно сделать, вдова подтягивает юбку, расправляет плечи и надувает губы.

— Мария! — Вдова набирает воздуха и выбрасывает вперед правую руку.

Этот жест утешает тебя, ты рада, что стоишь рядом.

— Мария на Марита вакатаура наИше[18], — ревет вдова, впервые за последнее время в порыве праведного гнева давая волю своему голосу.

Потрясенная ночными событиями, ты тоже поднимаешь правую руку. Потом поднимаешь и вторую и машешь обеими в такт вдовьей.

— Вакатцра наИше, дай магара пано, Лазаро хааифа, — кричит Май Маньянга. — Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы Лазарь.

Хозяйка в экстазе машет руками, подняв их над головой и вывернув ладони к раздевающейся во дворе женщине.

Мако опускает голову и, сцепив руки, шевелит

---

[18] Примечания: 18
Сестры послали сказать Ему.

губами. Ты начинаешь петь.

Берта идет поднять блузку с травы и, найдя ее, проходит вперед.

— Оденься, — бросает она тряпку женщине. — Всех нас позоришь.

Хозяйка перестает петь.

— Да, покрой ее, — говорит она, охладив пыл пением. — А потом пусть убирается!

Женщина Шайна встает — джинсы сползли до щиколоток, — смотрит на блузку под ногами и не знает, что делать.

— Дурочки, — язвит хозяйка. — Что этот парень может им дать? Пару туфель? Посмотрели бы на нас, — продолжает вдова. — Нужно учиться у старших сестер. Потому что заполучить мужчину в мужья — не игрушки. Это так же страшно, как война, и надо знать, как ее вести.

Размахивая поднятыми руками, ты продолжаешь петь, чтобы поддержать хозяйку. Поддержка, кажется, ее воодушевляет.

— Зачем ложиться? — пожимает она плечами, поворачиваясь спиной к женщине Шайна. — Зачем, если все равно ничего не получишь?

Раздумав уходить, вдова останавливается возле тебя.

— Стой, как стоишь, вот что я говорю, — на-

ставляет она. — И ничего не раздвигай. Вот все мужчины хранят все, что нужно хранить. Разве не так, васикана?

Руки у тебя устали и падают вниз на бедра. Восприняв твою усталость как сигнал, вдова поворачивает к своему дому, провозглашая:

— Мы низведем огнь Святого Духа на все, что эта глупышка принесла в мой сад. Мы станем молиться о ее прощении. Помните, девочки, Царство Божие силою берется. Применим сегодня силу, моля о прощении.

— Мы хотим спать, — возражает Берта. — Кроме того, за ней, той, что там, надо присмотреть, — торопится она, не давая Май Маньянге возразить. — Она может опять начать всех проклинать, для того и пришла. Мы с Мако будем внимательно следить за ней из-за занавесок.

— Встанем на колени, — предлагает тебе вдова. — Ты и я, вместе, Тамбудзай. Помолимся об этой женщине.

Испытывая потребность помолиться, она смотрит на гравий и все-таки не становится на колени, зато набирает воздуха в легкие и еще раз громко запевает.

— Кто-то сказал, что я куда-то уйду? — кричит женщина Шайна. Ее голос становится все громче,

наконец зависает в воздухе, как капризная звезда. — Ладно, присматривайте. Пойте, пойте. Как будто на меня это подействует. Никуда я не уйду.

Кристина все время сидела у ворот под деревом жакаранды так тихо и неподвижно, что ни ты, ни соседки ее не заметили.

— Эй, сестра, в чем дело? — кричит теперь хозяйкина племянница.

Май Маньянга замирает. Не обращая внимания на племянницу, она приближает губы к твоему уху и спрашивает:

— Тамбудзай, ты идешь? — И, задав этот вопрос, с важным видом уходит.

Ты спешишь за ней, радуясь, что можно улизнуть.

— Пойди скажи Кристине, чтобы она выпроводила ту женщину из сада, — говорит хозяйка. — А потом пусть запрет ворота. Нельзя, чтобы она опять притащила сюда чертей. Прийти сюда, чтобы устроить такое, — на ходу бормочет вдова. — У меня что, притон? В доме ВаМаньянги? Фу, почему она решила, что может делать у ВаМаньянги, что хочет?

Когда ты возвращаешься с инструкциями Май Маньянги, Кристина уже стоит посреди двора и понукает женщину одеться. Та дает себя утихо-

мирить, и скоро вы втроем выходите за ворота.

— Вот. — Кристина протягивает туфли и, прислонившись к столбу, смотрит, как женщина Шайна влезает в них. — Теперь уходи и не возвращайся, — приказывает Кристина, когда та наконец оделась.

Женщина Шайна мнется.

— Уходи, — настаивает Кристина.

Пока незваная гостья, двигаясь на фоне серебряных волн лунного света, омывающих изрытую дорогу, постепенно превращается в темное пятно, Кристина стоит, как молчаливый страж. Ты отходишь к гранитному валуну под огрызенным деревом, опять не в ладах с собой, пытаясь затолкать обратно непонятные слезы.

Глава 7

Цветы жакаранды облетают на землю, их нежный сиреневый цвет теперь бледного металлического оттенка. У лунных теней края острые, будто это ножи.

Ты все сидишь на валуне под большим деревом у ворот. Кристина стоит чуть поодаль, скрестив руки, уставившись в ночь, как будто смотрит спектакль, который видела уже очень много раз.

Ты собираешься вернуться к Май Маньянге и молитвам, когда Кири оборачивается к тебе.

— Давай побежим, — еле слышно говорит она.

Эти перемены в ее настроении сбивают с толку. То она стоит с отсутствующим видом, а то вдруг оказывается с тобой — женщина такой широты, такой мощи, что вмиг может перепрыгнуть оттуда сюда силой своей воли.

Хозяйкина племянница смотрит на дом, где тебя ждет Май Маньянга. Пока ты соображаешь, что ответить на предложение Кристины, вдова сдается и сворачивает к дому. Теперь вас только двое, и ты молчишь. Тебе хочется положить голову Кристине на грудь и заплакать.

— Давай побежим, — повторяет Кристина.

Ты понимаешь, что не этого она хочет, не слез, и молча соглашаешься с ней, как всегда соглашаешься с людьми крупнее тебя. Сегодня ты уступишь, слез не будет.

— Побежим, — вторишь ты.

Ты слышишь сказанное тобой слово и злишься на себя, потому что оно ложь, подменяющая ту правду, что на самом деле тебе хочется положить голову на грудь Кристине и дать вылиться скопившейся внутри тебя воде.

Кристина поднимает верхнюю губу, заполняя пространство между вами чем-то неуловимо веселым или неприязненным. Ты не против признания, пусть замаскированного, в том, как она тебя понимает. Возможно, это миг надежды, когда тебе удастся сказать: «Мне так все надоело, что я сама себе надоела. Мне кажется, у тебя получится. Кири, ты поможешь мне?» Но, прежде чем тебе высказаться, губы опять смыкаются.

— Одни разговоры, — пожимает она плечами, дымом пустив голос в ночной воздух.

— Видно же, что ты не такая, — продолжает она через некоторое время. — Тебе что, отрезало ноги, как человеку, который был на войне, и ты даже не в состоянии забрать посылку?

— Твоя тетя зовет, — говоришь ты, чтобы пре-

кратить насмешки.

Ты твердо, как тебе кажется, намерена воспротивиться издевательствам деревенской женщины.

— Не только твоя мать, — продолжает Кристина. — И Нецай. Только твой отец и пальцем не пошевелил. Твоя сестра помогала матери нести кукурузную муку, прыгала всю дорогу, хотя ты ведь знаешь, как она скачет на своей единственной ноге — прыг-прыг. Она тоже передавала привет. Я такая же, как твоя младшая мать. И очень хорошо знаю твою тетю Люсию. Мы вместе пошли на войну и вместе вернулись.

Ты догадывалась, что так будет. Ведь Кристина тебе чужая, и единственная причина ее связи с твоей семьей заключается в том, что они сошлись во время войны, когда тебя уже не было в деревне. Во времена раздрая пропасть между тобой и домашними расширилась. Поскольку дома было опасно, ты училась в женском колледже Святого Сердца, а каникулы проводила в дядиной миссии.

— Во время войны нас учили не быть эгоистами, — продолжает Кристина, которая вплоть до сегодняшнего вечера не проявляла большого интереса к разговорам. — Потому что там все

умирали. Был один парень, он мне нравился. Его все время отправляли на фронт, пока он не погиб. Я даже тогда считала это эгоизмом. Вопреки всему, чему нас учили. Хоть мы и воевали, там было полно лжецов.

Сейчас слишком поздно начинать разговор, который ты бы завела несколько недель назад, когда приехала Кристина, — разговор о семье и ее бедственном положении, о твоем бессилии хоть как-то помочь своим, поскольку ты в городе нищенствуешь. У Кристины есть такая прослойка под кожей, которая отделяет ее наружность от нутра, не позволяет никаких контактов между человеком, каким она когда-то думала стать и каким в конце концов стала. Один не признает существования другого. Женщины, прошедшие войну, именно такие, это новый вид существ, прежде неизвестный, не вполне мужчины, но уже и не женщины. Говорят, после того как они впервые убивают человека, кровь у них перестает приливать к матке. Шепчутся, что страшное было невыразимо страшнее, когда его совершали женщины, и в знак отвращения к такому кошмару предки остановили цвет народа так же, как поступили и с женскими органами. Тебе вдруг приходит в голову, что ты намного больше

похожа на Кристину, чем на Май Маньянгу, на Кристину с ее бесплодной войной, которая не принесла ничего, кроме ложных надежд и новой, более совершенной разновидности отчаяния. Только из-за бесполезного образования, подчеркивающего твое нищебродство, становится еще смешнее.

Кристина пускается бегом. В тихом ночном воздухе плывет вдовье пение. Ты бежишь за Кристиной, не ради нее, но чтобы оказаться подальше от гимнов. Уже через несколько метров разглядеть что-либо трудно. Ты еще раз пытаешься понять, что перед тобой, но видишь только ночь. Кристина выпрыгивает из-под дерева. Ты почти натыкаешься на нее.

— Вот чему мы научились, — говорит она. — Бегать не трудно. Каждому под силу. Не бежишь — не живешь. Что бы ты делала, если бы не бегала, чего, по твоим словам, ты не умеешь?

— И это после всего! — выдыхаешь ты с неприязненным восхищением. — Целый день. В ее саду!

— Я не потею, — отвечает Кристина. — Я бегаю в город по крайней мере три раза в неделю, по ночам. — Кажется, она довольна, что на тебя производит впечатление ее выносливость. — Мне

необходимо. Единственный способ. Потому что в отличие от всего остального этому нет конца. Точно как сегодня в саду. — Она отворачивается, но скоро продолжает: — Из всего того, чему нас научила война, это хорошо. Есть только один вид крови, не несколько, как некоторые любят говорить. Мы видели, как она сочится из каждой раны. И даже те, кто не умел бегать, один раз увидев, понимали, как это делается. Правда, Тамбудзай. Если ты видела кровь, ты все знаешь про то, как надо бегать. — Какое-то время Кристина прыгает, как бегун, готовящийся к рывку. — Если бы мне снова пришлось выбирать, я бы никогда больше этого не сделала. Я научилась тому, что от крови надо бежать. Никто не бежит к ней, делая вид, будто это вода. Которую ты можешь куда-нибудь налить и пить. Река, текущая для того, чтобы утолить жажду, лжет, что она вода.

Она прыгает, и тень ее похожа на тень зверя. Ты прислоняешься к стволу дерева. Дыхание только начало успокаиваться, мелкими толчками, с трудом заталкивая воздух в легкие.

— Почему ты молчишь? — спрашивает Кристина, и в ее голосе слышится тяжелое разочарование.

Ты хочешь, чтобы она убежала, прочь, без тебя,

чтобы ты осталась в «между», не в городе и не у вдовы. Ты не нашла слов, чтобы сказать о перевязи на руке Май Маньянги, когда увидела ее, не собираешься этого делать и сегодня.

— Так ты утверждаешь, что не видела крови в гостиной Май Маньянги? — продолжает Кристина. — И, хоть была в доме, ничего не слышала?

Когда она заговаривает об этом, тебе хочется уйти, умчаться стрелой от той сцены, свидетельницей которой ты стала в гостиной Май Маньянги много недель назад, до приезда Кристины. Ты хочешь оставить в сердце вернувшейся с войны женщины ее правду, ту, что, хоть раз увидев кровь, уже не отмыться. И все же ты начинаешь понимать, что кровь не просто умеет говорить, она не отстанет. Ты видела, как во время войны кровь хлестала из ноги твоей сестры — вскоре после того, как ты закончила школу при миссии дяди. Тогда ты бежала. И бегала от этого зрелища все годы учебы в женском колледже Святого Сердца.

— Никто ничего не слышал, — защищаясь, бормочешь ты.

Тебе хочется сесть, но тут только забор.

— Кто-то хоть что-то вообще об этом думает? — спрашивает Кристина. — О Мвариве тиитире

ньяша. Господь Всемогущий, смилуйся над нами.

Боль, которую вдова Маньянга не сумела призвать на женщину Шайна, сочится через ее окно в ночь — далекое несчастье.

— Хм, один раз увидел, потом трудно всегда, — говорит Кристина. — Если ты из тех, у кого слабое сердце, сначала кровь может стать чем-то вроде ловушки. Она приковывает. И потом ты либо хочешь ее все время, либо боишься до конца своих дней.

Ты все еще дышишь мелкими глотками, с трудом. Хватая тебя за горло, под дыханием усиливается боль, так что невозможно выдавить ни слова. Ты понимаешь, хоть и немного сказала про тот вечер, все-таки слишком, и нечего даже пытаться добавить что-то еще, иначе утонешь в яме бесчестья.

— Не переживай, — успокаивает Кристина. — Не твоя вина. Вообще не вина кого-то из жильцов дома. Ей все говорили. Но моя тетя никого не слушает.

— Ванамаи, уйаи тичеме. Жены, возрыдаем вместе, — со стонами выпевает вдова. — Куна Мвари ати итире ньяша. Обратимся к Богу, воззовем к Его милости.

— Семья посылала людей сказать ей. Но она

только чванилась. Твердила, что исполняет волю ВаМаньянги, ничего ей не скажи. Поскольку она была последней, кто его видел, то знает, мол, чего хотел ее муж.

— О Мвари ве, тиитие ньяша, — рыдает вдова. Голос ее вдалеке стал тоньше.

— Как-нибудь я расскажу тебе. — Посул Кристины звучит угрозой.

Вдова опять выходит на дорожку, и пение становится громче.

— Она ищет меня, — скулишь ты. — Я сказала, что приду с ней помолиться.

— Пошли, — отвечает Кристина. — Поймаем попутку до города.

— Я возьму доллар, — решаешь ты, передумав, хоть тебе и не хочется тратиться на дорогу в город и обратно.

Ты ждешь, пока Май Маньянга вернется в дом, и торопливо идешь по дороге. Оказавшись в комнате, ты подумываешь забраться в постель, но Май Маньянга опять принимается рыдать. Из тайника в ящике стола ты достаешь доллар, быстро переобуваешься и переодеваешься.

Опять очутившись на улице, ты идешь рядом с Кристиной, глядя на свою лунную тень. Она больше тебя и движет частями тела, которые у

тебя неподвижны. Она бежит, когда ты идешь.

— У тети кровотечения, — говорит Кристина. — Она больна. Ее сыновья напуганы.

Ты хочешь, чтобы она замолчала, но хозяйкина гостья продолжает:

— Они делают вид, что не знают, кто все натворил в тот вечер, но это был Ларки. Разве они могут что-то делать нормально? Так почему вы все в доме врете, что ничего не слышали? Ты что-нибудь скажешь мне, Тамбудзай? Зачем молчать? Разве ты Маньянга? Тетя долго не протянет, но если сыновья прежде убьют ее, мы, члены семьи, не хотим молча смотреть. Поэтому было решено, что я поеду сюда и присмотрю, чтобы мальчики чего не учинили.

Ты втягиваешь воздух. Дым. Пряности. Кто-то из живущих на этой улице жарил или еще жарит барбекю.

Твой нос помнит тот вечер несколько месяцев назад. В главном доме сильно пахло маринованным мясом.

* * *

Тебе никогда не узнать, точно ли в тот день у Игнора, младшего, день рожденья. Но вдова и ее сыновья решили его отметить.

Май Маньянга начинает готовиться накануне. Она дважды выезжает на «Ниссане», который только что вернулся из мастерской, так что в гараже наконец-то стоит машина. Однако всякий раз, как она заливает бензин в карбюратор, изношенная труба выплевывает темные облака, как будто у машины несварение желудка. Позже утром в тот день ты идешь на кухню, надеясь, что все ушли. Ты хочешь приготовить себе кашу, но, едва войдя, раздумываешь. Берта и Мако устроились на стульях. Это последние выходные месяца, и у них на маленьком столике апельсиновый сок, маргарин и джем. А еще тосты и омлет с дольками бекона. Ты тупо смотришь на их еду, рот даже не удосуживается наполниться слюной.

Грубо хохотнув, Берта предлагает пари: доберется вдовья машина с загородной прогулки домой или крякнется, и вдове опять придется вызывать мастера? Мако принимает пари. Еще раз громко рассмеявшись, Берта ставит на вдовий крах. Когда Берта наконец успокаивается, Мако уверяет, что Бог, всемогущий и милостивый, будет благоволить вдове.

Вечером сыновья Маньянги приезжают вовремя. Они запаслись кулерами и льдом, а женщины, согласившиеся сесть в машину Прейза, упаков-

ками пива «Касл» и бутылкой вина «Мекую». Зависть расцветает в твоем сердце, поскольку, несмотря на бездействие, ты все еще стремишься — не к замужеству как таковому, но к обеспеченности, которую оно с собой несет. Ты злишься не на их жен, которых не видела, а на ничтожных существ с пустыми глазами и искусственными ногтями, наслаждающихся спокойной, легкой жизнью, той жизнью, что ты планировала для себя — до того трагического дня в агентстве, где ты пахала. Как и вдова, которая не против шалостей сыновей, ты прощаешь Маньянгам их шашни и лихорадочно соображаешь, как столкнуться с одним из них в прихожей.

Семейная гостиная по этому случаю не заперта. Как только мужчины усаживаются с напитками, хозяйка запевает: «Мваканака, Мамбо Джизу». Когда у вдовы не хватает сил, вступают мужчины. Они музыкальны. Гимн окончен, вдова начинает молитву, и сыновья возвращаются к закускам. Время от времени кто-нибудь из них относит блюдо с жареным арахисом или куриными крылышками женщинам в машину, которые начинают кричать хриплыми голосами всякий раз, как их запасы нуждаются в пополнении. Май Маньянга рада приезду сыновей, хождения ее

ничуть не смущают. Ты подозреваешь, что, когда сделаешь свой ход, с вдовьей беспечностью будет нелегко, но говоришь себе, что, коли нужно, пройдешь и по этому мосту.

Гул голосов сменяется позвякиванием стекла и фарфора. Маньянги скатывают угали в шарики, окунают их в подливу и жуют душистое мясо. Семейный разговор затихает, превратившись в невнятное бормотание.

В полудреме ты никак не можешь устроиться, чтобы нормально заснуть, поскольку запах еды истязает внутренности. Рокот семейных разговоров постепенно разбухает. Фразы доходят до тебя волнами, звуки разрастаются, и наконец кажется, что они плюхаются на кровать, бьются о стену, хлопают дверью. Сам воздух, похоже, дрожит и трепещет. Ночная тьма содрогается в такт старой, полузабытой музыке, которую ты в последний раз слышала много лет назад дома, стремительные медные звуки перепархивают из одного угла комнаты в другой. Шайн добавляет в мелодию низкую басовую ноту, а голос женщины, с которой он проводит время, пронзительно резок.

Ты с тревогой открываешь глаза на горестные крики.

— Йоу! Йоу! Йоу!

Вынырнув из полусна, ты понимаешь, что это голос Мако.

— Васикана, Шайн, — продолжает соседка. — Ванху кани, идите посмотрите. Идите посмотрите, что случилось.

Только когда открывается дверь Берты, ты вылезаешь из кровати. Мако, опираясь о стену, скрючилась в коридоре между кухней и гостиной и дрожит.

На полу свертываются и застывают алые полосы. Сгустки тянутся до самого стола гостиной. Капли коркой налипли на допотопные часы, шкаф, ковер, разномастные столы. Разбитые, зазубренные пивные кружки, которыми чокались на семейных торжествах, валяются на полу. В подернувшихся тугой пленкой лужицах крови на деревянных полках поблескивают осколки стекол, защищавших семейные фотографии. Миссис Маньянга и ее супруг забрызганы, но стоят по-прежнему прямо, с таким же горделивым взглядом.

Ты навсегда хочешь остаться в пространстве между двумя вдохами, но, выдохнув, протискиваешься между Бертой и Мако и видишь хозяйку за обеденным столом. Остатки ужина слиплись на разбросанных перед ней тарелках. Пестрая

вдовья чалма валяется у стула. Агбада такой же яркой расцветки соскользнула с плеча на окровавленную грудь, как будто пьяный хирург пытался провести пластическую операцию.

Май Маньянга улыбается и говорит тусклым, однако торжествующим голосом, как хозяйка дома, возобновляющая светскую беседу:

— Я спасла его. Я защитила моего Иги от них обоих. Идите, Берта, Тамбу, Мако. Идите и найдите его. А когда найдете, присмотрите за моим Иги. Проследите, чтобы с ним ничего не случилось.

Не раздумывая ты становишься на колени в кровь. Запах заставляет тебя зажать рот. Ты берешь хозяйкину руку, чтобы получить ответ, но вдова Маньянга тем же голосом повторяет:

— Иди, васикана, к моему Иги. Я хочу, чтобы ты присмотрела за ним.

У тебя на коленях кровь. Встав, ты тянешься за бумажной салфеткой и стираешь ее, чувствуя, как будто змеи у тебя в матке распялили челюсти и все вываливается на пол.

— Вот что случается, когда производишь на свет ребенка, — жалуется вдова.

Берта, единственная, кто в состоянии действовать, выходит и через несколько минут возвращается с чашкой дымящегося чая.

— У кого-нибудь есть панадол? — спрашивает она.

Все молчат. Ни у кого нет никаких лекарств.

— Я знаю, что Ларки хочет убить Иги, — постонав, продолжает хозяйка. — Потому что дом — подарок Иги на день рождения. Ларки хочет убить его, потому что мой сын Иги единственный, кто борется за меня. Да, Ларки и Прейз. Они оба хотят меня убить. — Она слабо улыбается. — Если бы не последний, кто появился на свет, я была бы как дворняга, как нелюбимая собака, которую все пинают из-за тех двоих, кто появились первыми. Да, дом — подарок Иги на день рождения. Мой Иги. Если мое имущество перейдет Иги, я его сохраню, а не брошу на ветер другой женщине.

— Ужас. Как все плохо. — Берта как никогда спокойна. — Эй, вы уверены, что ни у кого нет панадола?

Женщина Шайна, новая, с незнакомым лицом, осторожно проходит по коридору и, наблюдая, останавливается в дверях гостиной. Никто не обращает на нее внимания. Явно желая, чтобы ее не заметили, она на цыпочках крадется через веранду к выходу.

Вы с соседками не смотрите друг на друга. Ты делаешь несколько глубоких вдохов, с дрожью

выдыхаешь и чувствуешь, что ты — мир, он пуст, и вы втроем падаете в него.

* * *

— Потом она опять запела эту песню, — говоришь ты Кристине. — Ту, которую всегда поет о Царе Иисусе.

— Ты врала и продолжаешь врать, — тихо отвечает Кристина. — Когда такое происходит, всегда шумно.

Вы идете под жакарандами. Луна поднялась выше, мягкий ветер стал прохладнее. Кристина спихивает тебя с гравия, где он шуршит под ногами, на траву. Впереди, на дороге, ведущей в город, горят уличные фонари.

— Я знаю, почему ты не хочешь сказать, что что-то знала, — опять начинает Кристина. — Потому что это чересчур. Ты спрашиваешь, как женщина может быть такой? Ответить ты не можешь и поэтому утверждаешь, что она не такая. — Она громко вздыхает и со злостью продолжает: — Игнор! Его мать все дудела в свою дуду, закрывая глаза на то, чем он занимается. Даже и теперь моя тетя не знает про болезнь у нее в матке, пожирающую ее изнутри. — Она заметно раздражена.

Твоя кровь остается холодной, пока ты не за-

даешься вопросом, где будешь жить, если Май Маньянга умрет, прежде чем найдется другое жилье.

— Страх, — продолжает Кристина. — Он захватил их всех. Теперь вот Игнор украл наследство у остальных. И когда он начал хвастаться своим подарком на день рождения, Ларки подошел и ударил его. А тетя вскочила и сказала Ларки: «Если хочешь кого-нибудь убить, убей меня, а не моего сына». Тогда у Ларки распахнулись двери и в них вылетела память о себе. Он схватил нож для мяса и прыгнул на Игнора. А Игнор побежал и спрятался за мать.

Ты сворачиваешь на Ломагунди-роуд, радуясь, что скоро вы будете в автобусе, где невозможно продолжать такой разговор.

— Видали мы такое, — говорит твоя спутница. — Во время борьбы за освобождение. Только тогда в кустах, теперь в домах. И по-прежнему все молчат. Просто говорят, вот, мол, случилось, или даже, ничего не случилось, а потом плюют… Как бы то ни было, поэтому я и приехала, — тихо продолжает она. — Я вернулась домой, просто жила, делая вид, что веду такую же жизнь, как любая другая, потом меня позвали и сказали: «Поезжай посмотри, что там с твоей тетей. Ее

сыновья знают, что ты за женщина». — Кристина издает странные звуки, что-то между смехом и кашлем. — Эта война была просто безумием. Может, они думали, что я лучше других смогу уладить дела здесь, в Хараре, потому что много чего повидала.

Вы подходите к автобусной остановке и садитесь на скамейку. Тебя начинает колотить. Ты опять встаешь, потому что сидеть труднее, чем стоять.

— Я не хотела ехать, — мотает головой Кристина, — потому что не хочу вмешиваться. Моя тетя вышла замуж за своего мужа, когда была молодой женщиной. И вот до чего дошло. У нас, похоже, всегда будет кровь. Не знаю, только ли в моей семье.

Первые автобусы — так поздно они ходят с большими интервалами — проезжают мимо, потому что набиты битком. Когда ты возвращаешься к скамейке, Кристина с презрением рассказывает о том, что вообще-то тебя не касается.

Муж хозяйки переехал в Хараре из Масвинго. До того ВаМаньянга работал помощником на заправке у белого человека по фамилии Пикок. После Независимости Пикок уехал в Новую Зеландию, передав ВаМаньянге заправку и все

ее движимое имущество. И вот в результате сомнительного соглашения с национальной компанией, занимавшейся междугородними перевозками, которое подразумевало махинации со скидками на топливо, акциями и выходными пособиями, был уволен один младший менеджер. ВаМаньянга предложил себя на это место и получил его, продолжая собственное дело на стороне. Сходным образом он за несколько лет добился места генерального директора компании «Государственные автобусы зимбабвийского народа». Его перевели в столичный головной офис полугосударственной компании, и он, ведая станциями обслуживания, хапнул землю в южных предместьях. Когда Кристина рассказывает о таком попрании всего, за что она сражалась, голос ее сочится презрением. Ты же, узнавая подробности о человеке, который столь ловко продвинулся, так возбуждаешься, что все существо издает тихий стон восхищения.

Кристина машет очередному автобусу. Он останавливается, хотя уже заполнен бóльшим количеством людей, чем положено. Затем, поскольку вы ночные путники и полностью в милости кондуктора, тот берет с вас двойную плату, и вы едете на целый доллар, оставшись без

денег на обратный проезд. Остальные пассажиры недовольно гудят, но достают грязные мелкие купюры или горсти мелочи. У тебя такое ощущение, что ты через сиденье просачиваешься в асфальт, где растворяешься, и колеса разжевывают тебя до невидимости.

Автобус останавливается на Копабакана, и ты вылезаешь следом за Кристиной. Первые пару сотен метров она ведет тебя по разбитой мостовой на восток.

— Он прилично разбогател, — говорит она наконец, как будто ей это только что пришло в голову. — Оказалось, он хорошо умеет то, что называется бизнесом. Слово появилось после Независимости. Хотя знаешь, лучше называть восемнадцатое апреля. Что мы знаем про независимость? Может, она была как раз для таких людей, как мой дядя.

И она рассказывает дальше. Вскоре ВаМаньянга приобрел еще один дом на севере города, тоже у белого, который тоже уехал в Новую Зеландию, где не было, да и речи не могло быть об ассимиляции, поскольку все прежние народы просто вырезали. Теперь голос Кристины скорее печален, чем презрителен. Оказывается, что не только ты, все аплодировали успехам ВаМаньян-

ги. Никто не высказывал никаких сомнений. Родственники и сослуживцы равно нахваливали, как новоиспеченный независимый бизнесмен обратил свое наследство в твердую валюту и надежно поместил ее в банк на острове Мэн.

— Чего они хотели? Разумеется, занять у моего дяди денег, — фыркает Кристина.

Ты качаешь головой и цокаешь, искренне возмущаясь дядей спутницы.

— Ушлый он был. Признаю, умен, — пожимает плечами Кристина. — Так что почти никто ничего не получил. И до чего договорились? Что такие деньги он не мог заработать лишь усердным трудом, что у него какие-то там злобные, кровососущие гоблины. Кто-то пытался выяснить, каким мути[19] пользуется мой дядя. Кто-то хотел перекрыть ему возможности еще более сильными средствами, а кто-то сам хотел воспользоваться его рецептом. Многие считали, что зелье было настояно на фрагментах тел похищенных детей.

Рассказывая об этом, Кристина подтверждает, что ее дядя был вполне способен переправлять детские органы на продажу в Южную Африку, добавлять их в магические снадобья или просто

---

[19] Примечания: 19
Зелье.

закапывать туда, где еще хотел поставить депо «Государственных автобусов».

Однако, как ты узнаешь к своему удовлетворению, ВаМаньянга не позволял слухам тормозить его движение вверх. Скоро он купил еще земли и выехал из второго дома, чтобы вести более роскошный образ жизни. Наезды в деревню, где жила их племянница, становились все реже. Кристина уверяет тебя, что ничуть от этого не страдала и перестала что любить, что уважать родственников.

С некоторым нетерпением догадавшись, что Кристина имеет в виду не только Маньянг, но и всех, кому так неймется продвинуться, ты говоришь:

— Все война. Все она. Никто не совершал ничего подобного, до того как вы пошли в Мозамбик и начали творить, сама знаешь что.

— Нет ничего такого, что совершали борцы за свободу и не совершали бы в деревне, — отвечает Кристина. — Знаешь, все всё приняли очень легко. И до сих пор не прекратили. Когда закончилась война, я поклялась, что найду применение своим рукам. Я молилась, чтобы мне больше такого не делать. Что бы там ни было.

С этими словами Кристина вырывается вперед

и скоро приводит тебя на дискотеку, грохот которой не дает возможности продолжать разговор. Она убалтывает вышибал у входа в клуб, которые осматривают тебя с головы до ног, вступая в язвительные пререкания с двумя женщинами, пришедшими в клуб без сопровождения. Внизу, в подвале, где слишком быстро мигает импульсная лампа и в галлюциногенном ритме грохочет музыка, твоя спутница осматривает помещение, протискивается мимо столов и танцующих и упирается локтями в барную стойку. Она косится на соседа, показывая, как отжать нужную тебе выпивку у мужчины, не дав ему облапить ни одну часть тела. Ты обнаруживаешь, что у тебя тоже неплохо получается. Как здорово, когда у тебя что-то неплохо получается. Ведь долгое время получалось не очень много. А даже то, что получалось — образование, составление рекламных текстов в агентстве (на самом деле это одно и то же), — в конечном счете сговорилось против тебя и обрекло на одиночество.

Скоро ты слишком пьяна и думаешь только о том, что бы еще в себя опрокинуть.

Пока ты пьешь одну водку за другой, Кристина заказывает ликер, а каждый второй или третий

раз — «Мазое»[20].

Возвращаясь из туалета, ты валишься на женщину. У нее торчат волосы. Кожа белая.

— Осторожно! — И она ставит напиток на стол, вытирая об обтянутые джинсами ягодицы пальцы, с которых капает.

Ты пялишься на нее, пытаясь сфокусироваться. Когда образ проясняется до такой степени, что его можно увидеть, ты ревешь:

— Трейси!

— Простите? — отвечает белая женщина, скроив терпеливую улыбку.

— Я же тебя знаю! — кричишь ты ей. — Я на тебя работала. И мы вместе ходили в школу. Ты собираешься притворяться? — Ты набираешь обороты. — Ты знаешь, что ты меня знаешь.

Даже во время своей тирады ты понимаешь: это не та белая женщина, администратор рекламного агентства, что химичила со своими белыми приятелями и тибрила идеи, над которыми ты корпела и отдавала ей для копирования. Ты все понимаешь, перед тобой опять разверзается дыра в мироздании, и в ее глубине исчезает женщина, которая знает больше, чем та, чей крик ты слы-

---

[20] Примечания: 20
Безалкогольные прохладительные напитки.

шишь. Ты вырастаешь на несколько сантиметров и вопишь:

— Не валяй дурака, Трейси!

— Катрин, — отвечает женщина, подавая назад. — Катрин.

— И то и другое, — не сдаешься ты. — Я имею в виду, ты моя начальница. Из рекламного.

Женщина делает глубокий вдох.

— Это не я. — Она резко выдыхает. — Неправда!

Женщина уходит на танцплощадку и присоединяется к скоплению людей многих рас, с цветом кожи от эбонитового до бледно-мраморного. Ты идешь за ней. Она тебя игнорирует. Ты слышишь, как кто-то громко объясняет тебе, что это не та, у кого ты работала в рекламном агентстве. Ты знаешь, что здравый голос исходит из твоей головы. Ты его не слушаешь, а продолжаешь орать:

— Ты врешь. Ты просто врешь!

С криками ты бросаешься вперед. Завидев тебя, белая женщина уклоняется, и ты падаешь в тройку танцующих. Устояв в ботинках на платформе, откидывая волосы, перепихивая тебя от одного к другому, они вопят:

— Убирайся!

Мужчины, которые дежурят у входа, торопятся

на танцплощадку. Они хватают тебя пальцами за мякоть плеча и спрашивают, что ты предпочитаешь: успокоиться и вести себя разумно или нарваться на запрет здесь находиться. Они, однако, не рассчитывали на Кристину. Она упирает руки в боки и информирует вышибал, что является бывшим участником освободительного движения, обучалась в Москве, видит у стойки еще полдесятка таких же, и они еще в прекрасной форме; и какая разница, если некоторые натренированы не в Советах, а в Китае, все тут товарищи и борцы.

Невзирая на вмешательство Кристины, вышибалы крепко держат тебя за плечо, объясняя, что им платят за то, чтобы решать проблемы; что, если какая-то женщина утратит над собой контроль и устроит бардак посреди мирных танцоров, именно это им и полагается разруливать. Тогда Кристина уверяет их, что ты не утратила никакой контроль, поднимает тебя по лестнице и выводит на улицу. Ты отказываешься идти. Кристина тащит тебя от клуба. Ты все громче кричишь, чтобы она тебя отпустила. Она продолжает тебя держать, и ты вопишь, будь ты, дескать, проклята, если еще когда-нибудь куда-нибудь с ней пойдешь. Пока ты осыпаешь

ее бранью, Кристина притаскивает тебя на ближайшую автобусную остановку, пристраивает на изъеденную термитами скамейку, сует в карман долларовую бумажку и велит сесть на первый же микроавтобус в сторону Май Маньянги.

Глава 8

— Что с ней такое?

Твои веки расползаются. Земля вращается. Щурясь от очень яркой зари, ты лежишь на земле возле автобусной остановки.

На тебя сверху вниз смотрят двое немолодых мужчин. На них костюмы цвета хаки и колпаки: повара, едут на работу в северные предместья.

— Кто их разберет? Что угодно может быть, — говорит один после минутного размышления.

— И что теперь? Что делать? — спрашивает другой.

— Когда такое случается с женщинами, — отвечает первый, — понятно, в чем дело. Предки их крутят. — Он распрямляется, и над тобой вырастает его тень. — Варят любовное зелье, вот чем они занимаются. Только и делают, что гноят утробу своих мужей и убивают их одного за другим. Не трогай ее. А то вляпаешься во что-нибудь. Сущие ведьмы.

Пот, керосин, долго не мылись. Тебя окутывает запах.

— Сказал, не трогай ее. Возьмет твое, и пиши пропало.

Запах ослабевает.

— Ты видел, чтобы кто-то что-то трогал? — спрашивает мужчина, которому рекомендовали тебя бросить.

Шуршание.

— Э, ты что! — восклицает первый. — Выброшенные деньги.

— Поскольку она здесь, то еще не умерла, — отвечает второй. — Я бы сказал, что не выброшенные.

В ладонь тебе вжимается пятидесятицентовая монета. Шаги удаляются, и ты отключаешься.

* * *

Позже ты опять открываешь глаза и наклоняешься, чтобы вырвало. Месиво заполняет трещины в асфальте. Муравьи и крошечные паучки в негодовании расползаются. Ты с трудом поднимаешься, сжимая пятидесятицентовую монету, твой улов. Муравьи и паучки бегают по телу.

Целые полки муравьев и паучков плюют на слабый напор во вдовьем душе. Яростно соскребая их мочалкой вместе с собственной кожей, ты думаешь: «Я из тех, кому два повара дают монетку. Нет, я не такая. Нет, такая. Не такая. А если бы

была такая, я бы знала?»

Когда ты, молодая, боевитая, выращивала на семейном поле кукурузу и продавала ее, копя деньги на школьные взносы, ты была не такой, какой стала. Когда и как это произошло? Когда ты училась вместе с самыми блестящими учениками, несмотря на то, что бегала до школы много километров и делала уроки при свете чадной свечи? Нет, это не могло случиться тогда. Ни потом, в средней школе при миссии дяди, где ты по-прежнему была сосредоточена на лучшей жизни и поэтому по-прежнему выделялась. Остается только следующее учебное заведение, колледж Святого Сердца. Должно быть, метаморфоза произошла тогда. И все-таки как ужасно сознавать, что близость к белым людям в монастыре сокрушила сердце и матка, из которой ты воспроизводила сама себя, прежде чем дать жизнь кому-то еще, съежилась между тазобедренными костями.

Ты перестаешь сопротивляться тому, что поняла, и в конце концов сдаешься жестокой правде, с которой впервые столкнулась в университете. Писательница из Ганы Ама Ата Айду, по ее признанию в одном из интервью, понятия не имела, что она именно того цвета, о котором ско-

ро узнала; прозвание «черный» не имело для нее никакого смысла, пока она не оказалась среди белых людей. Прочитав это, ты рассмеялась и подумала: «Тебя будто окунули в краску». Теперь, когда под слабыми струйками еле теплой воды, вытекающими из засоренного душа, по тебе ползают яростные, как всегда, муравьи, ты понимаешь еще кое-что. История ганки напоминает тебе кузину Ньяшу, ее привычку, которая тебе не нравилась, но которую ты вынуждена была терпеть, пока жила с ней в одной комнате при миссии, — говорить о белых людях неприязненно, почти насмешливо и в то же время с оттенком обиды. Тогда тебя пугало, насколько враждебно кузина относится к европейцам. И вот теперь, когда ты пытаешься понять, в какой момент твоя жизнь покатилась вниз, мысль о людях, с такой злобой и пренебрежением воспринимающих других, опять вызывает в тебе отвращение.

Свист Кристины. Сегодня утром она выбрала мелодию, которую пели все, когда утверждалось, будто война окончена и все, что нужно было завоевать, завоевано. «Большой брат принес высокие моральные принципы. Большой брат принес счастье». В торжественный ритм она подпускает печали. Ты понимаешь, что хочешь пойти в сад и

присоединиться к ней, чем бы она ни занималась — сеяла, полола, поливала. Ты тоже хочешь петь, укладывая слова в мелодию.

Через несколько минут, вытирая руки и ноги, ты душишь желание выйти к спутнице по прошлой ночи, это глупо и уводит в сторону, не позволяя тебе вернуть ситуацию в нужное русло. Кристина показала, что не может помочь тебе хоть как-то улучшить жизнь. Ты выходишь из ванной, приняв решение в качестве следующего шага к успеху отныне держаться подальше от бывшей воительницы. Ноги оставляют мокрые следы на паркете. Ты забыла шлепанцы и теперь пачкаешь ноги.

Когда ты открываешь дверь, муравьи вползают вместе с тобой, мимо тебя и в тебя. Проявление нездоровья, свидетельствующее о том, что трезвость относительна, вызывает панику. У тебя такое ощущение, будто ты ползешь вверх по краю пропасти и скала манит тебя; хуже того — ты испытываешь тайное желание упасть туда, в забвение, и возможности остановить падение нет, так как ты и есть пропасть.

В страхе ты ходишь по комнате. Даже усевшись на кровать, ты понимаешь, что не будешь заниматься тем, чем нужно. Ты плюхаешься на

матрас, а насекомые ползут по ножкам кровати и забираются под одеяло. Ты закрываешь глаза, а разум бьется над тем, как уйти от того, что на роду написано. Шаг за шагом ты разрабатываешь план. Ты уедешь туда, где нет людей вроде хозяйкиной племянницы, которые живут воспоминаниями о войне и несправедливости. Кроме того, тебе нужно оградить себя от потрясений, которые несет с собой слишком тесное общение с белыми людьми. Усталость перебрасывает тебя из бодрствования в пределы сна, и ты наполовину надеешься, что не выберешься оттуда.

Когда ты опять открываешь глаза, на западе сердито горит оранжевое солнце. На стене стада муравьев. Они стали огромными, как осы. Вдова в доме поет странную песню. Сопрано светится слоновой костью, а бас блестит эбонитом. Нота за нотой мелодия, содрогаясь, поднимается к потолку. Ты смаргиваешь музыку и насекомых, боясь любых мыслей, но одновременно страшась опустошить разум, вдруг в этом пространстве окажется что-то еще более ужасное.

Единственный признак того, что ты человеческое существо, коим была задумана, твои дипломы и сертификаты. Ты встаешь и вытаскиваешь их из полиэтиленового пакета, куда

завернула от влаги и чешуйниц. Плесень щекочет волоски в ноздрях, и ты чихаешь.

В последующие дни, когда поблизости никого нет, ты тайком выходишь из дома и покупаешь на углу газеты. Вернувшись, ты разворачиваешь их на кровати и водишь пальцем по крошечным буковкам, снова разыскивая объявления о вакансиях. Каждый раз, посылая запрос, ты приказываешь себе не ждать и не надеяться на ответ. Разумеется, именно этим ты и занимаешься, проводя много часов у окна и высматривая почтальона.

* * *

Первые несколько раз, когда тебя приглашают на собеседование, ты вне себя от радости и одеваешься тщательно — туфли леди Дианы и костюм, который теперь висит вдохновляюще свободно. Беседующие с тобой молодые люди неизменно улыбаются с отсутствующим видом, вертят в пальцах ручку и называют тебя тетушкой. Один раз это молодая женщина. Ты хочешь сбросить двадцать лет, чтобы крикнуть: «Вот она я, я новая, переделанная, посмотрите на меня, я только начинаю!» Поскольку во многом ты действительно чувствуешь, словно начинаешь все

заново, решив, что теперь все получится. Твердя себе, что нужно быть толстокожей и упорной, ты тем не менее пристально, с растущей тревогой все чаще читаешь в газетах истории людей с такими же, как у тебя, дипломами, но получили они их позже и уехали из страны работать в Южную Африку, Намибию или даже Мозамбик и Замбию. Преподавание ты всегда считала лишь временным занятием, но, опустив амбиции на несколько ступеней, в одно прекрасное утро, спотыкаясь, по лестнице в тринадцать маршей поднимаешься в министерство образования и, пройдя по узким темным коридорам, поморщив нос от сигаретного дыма из туалетов, скоро находишь нужную дверь.

Чиновник, сидящий за сломанным столом, чрезвычайно рад тебя видеть. Ты узнаешь, что за все его годы на государственной службе ты первая добровольно вернулась к преподаванию.

Сообщив тебе об этом, маленький костлявый человек выпрастывает палец из потрепанной манжеты и проводит им по мятой ведомости. Несколько минут он изучает ее, а потом предлагает тебе место учителя биологии.

— У меня нет соответствующего образования, — возражаешь ты. — Вы внимательно смотрели

мои бумаги? Моя специальность — социология.

Чиновник подтягивает рукава с манжетами и раскачивается на стуле с улыбкой старшеклассника, натаскивающего отстающего первоклашку.

— Вот ваши вкладыши с оценками. — Он бросает листы на стол.

Ты киваешь.

— Мы, разумеется, признаем ваш диплом. Он нашего собственного университета.

Отметая замечанием все возражения, чиновник набирает телефон и выясняет отношения с директором предназначенной им для тебя школы. Они перебрасываются почти неприкрытыми шпильками, пока чиновник в конце концов не дает понять, что может направить кандидатку и в другое место. Через несколько минут он бесшумно кладет трубку на рычаг, но потом давит на нее до тех пор, пока на руке от запястья до пальцев не проступают жилы.

— Сейчас она не может вас принять, — расстроенно сообщает он. — Я хотел сегодня утром. Сразу же. Чтобы с вами поговорила директор. Или ближе к вечеру. Во всяком случае сегодня. Чтобы решить вопрос с местом. Ее зовут миссис Самайта. Прекрасная женщина.

Он царапает номер на клочке распечатки но-

востей и, толкнув его по столу, объясняет, что надо делать.

— Послезавтра. По ее словам, она найдет для вас время послезавтра.

Миссис Самайта, директор, оказывается грубоватым шумным существом, использующим свои недюжинные способности, чтобы эффективно руководить школой в соответствии с собственными представлениями о корректности.

Когда вы встречаетесь, она разглаживает твои сертификаты и вкладыши:

— У вас есть диплом. Хорошо.

Стол у нее маленький, скособоченный, да и все остальное в кабинете не блещет элегантностью, напоминая убогое жилье у вдовы Маньянги. Игнорируя признаки того, что ты всего лишь выигрываешь время, что в мире тебе предстоит еще долгий путь вверх, ты радуешься теплу директорских похвал, клянясь себе, что, опираясь на них, проложишь себе дорогу вперед, избегая ошибок, до сих пор мешавших успеху.

— С вашим дипломом третьей степени, — продолжает директриса, — хорошо, что вы здесь, а не в Южной Африке или Европе. Да хоть в Ботсване. Представьте, теперь зимбабвийцы едут в такие мелкие страны или еще куда-нибудь, например, в

Замбию. А некоторые выбирают даже Мозамбик или Малави. И все происходит на наших глазах, всего через пару десятков лет после Независимости. Я, мисс Сигауке, принадлежу к тем, кто не боится говорить, что мы поставили неверные цели. И настаиваю на том, что нужно ставить их здесь, в средней школе Нортли. Если вы готовы мне помочь, добро пожаловать в наш коллектив.

Точно не понимая, какие претензии у директрисы к Независимости, а также что она имеет в виду под верными целями, ты вежливо улыбаешься и, поскольку не отвечаешь, миссис Самайта внимательно смотрит на тебя и задумчиво произносит:

— Что будет правильнее, похвалить ваш патриотизм или огорчиться некоторой нехватке инициативы?

По твоему лицу расползается еще более учтивая улыбка.

— И все же… — Директриса прижимает большие пальцы к губам и принимает решение. — Я не намерена поддаваться пессимистичному импульсу и прогонять вас. Школа поставлена в такие условия, что я смотрю на диплом, не на лицо. Хотя было бы намного лучше, если бы у вас по биологии была высшая оценка.

После чего, несмотря на бравые слова, миссис

Самайта вздыхает. Под ее диафрагмой фанерный стол шатается, чуть не переворачивая соседний шкаф-витрину, где набиты спортивные кубки.

— Но у нас хорошая библиотека, есть все учебники, пособия, — объясняет она. — Я покажу вам где. Библиотекарь объяснит, как устроена система.

В заключение она выражает надежду, что ты подала заявку на получение государственного сертификата в сфере образования, поскольку у тебя нет необходимой квалификации, а у нее в школе насчет учительских бумаг строго. Директор сама, не вызывая секретаршу, любезно ведет тебя в библиотеку. В тесной каморке библиотекарши ты берешь планы и экзаменационные материалы прошлых лет. Каких-то не хватает, и библиотекарша с грустью сообщает тебе, что ученицы во время экзаменов выбрасывают работы из окон, чтобы им потом вернули с улицы. Ты принимаешь все как долгожданную непростую работу после столь долгого бездействия, решив учить школьниц не только биологии, но и принципам, которые сама вынесла сначала из дядиной миссии, а затем из католического монастыря. Задрав планку, ты идешь в альма-матер, университет Зимбабве, за дополнительным

материалом и проводишь долгие часы в старой знакомой библиотеке, составляя планы уроков, которые тебе представляются восхитительными.

* * *

Все твои ученицы рождены свободными, или почти, так что разницы нет; самые старшие среди них во время обретения Независимости ходили под стол пешком. Они совсем не похожи на тебя в их возрасте. Когда они гуляют по двору, бегают по выложенным красной плиткой коридорам или атакуют на спортивной площадке, их энергия говорит тебе, что будущее для этих девушек растворяется в сияющих горизонтах. То, как открыто они встречают твой взгляд, даже самые неумные, означает, что они ждут от мира больше того, что ты когда-либо, в самых дерзких мечтах, могла представить себе на планете. Ты обнаруживаешь эту особенность не только у городских, но даже у тех, кто переехал из деревни к родственникам. Тебе непривычна такая молодежь, и каждый класс для тебя полон чужаков. Разгорается тлеющая обида, какая-то злоба, и ты думаешь, что девушкам было бы полезно, прежде чем полностью сформируется их характер, претерпеть те же трудности, что и тебе. Все это плохо сочетается

с твоими усилиями открыть в себе образцового преподавателя.

С особой опаской ты относишься к некой Эсмеральде, чьи искусственные ногти на несколько миллиметров длиннее, чем позволяют правила. При помощи средств, которыми другие не располагают, она регулярно подбивает следящих за порядком старост плевать на их обязанности. Однажды утром, в первые дни на новом рабочем месте, ты застаешь ее за тем, как она клеем «Сток» приклеивает отошедший ноготь. Конфисковав ноготь и оставив ее с испорченным пальцем, ты понимаешь, что это только начало, не конец. Потом ты несколько раз видишь, как она, прикрывшись учебником, мажет губы блеском, и убеждаешься, что Эсмеральда взялась за тебя всерьез. Наконец тебе в руки попадает ее писанина, не записи про передающиеся через воду инфекции, а послание мужской особи с грамматическими ошибками, вроде эсэмэсок на громоздком мобильнике, который она тайком протащила на твой урок, и ты понимаешь, что рано или поздно тебя ждут неприятности. Девушка собирается тебя затравить.

Эсмеральда — главарь, но не только она демонстрирует неподобающее поведение. Многие

проделывают себе множество дырок в ушах и других частях тела. В зеленых юбках, бежевых блузках, все больше девушек начинают выпендриваться. Они утрируют «р» в конце слов и пытаются развязно грассировать. Говорят, не открывая рта, и гласные уходят в нос — так они силятся воспроизвести американское произношение. Самое ужасное, что ни рассказы, ни схемы быстро мутирующих вирусов, ничто из того, чем ты стараешься привлечь внимание подопечных, не притупляет у них жажду экспериментов. Сначала ты решаешь не обращать внимания. Хорошее преподавание сводится к множеству страниц диктовки и переписыванию упражнений на доске. Через несколько недель тебя вносят в список дежурств на улице.

Совершая обходы, ты, предупреждаешь девушек о своем приближении: громко здороваешься со смотрителем футбольного поля или начинаешь петь. Обнаружив группку, сгрудившуюся над бутылкой или сигаретой, ты ждешь, что они спрячут контрабанду и потушат, что там они курят. Но школьницы нагло на тебя смотрят или надрывают животики. Ты немедленно отбрасываешь дикую мысль, проистекающую от слабости сердца, что подопечные сильно смущены и

нуждаются в помощи. Ты воспринимаешь их открытые взгляды как измывательство, смех — как глумление над собой, какой ты стала. Подавляя сочувствие, уверенная, что их исполненное свободой воспитание после Независимости куда выигрышнее твоего, ты покупаешь большую черную тетрадь, куда записываешь имена, классы и выходки. Списки, вместе с девушками, которых застигла на месте преступления, ты отсылаешь директору.

* * *

Твоим ученицам требуется немного времени, чтобы понять: уважать тебя особо не за что. В середине второй четверти они мстят, окрестив тебя Тамбудзай Катастрофа, сокращенно ТК. А когда ты отбираешь кучу мобильных телефонов и оставляешь многих на вторую четверть, тебя повышают до МК — Мегакатастрофа. Эсмеральда, когда ты проходишь мимо, не таясь, ворчит:

— А, Мега!

Самый тяжкий проступок школьницы — без сопровождения сесть в машину к мужчине, не являющемуся ее несомненным родственником. В правилах внутреннего распорядка в нескольких солидных абзацах разъясняется гнусность

подобного неблаговидного поведения и перечисляется десяток исправительных мер — от бесед с опекунами вплоть до исключения. И все же некоторые ученицы как будто соревнуются: кто демонстративнее нарушит правила, усевшись в самую дорогую машину.

Миссис Самайта, когда ты подходишь к ней с этим вопросом за чаем в учительской комнате, бесстрастна.

— Я просмотрела списки, которые вы мне передали, — говорит она. — Обычно меры не имеют желаемого результата. Многие из таких девушек имеют высокие оценки, и репутация школы не страдает.

Ты тут же выходишь из себя.

— Но это третий класс, — упорствуешь ты, негодуя не столько из-за перспектив учениц, сколько из-за того, что старшая преподавательница сводит на нет все твои усилия. — Я указала имена. Некоторые из тех, кто садится в машины, даже во втором классе.

— Живите сами и давайте жить другим, — пожимает плечами директриса. — Не будите спящую собаку. Сосредоточьтесь на том, что необходимо. Другое дело, если мы сможем доказать что-то вроде изнасилования несовершенно-

летней. Но поскольку это едва ли возможно, возникают другие проблемы.

Воспламененная собственным недовольством, как-то после уроков ты отправляешься в полицейский участок, благо он расположен в торговом центре, через который ты проходишь по пути в школу и обратно. Зажав в руках черную тетрадь, куда аккуратно внесены имена школьниц, номера машин, в которые они садились, а также описания сидевших за рулем джентльменов среднего возраста, и ожидая своей очереди на шаткой деревянной скамье, ты вспоминаешь слова старшей преподавательницы, поднимаешься и идешь домой. Идя по пустырю, чтобы срезать путь к дороге, по которой ездят микроавтобусы до Май Маньянги, ты совсем впадаешь в уныние. Пытаясь отвлечься, ты начинаешь думать, что купишь на те двадцать долларов, что откладываешь каждый месяц благодаря тому, что проходишь эту часть пути пешком, но цены растут, как и твои потребности, так что утешиться не получается.

Трава высокая. По ночам в ней снуют змеи и преступные элементы. Всякий раз здесь у тебя от страха напрягается живот. Несколько месяцев назад в школьном фойе проходило собрание, ты на

нем не присутствовала, родители грозились без разрешения выйти и покосить траву на пустыре, поскольку она представляет угрозу их дочерям. По результатам собрания в городской совет было направлено обращение, в котором извещалось о принятом решении. В ответном послании родителей предупредили, что вне зависимости от того, что предпримет или же не предпримет совет, только он обладает полномочиями устранять какие-либо объекты или растительность с общинной земли. Вонь от гниения поднимается до неба, заполняя легкие. Затем глаза начинают слезиться, из носа, из горла течет, и ты уже вообще не чувствуешь никакого запаха. Чихая до самой автобусной остановки и всю оставшуюся часть пути, ты испытываешь почти облегчение, сворачивая на вдовью дорожку.

В коридоре дверь Берты распахнута. Постель убрана, ее вещей нет. Коллега, о которой она как-то упоминала, не появилась. Теперь терпеть проявления бесконтрольных сексуальных аппетитов Шайна вы с Мако остаетесь одни. В следующем месяце выезжает сам Шайн. Мако начинает говорить тебе, что тоже подумывает съехать, убраться подальше от напряжения и мрака, которые сгущаются над Май Маньянгой и

усиливаются от визитов сыновей с обиженными лицами. Теперь они навещают ее раздельно, никогда парами или все вместе. Ты слишком устала, чтобы врать Мако, себе или коллегам, что тоже хочешь скоро съехать. Понятно, выбора у тебя нет. Чтобы отвлечься от правды, ты по ночам и выходным проводишь долгие часы, составляя все более подробные планы уроков, повышая их сложность, пока сама уже с трудом понимаешь, что написала.

Ученицы начинают вести себя так буйно, что к концу года ты прогнозируешь полный крах. Ты удваиваешь усилия по планированию уроков, тематическому чтению и муштре. Внутренний голос велит тебе перестать, но ты не хочешь этого слышать. По ночам, просиживая над тетрадями девушек, ты начинаешь выпивать по бокалу вина. Потом их становится два, потом три. Ложась спать, положив голову на подушку, через несколько мгновений ты оказываешься в вакууме, которого прежде боялась, но которому теперь рада. По утрам тебе трудно вставать.

Получив зарплату в конце месяца, ты садишься на автобус и едешь в город. После стольких лет идти по Первой торговой улице к магазину «Эдгарс» странно и не слишком приятно. В магазине

ты купаешься в цветах, тканях, модных покроях. Откладываешь один наряд, втискиваешься в другой, и зеркало в примерочной дает понять, что с приближением к среднему возрасту не все потеряно. Ходьба, регулярное питание, а кроме того, по-видимому, семейные гены избавляют тебя от признаков старения. Тебя чуть не колотит от возбуждения, что ты тратишь столько денег на то, что в общем-то не необходимо, а просто хочется, и ты оплачиваешь брючный костюм и подходящую к нему блузку бутылочного цвета. После магазина тебя тянет в парикмахерскую. Ты выходишь оттуда с аккуратно заплетенными волосами, жалея лишь, что тебе не хватило наличных на маникюр, какой делают ученицы.

* * *

Как-то утром ты встаешь позже обычного. Ты собиралась быстро позавтракать и одеться, но руки и ноги едва движутся. Тебе требуется больше времени, чем обычно, чтобы добраться до автобусной остановки и потом пройти по пустырю. Когда ты подходишь к школе, звенит звонок на общий сбор. Такое опоздание — нарушение, за которое ты неоднократно наказывала школьниц. По твоему убеждению, имея право делать

выговор, ты сама обязана подавать пример. К этому ты и стремилась, придя в среднюю школу Нортли месяцев восемь назад. Однако теперь, как постоянно происходит у тебя во взрослой жизни, ты терпишь полное фиаско.

— Что с вами? Натыкаетесь на всех подряд. Поэтому вы ждали, пока прозвенит звонок?

Рвущийся из тебя страх перед очередным провалом обрушивается на группу первоклассниц. Они мчатся из классов в зал на другом конце школьного двора, и ты почти наталкиваешься на них.

— Простите, мисс Сигауке, — выдыхают они, почтительно приседая. Ужас освещает их глаза. — Мы боимся опоздать.

Довольная эффектом своего выпада, ты уже спокойнее отпираешь дверь кабинета. После общего сбора первую часть дня проверяешь контрольные работы. Занятие приятное, ты чувствуешь, что, выставляя оценки, оказываешь ученицам великую милость. Закончив задолго до перерыва, ты испытываешь восхитительное ощущение, что полностью контролируешь ситуацию.

Во время перерыва в учительской мистер Чауке, учитель математики в старших классах, и мистер Тиза, учитель физики в средних классах,

которые называют друг друга Мозг номер один и Мозг номер два, протискиваются к электрическому чайнику за горячей водой впереди тебя.

— Простите, простите, мисс Сигауке, — бормочут они, подставляя чашки под носик.

В раздражении ты торопливо отходишь.

Миссис Самайта машет тебе, приглашая за свой стол.

Взяв кекс у стажера по изучению шона в первом классе — имени ты не помнишь, — директриса пододвигает к тебе несколько газетных вырезок.

— Видели? — спрашивает она. — У вас уже был третий класс?

На всех вырезках изображен невысокий, худой, спортивного вида джентльмен перед длинным низким «Мерседесом». Тебя поражает его непомерное самодовольство. Ты узнаешь машину и чувствуешь горький привкус песка во рту. ADF 3ZW — видишь ты номер машины, неоднократно встречающийся в твоей тетради. На капоте, к которому прислонены мужские ягодицы, лежат огромные яркие упаковки шоколадных конфет, банки с вареньем, куски хозяйственного мыла, пакеты чипсов и большие пачки разных фруктовых леденцов. Еще больше продуктов за стеклами задних окон. Перед машиной танцоры в синих

костюмах. Некоторые из них поверх костюмов натянули мешковатые футболки, на которых изображено лицо мужчины. Остальные прыгают вокруг него и автомобиля. На пассажирском сиденье, наполовину загороженная водителем и упаковками, сидит ученица третьего класса Эсмеральда.

— Все девушки сошли с ума, — вздыхает миссис Самайта. — Для них Эсмеральда — королева. Завтра на общем сборе мне придется сказать пару слов. И зачем только она в школьной форме? Надеюсь, никто из министерства не видел.

— Госпожа директор, он бизнес-представитель председателя Горного совета, — подскакивает Чауке. — Теперь, когда в стране обнаружились все эти бриллианты, платина, нефть, с нашей стороны будет благоразумнее его не трогать. А также ничего, на что он положил глаз. Он в положении неприкосновенного.

— Покажите ему фотографию и попросите пожертвование, — говорит Тиза.

Ты присоединяешься к остальным учителям, которые, ставя чашки обратно на блюдца, цокают языками и качают головами.

— Будем надеяться, — подытоживает миссис Самайта, — что Эсмеральда не кончит, как неко-

торые наши бывшие ученицы. Возвращались после двухнедельного отсутствия тощие, как вешалки, и приносили справку от врача, где было написано что-то про матку.

— Это послужит ей уроком, — вздыхает мисс Мойо, учительница труда. — Если она не может вести себя так, как мы пытаемся их учить. Разве кто-то не знает, что у девочки не все в порядке с головой?

Все бурчат, соглашаясь. Чем больше тебя гложет тревога, тем плотнее прилегает к лицу улыбка. Никто не вправе тронуть *его*, но безнаказанность не распространяется на людей вроде тебя. А такие, как тот, кто изображен на фотографиях, всегда все узнают. Он может добраться до докладных записок с твоим списком имен и номеров автомобилей. А вдруг тебя кто-то видел в полицейском участке? Ты шепчешь короткую благодарственную молитву, что оказалась слишком трусливой и не подала заявление. Как и всем остальным в учительской комнате, тебе известна репутация Эсмеральды, поэтому, взвесив риск, ты предпочитаешь не вмешиваться, хотя закон нарушен. Ты чувствуешь, что улыбаешься слишком широко, обнажая слишком много зубов, и стискиваешь губы.

Когда начинается урок биологии в третьем классе, ты обнаруживаешь, что Эсмеральда протащила несколько экземпляров газеты с самой крупной, самой подробной фотографией.

Усевшись на парту, она под восхищенные взгляды одноклассниц теребит на запястье золотые часики и принимает почести, причитающиеся богине.

— МК пришла. Уже, — говорит Эсмеральда, когда ты входишь.

Ты раздражаешься и часто дышишь. Потом подавляешь раздражение и проходишь к столу.

— Ваши последние контрольные. — Ты смотришь в глаза, в которых страх, веселье или скука.

Твоя ученица открывает парту и просовывает туда несколько газет.

— Из ваших последних контрольных, — повторяешь ты.

С изумленным интересом, как будто наблюдая за другим человеком, ты отмечаешь, что, хоть ты и глотала, и глубоко дышала, дыхание опять становится быстрее.

— Они ясно говорят о том, что нам придется вернуться к первым принципам диффузии, — начинаешь ты. — Эти принципы, применительно к

человеческому дыханию, мы пройдем с вами еще раз как в целом, так и в деталях. Они входят в программу средних классов, и вы должны их знать.

Эсмеральда берет газету у девушки, которая сидит рядом с ней, и тоже засовывает ее в парту.

— Диффузия. Попрошу определение, — требуешь ты.

Все молчат.

— Я сейчас пройду по классу и буду считать до пяти, — говоришь ты.

Раз.

Ты берешь рейсшину и идешь по проходу.

Медленно приближаешься к Элизабет. Как и Эсмеральда, Элизабет получает стипендию Родса. Однако она послушная. У нее хватает ума не смотреть на тебя.

Два!

Класс затаил дыхание.

Три! Четыре!

Ты подходишь к Элизабет и поднимаешь рейсшину.

Пять.

Твоя грудь поднимается и опускается. По лицу течет пот. Он затекает тебе в глаза. Брызжет из подмышек, смешиваясь с дезодорантом. Ты заявляешь, что тебе понятно, никто в классе не хочет

учить биологию; в таком случае им придется выучить, что такое насилие. К тебе тянутся две-три девушки. Бесполезно. Ты уходишь в нестерпимый свет.

Юная богиня выбегает в соседний класс.

Вернувшись вместе с Эсмеральдой, мисс Русике спокойно осматривается и уходит сообщить миссис Самайте.

Одна девушка смеется. Когда ты смотришь на нее, она закусывает губу до крови. Воодушевленная ее страхом, ты снова переключаешься на Элизабет. Через несколько секунд в класс заходит директор. Она ждет, что ты прекратишь, но ты не останавливаешься. Директор осторожно берет тебя за плечо. Ты швыряешь рейсшину в доску. Обхватываешь руками голову. Долго, громко, еще громче кричишь, и от крика в классе все дрожит.

Скоро ты выходишь за директрисой в ее кабинет. Она предлагает тебе чашку чая. Ты отказываешься. Не задавая никаких вопросов, понизив голос, говоря спокойно, медленно, директор дает тебе несколько дней, чтобы прийти в себя. Оповещая всех, что ты получила плохие новости от близкой родни, она ведет тебя к своей машине и отвозит к вдове.

* * *

В эти выходные ты напугана, как еще никогда в жизни, чудовищный ужас не оставляет места угрызениям совести. Твоя единственная забота — сохранить работу, в значительной степени для того, чтобы платить арендную плату. Кристина, которая заняла комнату Берты, перехватывает тебя у своей двери и зовет к себе.

— Зайди, забери кукурузную муку, — напоминает она тебе.

Ты извиняешься и говоришь, что зайдешь завтра. В воскресенье ты не можешь смотреть на нее, уверенная, что она увидит, как свет, ставший прибежищем в классе, потускнел и превратился в пульсирующий багровый шар, высасывающий из тебя всю энергию, так что каждое слово стоит тебе нечеловеческих усилий. Ты сидишь в комнате и, когда она стучится в дверь, молчишь.

На следующий день, в понедельник, ты на пробу выглядываешь за дверь, ожидая, что она положила под нее материн мешок с кукурузной мукой. Не увидев ничего, что помешало бы выйти, ты с облегчением вздыхаешь. Вернувшись в школу, в кабинете ты не находишь себе места, но за обедом никто не упоминает инцидент, и

ты чувствуешь, как глубоко внутри, там, где она почти уже угасла, поднимается волна надежды.

Когда ты возвращаешься из учительской, свет этой надежды привлекает робкую маленькую младшеклассницу, которая предлагает тебе донести сумку. Ты отпираешь кабинет, и ребенок несет ее к столу, делая три прыгающих шага на один твой. Дойдя до стола, девочка беззвучно ставит сумку на пол.

— Ты в каком классе? — спрашиваешь ты, впечатленная такой почтительностью.

— Первый Мууйу, — следует ответ. — Я хочу сказать, первый Мууйу, мадам, — поправляется она, смутившись своей ошибке и теребя пальцы.

— Хорошо, — отпускаешь ты ее. — Постарайся остаться такой же и слушайся учителей. Тогда мы встретимся в третьем классе.

Она прыгает от радости, а ты берешь журнал, чтобы набросать план отчета.

Скоро ты натыкаешься на имя «Чинембири, Элизабет». Великодушная от сознания новой силы, ты пишешь несколько лестных характеристик.

В этот момент раздается стук в дверь.

— Войдите, — откликаешься ты.

Дверь открывается, и на пороге неуверенно

стоит стажер по шона.

— Мисс Сигауке, вас вызывает директор. В ее кабинет.

Тебе не нравится, что приятное занятие прервали, но ты обязана подчиниться.

В кабинете директора сидят три человека. Ты четвертая, и помещение оказывается набито битком.

Ты садишься на единственный свободный стул у кофейного столика. Миссис Самайта кивает на пару, сидящую на диване, придвинутом к дальней стене.

Увидев тебя, женщина прикрывает глаза. Она делает несколько глотательных движений, но не в состоянии проглотить то, что нужно. Потом ахает и начинает тихо плакать. Мужчина дотрагивается до ее локтя и просит замолчать. В голосе сочувствия совсем немного, как будто он рад, что горе спутницы давит на все, что можно увидеть, понюхать, потрогать.

— Мистер и миссис Чинембири. Родители Элизабет, — представляет директор.

Женщина убирает руку с глаз и показывает на тебя пальцем. К твоему изумлению, этот дрожащий палец испускает тонкий, громкий визг. Когда он умолкает, облегчения не наступает:

палец грозно тычет в тебя.

— Ы-ы-ы, и-и-и, — заходится женщина сухим и ломким, как побитый засухой лист, голосом.

— Да, кто бы мог подумать, что мы доживем до таких дней! — Мужчина смотрит на жену, и глаза его наполняются слезами. — А сегодня мы видим, как дни кромсают матерей в куски.

Директор берет шариковую ручку и, схватив ее указательным и большим пальцами, все крутит, крутит.

— Разве мы не страдали? Страдали так, что все могут быть довольны? — восклицает мать Элизабет. — Кому? Кому надо, чтобы люди страдали еще больше? Это все вы, учителя. Это вы говорите: страдайте больше. Вы хотите продемонстрировать моей дочери и мне, что такое страдание, убив ребенка. Най, скажите мне, учительница моей дочери, вы что, кукуруза в поле навоза? Поэтому тут, куда мы каждый день отправляем наших детей, вы взрастаете на навозе, пока нам больно?

— Миссис Чинембири, — останавливает миссис Самайта излияния женщины, лишь усиливающие ее муки, — мать Элизабет, мисс Сигауке. А мистер Чинембири ее отец. Я просила их прийти и обсудить кое-что другое, — продолжает

директор. — До того… до того как… произошли последние события.

— Да, — тихо отвечает мистер Чинембири. — Мы знаем, что еще не внесли школьные взносы. Потому что мы из кожи вон лезем, чтобы платить за дом.

— А тут случилось кое-что еще, — заключает миссис Самайта. — Они в любом случае должны были прийти. — Директор откладывает ручку и сообщает супругам: — Амай и Баба Чинембири, это учительница, мисс Сигауке.

— Мы просто хотели с ней встретиться, — подает голос отец. — Может, Элизабет и сделала что-то нехорошее, но она так пострадала, что мы хотели встретиться с учительницей. Я водитель. Рядом со мной повар. Нам нужно как можно скорее вернуться к нашим европейцам в Камфинсу.

Май Чинембири падает, но сознание быстро возвращается к ней, и, крестным знамением отделив себя от тебя, она опять начинает тихонько причитать. Звуки давят на тебя. Ты зажимаешь ей рот рукой. Отец Элизабет не осмеливается до тебя дотронуться. Миссис Самайта, разбрасывая медные кубки по столу, тянется к телефону. Девушки, которые по коридору переходят из класса в класс, взрываются хохотом, ярким, как солнце.

Ты прислушиваешься к ним. Потом начинаешь смеяться вместе с ними. Ты слышишь, но не можешь видеть смеющуюся женщину. Только слушаешь клекот, как будто у нее глубоко в гортани сидит гиена.

Часть 2
Ступор

Глава 9

Теперь ты понимаешь. Ты приехала у гиены на спине. Коварная тварь с высоты сбросила тебя на пол-пустыню. Здесь нет ничего, кроме безбрежных стен, начинающихся там, где кончается пол.

Тебя плохо смонтировали. А сейчас вообще размонтировали. Гиена смеется воющим смехом, глядя, как ты рассыпаешься. Она верещит, как обезумевший дух, и пол под тобой распадается.

— Добрый вечер, — говорит гиена.

Ты каменеешь: пол вообще исчезнет? Ты делаешь усилие, чтобы удержать мускулы, чтобы они не растаяли.

— Добрый вечер, — повторяет гиена.

Ты молчишь. Ты не веришь.

Вдруг ты понимаешь, что надо бы ответить иначе. Потому что на полпути сквозь твое молчание слабость разжимает челюсти и проглатывает тебя. Ты обхватываешь руками голову. Подбородок упирается в колени.

Но даже так ты все еще маленькая. Слабость больше. Ты позволяешь себя проглотить.

— Как вы себя чувствуете, Тамбудзай? — продолжает гиена.

Ты не здесь. Ты вообще нигде.

— Тамбудзай, вы должны чувствовать себя лучше. Вы очень долго спали и, наверно, уже можете говорить. Ну же, Тамбудзай, вам должно быть намного лучше.

Ты стараешься не возвращаться. Голос продолжает:

— Вы спали, даже когда мы вас привезли. Но сейчас уже вечер. Остальные ушли. Вы не проголодались после столь долгого сна?

Ты мотаешь головой туда-сюда. Не знаешь, что делать. Может, поблагодарить гиену за ее слова? Ты пытаешься открыть глаза, но тебе удается лишь повращать глазными яблоками. Пытаешься улыбнуться. Язык у тебя заплетается, губы трясутся. Слюна стекает к уху.

— Как ваше имя? — спрашивает голос.

Ты дышишь медленно, сосредоточенно.

— Имя, — выдыхаешь ты.

— Ваше. Не нужно повторять. Это не первый класс. Я хочу узнать ваше имя.

Голос гиены трескается. В нем есть трещины.

— Ответьте. — Голос становится мягче.

— Ответьте, — эхом вторишь ты.

Ты горда собой. Тебе еще раз удалось выдавить из себя твой голос. Твой.

— Не то.

Голос разламывается с бóльшим нетерпением, ему слишком многое приходится скрывать.

— Как вас зовут? Что говорят люди, когда зовут вас?

Как зовет тебя мать? А отец? Мать ведь как-то называла тебя, когда ты сидела у нее на коленях. Катастрофой.

— Тамбудзай, — тихо произносишь ты, радуясь, что вспомнила.

— Хорошо, — говорит собеседница. Ее голос не слушает. — Теперь назовите мне вашу фамилию. И сегодняшнее число.

— Март… Март… — с усилием начинаешь ты.

— Перепутали. Фамилию с числом, — медленно выговаривает собеседница, царапая цилиндром бледный, висящий в воздухе прямоугольник.

— О! — произносишь ты, мучительно переживая, что опять дала маху — после таких усилий.

Женщина резко вдыхает и, пихнув тебя в коленку, без интереса бросает:

— Ладно. Насчет имени. Хватит.

Твой взгляд прикован к пелене из теней и цветов. Ты силишься преодолеть завихрения, пятна, которые, двигаясь, будто пытаются окончить то, что никогда не будет окончено.

В середине длинный темный овал. Там тьма и свет.

— Вы не знаете? — спрашивает овал. — Неправильно. Число неправильное.

— Неправильное? — повторяешь ты.

— Псс! — Говорящий овал раздражается. — Да. Число.

— Какое число? — интересуешься ты.

— Если так будет продолжаться, я принесу вам календарь. Это поможет. Но лучше, если вы справитесь без него.

— Календарь?

Овал фыркает, встает и превращается в женщину.

Вдали, в новом пространстве, словно змея, колышется что-то бледно-зеленое, как платок, который твоя мать повязывает себе на голову. Оно между двумя стенами, съеживается и опять растягивается. Занавеска.

— Как насчет помыться? — спрашивает женщина. — Ванная там, наверху. — Она кивает свисающим подбородком через плечо, не привязанное ни к чему. — Туда.

— Нет. — Ты не хочешь уходить.

— Вы знаете, где находитесь? — спрашивает она, глядя, как ты опять сворачиваешься кала-

чиком.

В ответ ты закрываешь голову руками.

— Эй, эй, не усните опять, вы же не роженица. — Она пытается спрятать шипение за шепотом.

Потом отходит и садится на матрас, плавающий высоко в воздухе.

— Больница! — восклицаешь ты. Это и вопрос, и ответ.

— Уже сутки. Вас привезли вчера. — Она говорит торопливо. Слова вылетают с большой скоростью. — Вам повезло, что вас уже освободили. Когда вас привезли, то связали. Теперь вы успокоились, что кажется невероятным: вы кричали так, будто вас кто-то убивал. — Она возвращается и, наклонившись над тобой, бормочет: — Вам дали успокоительное. Назначение вашего доктора. Вы хорошо себя чувствуете? Или вам дать еще лекарства?

— Доктора?

Ты связываешь слово с больницей. Ты улыбаешься.

— Угу, — улыбается женщина в ответ. — Вас уже осмотрели.

— Осмотрели? Зачем меня надо осматривать?

Женщина, захохотав, оборачивается. Глаза ее сверкают, как наточенные кухонные ножи.

— Вы, как я вижу, не очень понимаете, где находитесь, — выдыхает она. — Сколько сейчас времени? Вы можете мне сказать?

Твои глаза закрываются, ты хочешь уйти от нее. Она пододвигается ближе.

— Все в порядке. Я сиделка. Я бы хотела задать вам несколько вопросов.

Она придвигается еще ближе. Ты начинаешь кричать.

* * *

Ты этого не знаешь, но прошло уже немало времени.

— Не похоже, чтобы она что-то собиралась устроить. Давайте просто отправим ее обратно, — говорит кто-то.

— Думаете, так будет лучше? — спрашивает другой человек. — Мм, может, и нет. Из их слов вытекает, что она еще может натворить дел.

Чья-то рука хватает тебя за предплечье. Ты отбиваешься ватными конечностями, а притаившаяся на дне багрового пруда твоего страха гиена смеется.

С тебя стягивают трусы, и в ягодице зажигается игла. Ты бьешься, чтобы вытащить пальцы из лужи, расселины которой застывают подобно

лаве вулкана.

Придвигаются ноги. Когда человек приседает перед тобой на корточки, трещат кости в коленях.

Голос.

— Привет. Как ваше имя? — опять начинает голос.

Тебе нравится. У тебя хорошо получается.

— Имя! — соглашаешься ты, чувствуя себя легко в нежном потоке повторений.

Тебя поднимают. Скрежещет металл. Скрипит резина.

Веки расползаются. Ты не можешь сфокусироваться.

Женщина задергивает бледно-зелеными занавесками яркий послеполуденный свет. Шапочка сиделки — зазубренный темный силуэт на фоне солнца.

— Я практикантка. — Она ломает пальцы. Волнение комкает ее речь.

— Практикантка, — повторяешь ты.

Резкий звук ужаса усиливается у тебя в голове. Он проникает слишком глубоко, чтобы можно было вытерпеть. Багровая гиена открывает пасть, и все чувства исчезают.

Практикантка не видит тварь, питающуюся

падалью. Она не верит, что ты исчезла.

— Мне надо идти, — сообщает она. — Увидимся позже. Тогда и поговорим.

* * *

— Уберите от меня свои грязные лапы! — надрывается голос недалеко от тебя.

Розовый овал ведет тебя по помещению. С одной стороны свет. Свет — это окна. С другой стороны внутрь таращится мир. Мир — это стена. Между ними снуют тени, которые думают, что они люди.

— Вы меня не слышите? — кричит непонятный человек.

Ты испугана. Останавливаешься. Подносишь руку ко рту. Он закрыт.

— Идите дальше. — Санитарка легонько толкает тебя в плечо.

Почувствовав себя лучше, ты идешь.

— Я сказал, уберите от меня свои грязные лапы! — безумствует непонятное создание.

Ты идешь по коридору, за которым, как тебе станет известно позже, отделение геронтологии, его обитатели делят с твоим крылом холл и столовую. Пальцы света обвивают решетки, схватившие высокие узкие окна. Пыль пляшет

в колоннах водянистого света. Железные двери зияют в белых оштукатуренных стенах, как ни на что не годные глаза.

— Изолятор, — весело говорит овал. — Там вы были. Разве вы не рады, что вас выпустили?

Ты подходишь к двери.

— Доктор Уинтон, — объявляет твой поводырь, постучав в нее, — ваша пациентка.

Она опять берет тебя за плечо, чтобы провести вперед.

Ты садишься. Стул — жесткая доска на металлической раме, как в классе. Ты не хочешь на нем сидеть. Доктор Уинтон смотрит на то, как ты отказываешься. Что-то подсказывает тебе, что, когда на тебя смотрит белая женщина, нельзя отказываться, и ты садишься.

Доктор наклоняется над фанерным столом и отковыривает кусочек лакового покрытия. Она теребит его указательным и большим пальцами, потом бросает на стол и протягивает тебе руку.

Ты не принимаешь ее.

Она опять садится и задает тебе вопросы. Где ты родилась? В Умтали, отвечаешь ты ей.

— Умтали? — переспрашивает она.

Мутаре, поправляешься ты после паузы. Ты сбита с толку. Какая разница между Мутаре и Ум-

тали? Ты знаешь, что разница есть, но не знаешь, какая и что она означает.

Где ты училась в школе? Разум скользит, вяло соображая, что сказать. Ты слишком устала и обдолбана, чтобы не услышать слова, которые произносишь, поэтому сказать ей значит признаться самой себе, а этого тебе не хочется.

Родилась в бедной семье, рассказываешь ты. С трудом получила образование, выращивала зеленую кукурузу и продавала ее, чтобы остаться в школе, поскольку мать отказалась торговать на рынке для тебя, как делала для брата. Ты ничего такого не произносишь, потому что как можно плохо говорить о матери? Только отягчающее обстоятельство того преступления, что ты родилась тем, кем родилась, и там, где родилась, узаконивающее все обрушившиеся на тебя бедствия. Лучше сосредоточиться на плюсах. Дядя, Бабамукуру, старший брат отца и глава клана, вернулся из Англии и занял должность директора школы недалеко от дома. После смерти брата он отправляет тебя в миссию для дальнейшего обучения.

— Ага. — Доктор ничего не понимает. — Чувство вины. После события, которое воспринимается как жертва. Вы испытываете чувство вины в связи со смертью вашего брата.

Ты перенаправляешь ее зондаж на историю кузины Ньяши, дочери дяди.

— Друг, сестра, — подсказывает доктор.

— Человек, на которого я могла бы равняться, — продолжаешь ты. — Который мог бы мне объяснить многие вещи. Пока она не заболела. Тогда я поняла, что она ничего не знает. Мне не нужна была сестра. У меня их была куча.

— Как она выздоровела? — спрашивает доктор после того, как ты рассказываешь ей о попытке суицида сестры из-за нарушения пищевого поведения.

Ты пожимаешь плечами. Ты не знаешь, как выздоровела кузина, ведь шансов у нее практически не было. В любом случае ты чувствуешь, что доктор пошла не туда. Она должна думать о твоем выздоровлении, а не кузины.

— Ньяша всегда выкрутится, — объясняешь ты. — Она всегда в выигрыше, у нее все лучшее. Даже рождение.

— Вы так думаете? — спрашивает доктор, приподнимая бровь. — Даже после того как она с таким трудом справилась с последствиями собственного рождения?

Ты еще отвлекаешь доктора Уинтон, сообщая ей, что недолго была с кузиной, пока она болела,

так как, получив стипендию, уехала из миссии дяди в Умтали и поступила в престижный женский колледж Святого Сердца, где учились представительницы разных рас.

Когда ты рассказываешь, как хорошо там училась, даже имея лучшие по школе результаты в средних классах, доктор Уинтон хмурится и не может этого скрыть.

— И что случилось? — спокойно спрашивает она, когда ты опять замолкаешь.

Ты не можешь сказать ей, что все повторяется, что и тут получилось, как с матерью; тебя отвергли, поскольку нужно было выдвинуть другую, белую, одноклассницу. Зато ты начинаешь про войну, про то, как она сгубила у всех нервы, а у многих и тела, о том, что близнецы из твоей школы потеряли родителей, сестра — ногу, а Бабамукуру — способность ходить. Ты клянешься себе, что не будешь плакать, и не плачешь.

Доктор осторожно продолжает расспросы, она хочет знать, что было потом, что могло привести тебя в ее кабинет. Ты рассказываешь кое-что о работе в агентстве «Стирс и другие». Хочешь объяснить, что там пережила. Слова медленно заползают тебе в горло, поскольку обиды взрослой жизни причиняют не такую сильную боль, как

детские. Но и менее сильная боль оказывается непереносимой, ты не можешь говорить о Трейси Стивенсон, всеобщей любимице в школе, которая стала твоей начальницей в рекламном агентстве, что повергло тебя в состояние тупой покорности.

— На дискотеке я увидела женщину, похожую на Трейси. Понимаете, Трейси, ту девочку в школе. — Ты решаешь, что рассказала уже достаточно и напустила пыль в докторские глаза. Ты невозмутимо продолжаешь, желая посмотреть, что будет делать врач. — Мне хотелось ее избить.

— Кажется, вы не любите белых людей.

— Конечно, не люблю. — Ты опять по своему обыкновению пожимаешь плечами. — Да все равно, что тут, что там. Меня нигде не замечают. Без разницы кто. Никто не замечает.

Ты встаешь. Оказавшись у двери, ты вспоминаешь, что за ней коридор.

— Мне интересно, что бы было, если бы вы перестали запирать дверь в мир и прятаться за ней. — Доктор Уинтон внимательно на тебя смотрит. — Если бы вы вышли. Чтобы попробовать действительность?

— Нет.

Она молчит.

— Я не прячусь.

— Может быть, вы сама себя пугаете, Тамбудзай? Замурованная за дверью со всеми страхами?

Гиена устала. Она не смеется. Не прыгает. Просто лежит. Доктор смотрит на наручные часы и информирует, что у тебя еще пятнадцать минут.

— Люди, испытывающие сильные страхи, иногда подменяют собой то, чего боятся. — Доктор Уинтон смотрит на тебя так, что становится неуютно.

— Мне стыдно, — вдруг произносишь ты.

— За что? — спрашивает доктор.

— У меня нет того, что может сделать меня лучше. Я хочу быть лучше. Я хочу того, что бы меня такой сделало.

Ты топчешься на этом несколько минут, наконец доктор Уинтон пододвигает к себе твою папку, царапает что-то на листе ужасного качества бумаги, введенной в целях экономии во время войны, но оставшейся после Независимости, и, поджав губы, как будто довольна сеансом, записывает тебя на следующий прием.

* * *

— Хочешь?

За дверью женщина. Она обращается к тебе, когда ты возвращаешься в холл. Она имеет форму

груши, на черных блестящих волосах чалма. За вырез шифоновой ночной рубашки она выставила грудь.

— Сесилия, перестаньте! — кричит ей практикантка.

Женщина в форме груши засовывает грудь обратно.

— Завяжите! — приказывает практикантка голосом, от которого ты радуешься, что она занята не тобой.

Сесилия корчит гримасу и завязывает тесемки рубашки.

— Миссис Флауэр! — в раздражении кричит практикантка, когда ты опять садишься на диван.

Миссис Флауэр устраивается в углу, поднимает грудь вверх и сосет ее. Она смотрит через плечо, улыбается, как ребенок, и продолжает пить.

— Хватит! — приказывает практикантка.

Она устанавливает на тормоз инвалидную коляску, которую толкает.

— Уберите от меня свои грязные лапы, мерзкая черная шлюха, — скулит крошечный старик в коляске.

— Иве, мистер Портер, — огрызается практикантка, — перестаньте меня изводить! Вы

в порядке, миссис Флауэр? — спрашивает она, легко меняя выражение лица. — Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Практикантка ведет миссис Флауэр к столу с кофе и вкладывает в ее руки журнал. Миссис Флауэр перелистывает рваные, заляпанные страницы. В одной статье объясняется, как вязать детские вещи. Миссис Флауэр заливается слезами.

Практикантка пожимает плечами и возвращается к бранчливому старику в инвалидной коляске, продолжая терпеть его оскорбления.

— Эд Портер, что вы натворили? — ругается она. — Что вас напугало до усрачки? Так вот почему опять?

Она берется за ручки коляски и разворачивает ее к двери, в которую ты только что вошла.

— Ах ты черная образина, ты что, не слышишь меня? Давай туда! — вопит и хнычет человек в коляске.

— Сидите тихо, — говорит практикантка сквозь зубы. — Все тут загадите своим дерьмом.

Мистер Портер поднимает палку, которая лежит у него на коленях, и пытается крюком зацепить шею обидчицы.

— Грязная черная шлюха! — ревет он женщине, которая катит его.

Пациент пыхтит, словно легкие у него, как и суставы, изъедены артритом.

Раз — и взбесившийся старик по дуге поднимает палку. Два — и он с силой опускает ее на плечо практикантки.

Кресло катится в твою сторону. Эду Портеру удается повернуть колесо и остановить его. Практикантка бегает вокруг кресла, как спутник вокруг планеты, и пытается ухватить добычу.

— Мистер Портер, простите! — кричит наконец она с безопасного расстояния. — Не делайте вид, будто вы не знаете, что наделали. Я лишь хочу выполнить свою работу.

Она подходит к креслу и пытается оторвать руки пациента от палки. Но Эд ее удерживает и колотит практикантку по спине с криками:

— Черная шлюха! Мерзкая сука!

— Санитарка! — кричит практикантка той, кто тебя сопровождал. — Идите сюда. Помогите мне с ним справиться!

Санитарка, которая треплется на посту, оборачивается и пожимает плечами, сообщая, что идет обедать.

— Не смейте ко мне прикасаться, — ревет Эд, победно размахивая палкой.

Звучит гонг на обед. Ты вместе с остальными

пациентами тянешься в столовую.

— Мистер Портер! Я не повезу вас к столу в таком виде. Если вы потом проголодаетесь, я и пальцем не пошевелю, чтобы вам помочь.

Руки старика обхватывают резиновые колеса кресла. Сучковатые пальцы скользят по металлическому ободу.

— Эй, друг, подсоби. — Боль и обида искажают его лицо.

Высокий молодой мужчина, лоб которого вдавлен в синие глазницы, из которых когда-то смотрели глаза, оборачивается — слишком неуверенно, слишком медленно. Он останавливается. Одно колено согнуто, стопа в воздухе. Так же медленно мысль пробирается в его голову, наконец зажигая глаза. Время для этого юноши, Рудольфа, разрослось бесконечно. Он, как во сне, приближается к мистеру Портеру.

Рудольф везет мистера Портера к столу, а тот злобно таращится на практикантку и машет палкой. Ухмыляясь, она благоразумно отходит и смеется:

— Иве! Эй, вы, мистер Портер, что я могу сделать, если вы так хотите есть? Ну, поедите вы, а может, сделаете что-нибудь еще, и что тогда? Я все равно приду и переодену вас.

— И вам хорошего дня, — великолепно разделывается Эд с мучительницей.

В потоке теней, шаркающих к своим местам, ты проходишь мимо Эда, ища, куда сесть.

— Вы здесь из-за наркотиков? — спрашивает Рудольф, дрейфуя уже по собственным делам.

Ты качаешь головой.

— А у вас есть? — Голос Рудольфа плывет стелющимся по горам туманом.

Печаль юноши останавливает тебя на полдороге, ты смотришь на него.

— Я ведь уже рассказывал вам, правда? — спрашивает он.

— Эй, Рудольф, идите есть. Вы тоже, Тамбудзай! — кричит практикантка.

— Они… проделывают там отверстия, — грустно говорит Рудольф. — Этим… дымом. Так что ветер дует… прямо насквозь. Да, они этого и хотели. И все вываливается. — С удовлетворенным видом он проходит дальше.

Ты находишь свободное место напротив мистера и миссис Ван Билов. У нее розовый бант в волосах, на нем костюм и галстук. На самом деле у них разные имена, но они твердят всем, кто может их слышать, что женаты. Они держатся за руки и едят, прижимаясь друг к другу, пока

практикантка не просит их соблюдать за столом приличия.

Ты садишься и видишь, как Рудольф опять застыл на полушаге. Ему требуется немало времени, чтобы опустить ногу.

Рядом с тобой, через угол стола, низко склоненная женская голова. Клоки мягких седых волос окружают голову соседки наподобие нимба. Когда ты садишься, она поднимает голову:

— Привет, дорогая.

Ее лицо сплошь прозрачная кожа, тонкая, как яичная скорлупа. Когда женщина улыбается, эта кожа сморщивается на хрупких скулах. Она так рада, что ты села рядом с ней, что губы ее натягиваются на десны.

Слабыми пальцами она поднимает ложку, которую уронила, когда здоровалась с тобой, и старательно ест суп, положив возле тарелки зубной протез.

— Может, мне опять его надеть, как вы думаете, дорогая? — спрашивает она, пытаясь разжевывать мягкие кусочки овощей. — Я правда не знаю, надеть — не надеть.

Она опять кладет ложку и смотрит на тебя, ожидая ответа.

— Трудно сказать, — бормочешь ты.

— Вот и я так думаю, — кивает она и, еще раз обнажив десны в улыбке, берет протез. — И понимаете, не знаю, что лучше: надеть или бог с ним.

Вздохнув, соседка вставляет протез, берет на пробу одну ложку и замирает, устанавливая его в нужное положение.

— А мне здесь нравится, — продолжает она. — Мне этот дом нравится больше, чем тот, другой. Здесь намного безопаснее и все такие милые. С тех пор, как я потеряла мужа, я ни разу не чувствовала себя в безопасности в том, другом, доме. Я вам говорила, что потеряла мужа, дорогая? Во время войны.

Ты запрещаешь себе вспоминать то, о чем не хочешь помнить. Усилие расстраивает аппетит. Ты сидишь и не хочешь вообще чувствовать вкуса, а потом вдруг жадно проглатываешь все до последнего кусочка.

Миска старухи почти пуста, и вы уже несколько минут ждете второго.

— Так вы кто, дорогая? — спрашивает она.

— Тамбудзай, — отвечаешь ты, неохотно выдавая информацию.

— А я Мейбл, — сообщает она и неуверенными движениями долго выскребает последнюю ложку. — Мой Фрэнк звал меня Мэбс, но я говорила

вам, что потеряла его во время войны? Они пришли и забрали его. Ночью. Воткнули ему ружье в ребра, как будто в какой-то кусок мяса, и увели. У меня была хорошая женщина, она ухаживала за мной, но я не знаю, что случилось с моей собакой, Фидо. Вы видели моего Фидо? — осматриваясь, спрашивает она тонким голосом. — Как вы сказали ваше имя, дорогая? Вы, кажется, сказали Эди? — Ты молчишь. — Разве вы не так сказали? Именно так, я уверена. Да, Эди часто приходила и сидела со мной. Конечно, вы моя дочь Эди.

Узнавание неуклюже выбирается из багровой лужи, как древнее, неповоротливое животное.

— Борроудейл, — киваешь ты мамонту из своей памяти. — Я знаю ваш дом. Я видела вас, в Борроудейле.

— Я так и знала. — Соседка сияет, как слабая лампа накаливания; так светятся старики. — Что они сделали с Фидо, дорогая? Они пристрелили его, когда я уехала? Я так и знала, что вы моя дочь Эди.

Соседка ковыряется вилкой с края тарелки, которую перед ней поставили, и берет картошку.

Жестокая улыбка застывает на твоих губах при виде того, как вдова погружается в мир, делающий равными тебя, ее и всех остальных белых

людей в заведении.

— Я не ваша дочь. Меня зовут Тамбудзай. — Ты медлишь. — Тамбудзай Сигауке.

— Вы уверены? — через пару секунд интересуется вдова. — Точно, дорогая? Вы не она? Знаете, очень странно. Вы точная копия моей дочери Эди.

Ты опять качаешь головой. Глубоко внутри распускается виноградная лоза. С листьев срывается презрительная усмешка.

— Ну что ж, если вы не она, очень мило, — продолжает вдова. — Очень любезно, что вы навестили меня.

Слезы не удерживаются в глазах, капли падают в подливу. У тебя нет воли остановить их.

— Я хочу кое-что вам подарить, дорогая, — опять начинает вдова. — Ужасно любезно, что вы проделали весь этот путь. Раньше мне было так страшно, я ни с кем не разговаривала.

Соседка откладывает нож и вилку и снимает широкое золотое кольцо с янтарем. Снимая его, она все повторяет, что ты точная копия ее дочери Эди.

* * *

— Я могу дать вам дозу побольше, — говорит практикантка, придя делать тебе укол. — Чтобы эффект был сильнее. И быстрее подействовало.

Глядя, как ты рыдаешь, а рыдаешь ты с самого обеда, она наклоняется ниже и продолжает:

— Я хотела бы задать вам несколько вопросов. Я нуждаюсь в вашей помощи. Я оканчиваю институт. Диплом. Мне нужна интересная тема. А вам полезно со мной побеседовать, понимаете? Мы же с вами одинаковые! Не как европейские врачи. Понимаете, вам ни о чем не нужно беспокоиться, сестра, Тамбу. Просто отвечайте на мои вопросы.

Тихим, вкрадчивым голосом она интересуется, удовлетворяет ли тебя твой партнер, как часто у вас секс и оказала ли, по-твоему, эта часть жизни какое-либо влияние на то, что с тобой произошло. Задавая вопросы, практикантка смотрит на тебя, как будто ты книга, в которой она отметила самую важную главу.

— Вы не против, если я буду записывать ответы? — спрашивает она несколько раскованнее, поскольку беседа пошла.

У тебя остались силы только на то, чтобы смот-

реть на нее. Перед твоей рубашки промок от слез. Первоначальное ожидание на ее лице сменяет разочарованный пристальный взгляд. Наконец она засовывает ручку и маленький блокнот в карман халата и уходит, опять оставив тебя с чувством стыда, который ты не в состоянии объяснить.

Глава 10

Оказывается, ты лужа. Тени в холле — пруды. Вместе вы образуете океан. Нескончаемый океан льется из твоих глаз.

— Вы все так же? — резко спрашивает практикантка. — Хотите, чтобы мы вас пожалели? Мы не слышали, чтобы кто-то умер или что-нибудь в таком роде.

Сесилия Флауэр, бродя по холлу и предлагая всем свою грудь, проходит мимо тебя, как будто лужа ядовитая. Эд Портер по-прежнему кричит на практикантку. Его крики доносятся до тебя издалека. Мэбс Райли, опять представляясь каждому встречному, уверяет, что она в восторге от его любезности, и все пытается снять кольцо с пальца, правда, ей никак не удается. Когда люди умирают, кости ссыхаются, говорит она, но можно с мылом, и тогда вы получите его в наследство.

Хотя старуха и не подозревает, от ее приступов наивного великодушия ты получаешь вполне реальное наследство. Повторяясь, они постепенно убеждают тебя в том, что у тебя внутри таится забытая драгоценность. Правда, усилиям выта-

щить на свет божий эти самые стоящие крохи личности мешает какая-то дрянная субстанция, содержащая больше пустоты, чем у тебя хватает духу вспомнить, и которую можно смыть только новыми потоками, текущими по щекам. Ты раздражаешь санитаров, которым приходится часто менять тебе рубашку. Наконец они заставляют тебя носить с собой полотенце, которое ты забываешь, переходя на другое место, и они вынуждены за тобой ухаживать.

Однажды, когда состояние улучшается настолько, что больничную одежду тебе меняют на твою собственную, рядом оказываются два человека.

— Это мы. Как ты, Тамбудзай? Ты нас не помнишь? — строго спрашивает один из них.

Несмотря на грубоватый тон, ты чувствуешь тревогу женщины.

Наступает молчание, и тихие, одновременные вздохи говорят тебе, что женщины обменялись взглядами.

— Попробуй, — просит тот же голос. — Подумай! Это я, тетя Люсия. А со мной Кири.

Как раз думать ты хочешь меньше всего и обижаешься на посетительниц с их притворными голосами, какими они задают неприятные вопросы, на которые ты не можешь и не хочешь

искать ответы. Обескураженные, напуганные молчанием, несколько раз они, качая головами, уходят. Наконец, когда твое состояние еще не раз сбивает их с толку, они начинают шутить.

В день, когда они избирают такую тактику, практикантка сажает тебя в саду рядом со вдовой Райли. Она решила вас свести и, командуя, тоненько смеется растерянности вдовы Райли, а тебя называет «мурунгу»[21], ведь теперь ты дочь белой женщины. От такого обращения из тебя, разумеется, вытекают водопады слез. Практикантка грубо спрашивает, что ты себе позволяешь, и уходит, не скрывая, как ее все забавляет.

— Это опять мы! — начинает женщина с более громким голосом, когда приближаются часы посещений. — Только не говори мне, что ты ничего не ела и не спала, Тамбудзай. Такое ощущение, что, как мы ушли, ты тут так и сидишь.

Они пододвигают садовые стулья, по камням скрежещет металл. Наклонившись, они смотрят на тебя, тебя обдает жар их тел. Он становится сильнее после движения и увлекает тебя, как танец или песня. С ними третий человек.

— И что? Нам опять уйти? — как можно тише

---

[21] Примечания: 21
Белый.

спрашивает громкая женщина. — Подождать еще несколько дней?

— Может, она спит? — интересуется ее спутница. — Все время спит. Вот так, с открытыми глазами. Я много чего видела, но такое, мм, такого я никогда не видела.

Новая женщина ахает и прерывает молчаливое наблюдение:

— Она умерла. Я хочу сказать, умирает!

— Когда умирают, так не плачут, — говорит первая. — Тогда дух занят совсем другим, ты тратишь все силы на то, чтобы уйти. В любом случае ты видишь ее в первый раз. А она такая всякий раз, как мы приходим. Если она и вернется домой, то не скоро.

Металл опять скрежещет по камням.

— Позовите сиделку, — громко настаивает третья. — Сиделка, сиделка, Тамбудзай не шевелится.

— Сядь, Ньяша, — велит вторая женщина, — не беспокой людей. Смерть выглядит не так. Ты разве не слышишь тетю Люсию?

— А разве с ней что-то случилось? — спрашивает вдова Райли. — Мне кажется, с моей дочерью Эди все в порядке. Она сидит так целый день, тихо, спокойно. Такая хорошая девочка, что при-

ехала меня навестить.

Раздается стук, Ньяша опять плюхнулась на стул и что-то бормочет, успокаивая старуху. Через секунду тебе в лицо тычется платочек.

— Люсия, когда это было? — спрашивает Кристина, меняя тему. — Когда ты видела первый раз, чтобы глаза так смотрели? Разве не тогда, когда вокруг все было искорежено, разодрано, когда красное стало белым, белое красным и река вышла из берегов, а должна бы дальше струиться в теле нашей сестры?

Твои слезы текут быстрее. Женщина, утирающая их, меняет мокрый платочек на сухой.

— Ты права, Кири, — смягчается тетя Люсия, родственница по матке, младшая сестра твоей матери. — Да, мы видели, как наши сестры неотрывно смотрят в прошлое, как будто уже умерли, хотя на самом деле еще живы.

Кристина хрипло смеется.

— Значит, так, сестричка Ньяша, в следующий раз, когда увидишь плачущий труп, зови меня, я осмотрю. Если мы с моей сестрой Люсией чем и заслужили степень по философии, так тем, что понимаем, живое перед тобой тело или мертвое.

Разговор выводит их на территорию, куда они редко заходят. Им требуется несколько безмолв-

ных минут, чтобы отключиться от полей, по щиколотку в обожженных до хрустящей корочки мужчинах, черных и маленьких, как младенцы; от детей, у которых из каждого отверстия ритмично хлещет красная кровь; от экскрементов мужчин, которые смотрят, как их дочери отрезают гениталии своим мужьям; от частей женских тел — алых украшений, покачивающихся на лесных ветвях. Ты слышишь щелчок замка, далекий всплеск в большом озере, куда упал небольшой предмет. Они говорят друг другу без слов, зная, что лгут:

— Нам больше не найти ключи. Мм, никогда.

С недовольным видом, что бывает редко, вдова Райли поднимается и, намереваясь вернуться в холл, ударяется о стеклянную дверь. Дверь должна быть открыта, но она закрыта. Старуха падает. Практикантка и Ньяша с разных сторон торопятся поднять ее.

— Смотрите, куда идете. Почему вы не смотрите? — ругается практикантка, пока вдова Райли извиняется за причиненное беспокойство.

— Уходим. — Тетя Люсия имеет в виду сразу много мест, откуда нужно уходить. — Мне нужно работать, Ньяша, нет времени тут сидеть. Оставим ее пока. Может, она не хочет, чтобы мы ее

навещали. Когда промокнет настолько, что будет неудобно, проснется.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы мне помогли, — благодарит вдова Райли, которую практикантка тащит в холл. — Куда вы меня ведете, дорогая?

У кузины больше нет платочков. Она водит тебе по лицу ладонями, и, когда отнимает их, ты чувствуешь слабое дуновение. Гиена перестает смеяться. Ты моргаешь и выныриваешь на поверхность багрового озера.

— Видите, она слышала нас все время, — язвит Кристина, кивая на твою грудь. — По крайней мере ей поменяли рубашку. Я поняла, что тебе нужна одежда, и все принесла. Когда ты была еще там, в постели, и делала вид, будто рядом никого нет.

Ты не благодаришь посетительницу, и тем не менее сейчас она становится не чужой, опасной воительницей, а кем-то из дружеской компании.

Ньяша идет в сортир и возвращается с намотанной на руку туалетной бумагой.

— Свина! Отожми! — Практикантка смеется над тем, как ты смотришь на бумагу. — Ха-ха, рубашку, а не эти шматы.

— Именно Кири нашла меня в тот день, когда

тебя привезли сюда из кабинета директора, — объясняет тетя Люсия.

— Я позвонила в деревню, как только миссис Самайта нам рассказала, — говорит Кири. — Бог управил так, что твоя племянница Фридом только что вышла из здания деревенского совета, когда я туда дозвонилась. Ее догнали. Она сразу же сказала, чтобы я связалась с Люсией в Хараре. Девочка уже большая.

— Хорошо, что ты меня нашла после того, как мы потерялись, — улыбается Майнини Люсия.

— Тамбудзай, — тихо спрашивает кузина Ньяша, — как ты себя чувствуешь?

Слезы опять набухают у тебя на глазах. Ньяша кивает:

— Понимаю.

— Что тут понимать? — негодует Майнини. — Она сейчас перестанет, правда?

— Люсия через деревенский совет послала весточку. Твоей матери. — Кристина смягчается.

— У моей сестры всегда столько дел, — продолжает Люсия. — Чего она только не делает, чтобы удержать дом на плаву. Но я сказала ей, приезжай в Хараре, тебя должна увидеть дочь, ведь правда? Я жду ее с часу на час. Если она уже не приехала, значит, ей что-то очень помешало.

— Когда Люсия была занята, я все делала, — рассказывает Кристина. — Гоняла маленькую Фридом с новостями. Она бегала туда-сюда, хотя и говорит, что не знает тебя, Тамбудзай. Как тебе удалось не познакомиться с племянницей? Я не поверила своим ушам, когда услышала, что ты не ездила домой. Даже на праздник, когда твоя сестра вернулась с войны! Или порадоваться племянницам, которых она привезла. Бедная Нецай. — Кристина качает головой. — Ей очень тяжело. И почему столько воевавших так кончили? Не знаю, что бы я делала, если бы не встретила здесь мою соратницу, Люсию, когда нужно было передать новости тебе домой, Тамбудзай.

— Давайте сейчас не будем об этом, — обрывает ее Люсия. — Я только хочу, Тамбудзай, чтобы ты знала. Фридом сообщила: мать едет.

* * *

После первого разговора родственники навещают тебя несколько раз. Иногда вместе, однако чаще Ньяша появляется одна. Всякий раз перед ее приходом ты напоминаешь себе, что нужно поблагодарить кузину за туфли леди Дианы, но все время забываешь. Мать передает, что приедет на следующей неделе, потом на следующей,

потом еще на следующей. Ты узнаешь, что Майнини Люсия и Кристина над чем-то работают не покладая рук и добились таких успехов, что Майнини Люсия может оплатить твое лечение, воспользовавшись лишь незначительной помощью Ньяши. Кузине, кажется, нужна компания. Она тарахтит о предметах, которые проходила, о дипломах, которые получила, и о тех местах в Англии и Европе, где их получила. Ты не спрашиваешь, а она не рассказывает, чем занимается сейчас, вернувшись в страну. Ты цепляешься за ее слова, потому что они не здесь, они бесконечно далеки от того места, где ты находишься. Полагая, что Ньяше не понравится, ей ты об этом не говоришь. Ее визиты напоминают времена, когда вы росли: Ньяша не умолкает и отдает свою энергию, а ты слушаешь и молча принимаешь ее. Постепенно, когда посещения кузины становятся регулярными и ты начинаешь их ждать, самочувствие улучшается. Видя, что ты выздоравливаешь, доктор Уинтон отменяет инъекции и назначает разные таблетки.

Скоро во время таких встреч начинает всплывать вопрос, тяжелым камнем давящий на всех: что с тобой будет, когда тебя выпишут? Посетительницы изо всех сил стараются быть

деликатными и не предлагают тебе жилье.

— Когда выйдешь отсюда, тебе придется поехать туда, — начинает тетя, когда они как-то приходят втроем. — Домой. — Майнини кивает на кузину. — Ньяша отвезет тебя. Чтобы никто не мог сказать, что у тебя нет дома, куда пойти. Или что ты не можешь найти туда дорогу.

— Если ты захочешь со мной поехать, — говорит кузина. — Не думаю, что это само собой разумеется.

— Моя тетя Маньянга, по ее собственным словам, молилась за тебя с самого первого дня, — вступает Кристина. — Еще она молится за ту девушку, которую ты чуть не убила. Она хотела, чтобы я непременно передала тебе.

Чуть не убила девушку? Ты? Ты улыбаешься, отказываясь признавать. Не имея ни малейшего намерения верить в такое, ты силишься отогнать опасные раздумья и выходишь победительницей.

— Мне кажется, — продолжает Кристина, — она счастлива тем, что молится за тебя. В твоей комнате поселился жилец. Платит двойную аренду. Твои вещи я положила себе под кровать.

Ньяша поднимается со стула.

— Мне пора, — сообщает она. — Забрать детей.

Я ведь на машине.

Тетя Люсия толкает Ньяшу обратно. Еще пять минут, велит она. Ньяша дает себя усадить.

Следующие полчаса Майнини Люсия рассказывает про свой дом. Он находится в селении Кувадзана. Она отмечает, что ее дом вряд ли тебе понравится, а также намекает, что и ты ей в нем не понравишься.

Тетя внимательно смотрит на тебя, прокручивая в голове варианты.

— Я слишком занята, — принимает она решение. — Тебе понадобится какая-то помощь, забота, по крайней мере, вначале. Если ты думаешь о другом пристанище, как утверждает Ньяша, попроси кузину, может, она тебе поищет.

Энергия вытекает из тебя, ты рассматриваешь свои сложенные на коленях руки и ничего не отвечаешь.

Кузина выдвигает нижнюю губу и интересуется, могут ли быть другие варианты.

— А какие? — резко спрашивает Майнини, чьи последние запасы терпения кончились в ходе борьбы за освобождение.

Практикантка звонит в звонок. Тетя и Кири встают. Ты провожаешь их до двери, обходя стороной Сесилию Флауэр, которая вынимает из

рук вдовы Райли чайную чашку и вместо нее дает старухе плачущую грудь. Практикантка увиливает от палки Эда Портера, а миссис Райли восклицает:

— Большое спасибо, что навестили меня и Эди.

Во время очередного посещения принимается решение, что ты поедешь жить к кузине.

* * *

В день, когда тебя выписывают, Ньяша пунктуальна, она торопливо входит и суетливо выходит из палаты, прихватив твои сумки. Она бросает их поверх других пожитков, которые сначала забрала у вдовы Маньянги.

Ты становишься на колени возле вдовы Райли, чтобы попрощаться. Она спрашивает, кто ты такая. Ты отвечаешь, и она говорит, что могла бы поклясться: ты ее дочь. Когда ты проходишь мимо, Эд машет палкой и ругается на практикантку, а та почти незаметно приподнимает уголок рта и прижигает тебе взглядом спину.

— Эта женщина, — объясняешь ты кузине, и сострадание загущает голос. — Ее мужа убили на войне.

— Сиделка, кажется, тоже не в восторге от всего, — откликается та.

На улице асфальтовое покрытие блестит, как змея на послеполуденном солнце. Либо мир тебя одурачил, либо ты дура и есть. Ты недоверчиво трясешь головой, когда убеждаешься, что твоя кузина точно такая же. Все это путает и кажется вопиюще неправильным. Теперь ты обращаешь внимание на приметы, которые игнорировала в палате. Ньяша вся в таких приметах. Забрать тебя она приехала в полинялой футболке и джинсах, изуродованных старыми, потертыми дырками на бедрах, а не на коленках, как диктует мода. Из еще одной дырки в заднем кармане торчат ключи от машины. Ты вспоминаешь лодочки леди Дианы. Хотя теперь и понимая, как так получилось, что за все годы, проведенные на Западе, Ньяша прислала тебе одну-единственную посылку с туфлями, ты не находишь объяснения, почему она подарила тебе красивые лодочки, когда ей самой было нелегко. Еще до тебя не доходит, как можно с дипломами, полученными в Англии и Европе, все еще бороться за место под солнцем. Когда ты доходишь до конца асфальтового покрытия и видишь ее машину, тебе стоит больших усилий сдержаться. Ты осознаешь, что ничего не выгадаешь от жизни с кузиной, и настроение у тебя мгновенно портится. Оказывается, у нее

дела ничуть не лучше, чем у тебя, несмотря на все преимущества детства.

— Значит, едем, — чтобы сказать хоть что-нибудь, бормочешь ты, глядя на автомобиль.

Придя в ужас от расцарапанной, мятой крошечной конструкции, ты клянешься себе, что когда-нибудь, хоть уже и поздно, разовьешь в себе способности ВаМаньянги и пробьешься.

— Спички, — отвечает Ньяша. — Помнишь, я вытянула короткую.

Она игнорирует твое усилие рассмеяться.

— Дети тоже хотели приехать, — продолжает она, ковыряясь в сумке. — Это было ни к чему, но они ждут не дождутся, когда увидят тебя. Прямо перевозбудились. Отец их сущий ребенок. Ты же знаешь, что приключилось с нашей семьей. С моим братом, который исчез с радаров где-то в Соединенных Штатах. Так что они и представить себе не могли, что у них когда-нибудь будет тетя. — Ощупав снаружи дырявый карман, Ньяша находит ключи и вытаскивает их, еще больше увеличив в нем дыру. — Черт, ведь последние! — восклицает она, и сердце твое опускается еще ниже.

Подергав, Ньяша открывает водительскую дверь, залезает и нетерпеливо поворачивает

ключ зажигания. Внутренности машины скребутся, как будто она смонтирована так, что приводить ее в движение нужно не топливом, а педалями.

— С тех пор, как я им сказала, они только об этом и думают, — заключает Ньяша и без паузы, столь же непринужденно продолжает: — Ну вот, Глория, знакомься, кузина Тамбудзай. Ты должна завестись.

Чуть поодаль, у исследовательского института, группа садовников приводит в порядок клумбы с розовыми и желтыми розами. За зелеными занавесками в палате виден силуэт практикантки. Мало того, что столько людей видели раздолбанную тачку твоей кузины, всякий раз, как Ньяша пытается ее завести, она еще и скрежещет, как сердитый павлин.

После нескольких попыток Ньяша опускает ручной тормоз и еще раз резко открывает дверь. Одной рукой она хватается за руль и наваливается грудью на корпус. Когда ты видишь, как кузина *сама толкает свою машину*, у тебя отвисает челюсть и тебя душит негодование. Автомобиль катится. Ньяша запрыгивает обратно и ногами регулирует подачу газа. Ревет мотор. Садовники возле института распрямляются и хлопают в

ладоши. Оскорбленная, ты отворачиваешься и видишь лишь, как призрачная тень практикантки удаляется по направлению к холлу.

— Дети? — переспрашиваешь ты, вежливостью прикрывая растущее недовольство обстоятельствами и повинуясь жесту кузины сесть в машину.

Впервые после дискотеки, где вы были с Кристиной, ты вспоминаешь о сыновьях Маньянги.

— Анесу и Панаше, — начинает кузина, но замолкает, потому что иначе «Глория» заглохнет перед знаком «Уступи дорогу».

Машина подпрыгивает, пытаясь объехать ямы размером с континенты и канавы, брошенные рабочими наподобие разверстых могил. Через четверть часа вы въезжаете в миниатюрные джунгли. На север, восток и юг тянутся заросли бамбука. С него уныло свисает проржавленная колючая проволока. Кузина выходит из машины и возится с грязным навесным замком. Бамбуковые стебли качаются, но выстаивают. Сильно дернув, Ньяша улыбается и жестом чемпиона поднимает замок с цепочкой. В смятении от ее идиотизма, ты быстро начинаешь строить планы на спасение.

Машину трясет, она продирается через напол-

зающие на дорогу кусты ежевики, с грохотом едет по рассыпающемуся асфальту, комья которого спрятались под пожухлой травой, и наконец выбирается на некогда аккуратную кирпичную черно-серую дорожку, теперь больше напоминающую кукурузный початок в неурожайный год. Глаз то и дело натыкается на клочки выжженного солнцем газона, пробивающегося сквозь камни. Колючки кустов скребутся по и без того расцарапанному лаковому покрытию машины. С видом императрицы, возвращающейся в свою цитадель после битвы, кузина принимается петь.

Ньяша заезжает в гараж, и в выхлопной трубе булькает газ. Она выскакивает из машины и, похлопав ее, улыбается:

— Молодчина, «Глория»! Вот это мотор!

Забыв все прежнее раздражение, она кружится и, раскинув руки, сияет.

— Добро пожаловать. Все позади. Не переживай. Вот ты и дома, Тамбу!

Ты никогда не любила бардак, а уж сейчас он тебе совсем не по душе, однако здесь его определенно слишком много. На полу поверх старых детских игрушек и заброшенных велосипедов валяются бумажные пакеты. На рваных картонных коробках горы бутылок из-под южноафрикан-

ского вина. В кишащих термитами плетеных корзинках извиваются тонкие белые личинки.

— Мама! Мама приехала! — вопят дети.

Со скрежетом открывается кухонная дверь. Отваливается филенка. Высунувшаяся бледная рука поднимает дощечку и возвращает ее на место. Потом рука исчезает, и выпрыгивает девочка семи-восьми лет; кожа ее светлее, чем ты ожидала. Ты находишь этому множество объяснений, большинство из которых сводятся к невнимательности кузины, ведь Ньяша не сказала тебе, что вышла замуж за белого. Скрывая раздражение и дурные предчувствия, ты выдавливаешь улыбку.

Держа за руку отца, появляется мальчик, младше девочки. Он тут же присоединяется к сестре, которая уже вытаскивает пожитки.

— Пусть возьмет тетя Тамбу, — велит Ньяша, решительно отводя детские пальцы от ручек и ремней.

Кузина обнимает дочь и прижимает сына к животу. Ее муж целует тебя в обе щечки, к чему ты не готова, потом жену в губы, к чему ты тоже не готова. Все четверо окружают тебя и рассматривают.

— Вот ваша тетя Тамбудзай, — официально

сообщает Ньяша детям.

— Это правда она? — с сомнением спрашивает твоя племянница.

— Можешь называть ее Майгуру[22], — отвечает мать.

Пока племянница прикидывает, подходит ли слово стоящему перед ней человеку, торопливо подходит служанка, одетая в форму с геометрическим узором.

— Помоги нам, Леон, — говорит Ньяша мужу, взваливая сумку на плечо.

Леон берет пару вещей. Ты идешь следом за ними в дом, предоставив служанке донести остальное.

— Спасибо, Май Т. — Ньяша останавливает ее.

Служанка хочет взять и другую сумку.

— Спасибо, Май Така, — повторяет кузина. — Это Майгуру Тамбудзай. Мы сестры. Мы помогаем ей перенести вещи.

Май Така берет небольшой пакет, вставляет его в руки твоему племяннику и, дав еще один племяннице, уводит детей. Ньяша смотрит на тебя. Смутившись, ты берешь две оставшиеся сумки.

— Трудотерапия, — усмехается кузина. — Тебе

---

[22] Примечания: 22
Тетя.

полезно.

Ты тут же обижаешься, решив, что нехорошо так обращаться с выздоравливающими. Жизнь в Европе нисколько не исправила кузину, а если что и изменилось, так только манеры стали хуже. Ты продолжаешь улыбаться во все лицо. Внутри у тебя все трясется от раздражения.

На кухне под раковиной масляные скользкие лужицы. В гуще извиваются черные блестящие черви. Сушилка для посуды по краям проржавела. Стоит кислый запах. При виде такой гнили и запущенности, точно как у вдовы Маньянги, руки у тебя чешутся взять тряпку и щетку. Кузине, похоже, нипочем. Повернувшись спиной к грязи, она спрашивает, что произошло за день.

— Все в порядке, Мха-мха[23], — уверяет ее Май Така.

— Никаких проблем? — не унимается Ньяша. — Совсем никаких?

— Единственная проблема в том, что их вовсе нет, Май Анесу[24], — отвечает Май Така, пытаясь притвориться ворчливой. — Которые с семинара, все съели, вот беда, — с гордостью продолжает

---

[23] Примечания: 23
Мать (чья-то).

[24] Примечания: 24
Мать Анесу.

она. — Что они себе думают? Им тут гостиница? Они ведь говорят, что приходят сюда чему-то учиться, так ведь? Чему-то, чему вы хотите их научить. А не кушать, как политики и те, кто за них голосует на собраниях. Хочу как-нибудь приготовить им что-нибудь невкусное, чтобы они не только ели и ели. Но им очень нравится моя стряпня. Когда так ешь, вряд ли пришел учиться.

— О, они научатся, уверяю тебя, — усмехается Ньяша, довольная, что тех, кого она бросила, поехав за тобой в больницу, покормили, и продолжает, бросив взгляд в твою сторону: — Вот поэтому Май Така и получила прозвище Чудо. Май Така, еще раз спрашиваю. — Она задумчиво смотрит на маленькую, круглую женщину. — Ты уверена, что у тебя там внутри ничего нет?

— Разве я уже не Така? — отвечает служанка. — Зачем мне беременеть, Мха-мха? Когда у вас столько для меня дел?

— Вообще-то должны были прийти водопроводчики, уже не смешно. — Ньяша как будто уже забыла о семинаре. Сменив таким образом тему, кузина кивком зовет тебя в гостиную. — Она копится в трещинах, вода, я имею в виду, и когда доски набухают, капает, сколько бы ты ни вытирала. В любом случае, — смеется кузина

так, как будто у нее кашель, — вот доказательство. Я всегда подозревала, что кухни вовсе не то, чем притворяются. Бедная Май Така! Это же не должно быть приговором. Ни одна женщина не должна там находиться, если только сама не хочет. Я самая счастливая на свете, ведь у меня есть человек, который живет тут и готовит за меня.

— Да, мы должны понять, что мужчинам тоже полагается проявлять побольше доброй воли, — улыбается двоюродный зять. У него незнакомый легкий акцент. — А значит, моя самая лучшая на свете жена, скажи, что мне приготовить на ужин?

Ньяша заказывает отбивные и спрашивает, сколько там участников, чтобы при необходимости включить и их.

Двоюродный зять заявляет, что пойдет посчитает, а потом займется на кухне.

Дети опять сгрудились вокруг Ньяши, и она падает на диван.

— Анесу, поздоровайся с тетей Тамбу. Майгуру Тамбудзай, — наставляет она. — Ты тоже, Панаше. Здесь, дети, мы на улице говорим «Добро пожаловать», а в доме «Здравствуйте». И похлопаем в ладоши, как я вам показывала. У всех надо спрашивать «Как поживаете?».

— Ньяма чиромбове, Майгуру.

Леон, который так и не вышел из комнаты, приступает к ритуалу — симпатичным жестом складывает руки, с тихим, теплым звуком хлопает.

Дети повторяют за отцом.

— Ты должна говорить «ньяма шеве», потому что ты девочка, — наставляет Ньяша Анесу, переводя на тебя полный ужаса взгляд.

— Почему? — спрашивает Анесу и, не получив ответа, повторяет: — Ньяма чиромбове. Почему девочкам надо так говорить? Почему девочки иначе хлопают в ладоши? — упорствует она.

Ньяша задумывается, а потом отвечает:

— Знаешь, разумного ответа на это нет. Так что лучше реши сама.

— Я решила!

— Сейчас увидишь, что будет.

— Я решила! Я решила, а ничего не случилось.

— Как поживаешь, Банамунини? — спрашиваешь ты двоюродного зятя, поскольку ты на несколько месяцев старше Ньяши.

Ты интересуешься, откуда он, и делаешь комплимент его произношению на шона.

— Спасибо отцу Ньяши, — отвечает зять.

Оживляясь, Ньяша довольно кивает.

— У немцев необыкновенная способность подлаживать органы речи к наиболее трудным сочетаниям согласных в нашем языке.

— Мой тесть — единственный, кто слушает меня на шона, — продолжает Леон таким тоном, что трудно понять: он благодарен тестю, который обращает на него внимание, или злится на всех остальных, потому что они на него внимания не обращают.

— Даже дома, — заключает двоюродный зять. — Хоть мой шона лучше их английского, все говорят со мной на колониальном языке.

— Ты был там! — восклицаешь ты. — Бабамунини, ты ездил туда, в деревню?

— Мой тесть очень мудрый человек. Он настоял на том, чтобы я вручил ему лобола[25] за Ньяшу там.

Кузина обнимает дочь за шею.

— Знаешь, сколько запросил папа? — спрашивает она с беспечной усмешкой. — Конечно, трудно понять, сколько надо. А он всегда считал, что за меня вообще нельзя назначать никакой лобола, потому что все равно придется возвращать. Поэтому он попросил символические сто марок.

---

[25] Примечания: 25
Выкуп за невесту.

Тебя коробит, когда ты слышишь ничтожную сумму, но ты стараешься этого не показать, а Ньяша с горечью продолжает:

— Да, можешь себе представить, что обо мне думают. А еще, конечно, смеются над Леоном, называют его мурунгу асина мари[26]. Для них, если ты белый и не богатый, с тобой что-то не так.

— Здесь слишком много думают о деньгах, — говорит двоюродный зять. — Но что значит не иметь денег? Мы с Ньяшей счастливы.

— Мне нужно было все или ничего, — продолжает Ньяша, большим пальцем поглаживая тыльную сторону ладони мужа. — А значит, ничего, ведь если выбираешь все, вопрос стоит об оплате.

Двоюродный зять крепко стискивает руку Ньяши.

— Я не мог разочаровать своего тестя и не хотел разочаровывать новую семью. — Двоюродный зять бросает умоляющий взгляд на жену. — Поэтому мы согласились на этот сувенир. Они есть в каждой культуре, такие сувениры. А нам было полезно по возможности следовать культурным традициям. Там я и научился хлопать в ладоши.

---

[26] Примечания: 26
Белый без денег.

— И некоторым другим культурным обычаям, — сухо уточняет Ньяша. — У него даже была козья шкура.

— Ужасно. Меня все время тошнило. Но я хотел делать для семьи все как полагается, — улыбается двоюродный зять. — И в любом случае мне понравилось мясо. Я и туфли из кожи ношу. И убедился, что особой разницы нет.

Двоюродный зять считает, что его способности к языку шона объясняются не только принадлежностью к германской ветви европейцев. Он рассказывает тебе, что хорошее произношение — результат нескольких месяцев, когда он путешествовал автостопом по Кении, где звуки похожи.

— А еще, — завершает тему двоюродный зять, — у меня тогда была кенийская подружка. Так что жилище тестя не показалось мне слишком необычным.

— Хорошо, что ты все-таки выбрал Зимбабве, Мвараму![27], — подбадриваешь ты нового родственника. — Значит, мы тебе нравимся больше, чем кенийцы, кикуйю или масаи.

Ньяша несколько секунд пристально на тебя

---

[27] Примечания: 27
Зять.

смотрит.

— Гикуйю, — говорит она наконец.

Затем вскакивает и просовывает голову между солнцезащитными шторами на большом окне. По всей длине штор тянутся широкие спущенные петли. Май Така пыталась их затачать, потому что порвано во многих местах. Ньяша смотрит во двор и, кажется, ничего не замечает.

За окном над папками и бумагами склонилось человек десять молодых женщин. На деревянных козлах, вокруг которых они расселись, стоят два огромных древних компьютера. Глядя на свою работу, кузина делает вдох, выдох и расслабляется. Обернувшись, она сообщает, что возвращается к ученицам. Дети вылетают следом за матерью.

Когда вы остаетесь одни, Леон заводит светский разговор, рассказывая тебе о работе в Государственном архиве. Для основных информационных бюллетеней он составляет характеристики различных групп населения по нескольким демографическим критериям, особо отмечая смертность и ее динамику. Зять спрашивает твоего мнения по данному вопросу. Ты улыбаешься, поскольку такового у тебя нет. Затем коротко объяснив, что задача Ньяшиного семинара научить молодых женщин выражать собственное

мнение, и не просто мнение, а аналитическое, он предлагает познакомить тебя с некоторыми из них.

Глава 11

Ты вступила в еще одну область невозможного, оказавшуюся намного хуже открывшегося тебе обстоятельства, что кузина, несмотря на все свои европейские дипломы, катится к нищете. Ты не верила, что на свете есть такая штука, как европеец, у которого ни кола ни двора. И вот Ньяша, с присущей ей беспечностью, вышла за такого замуж. Она сделала его твоим родственником. Ты ведь вступила на путь неуклонного подъема, и тебе придется сначала мириться, а потом иметь с этим дело. Для тебя непостижимая загадка, как кузина, от которой, когда она первый раз пришла к тебе в больницу, исходил присущий ей ласковый свет, могла так оплошать. Ты хочешь чего-то одного, нестерпимого блеска или очевидной несостоятельности, но не этой не поддающейся пониманию сложности. Давным-давно, в миссии, когда вы жили в одной комнате, ты считала, что Ньяша всегда впереди, поскольку она все видела в другом свете, не в том, что освещал твой рассудок, воспринимала обеим вам слышные звуки в другом регистре. Ее взгляды на жизнь словно говорили тебе, что быть человеком мож-

но по-разному, и твой подход не имеет ничего общего с подходом Ньяши, причем ты пребывала в твердом убеждении, что ее подход — предпочтительнее. Ты испытываешь такое чувство, что она страшно тебя подвела, хотя сама ничуть этим не огорчена. Ты сидишь в ее гостиной, и по шее ползают полчища муравьев. Ты делаешь вид, будто зеваешь, и, вежливо прикрыв рот, невольно отворачиваешься, чтобы стряхнуть их.

Ты решительно отводишь взгляд от тупика, образ которого тебе являет кузина, благодарная старикам, уверенным, что избыток мыслей изнашивает разум подобно трущимся друг о друга жерновам. Ты утешаешься мыслью, что, хоть дом родственников в ужасном состоянии и так же нуждается в ремонте, как у Маньянги, бедность двоюродного зятя менее пагубна, чем твоя, он по крайней мере дал Ньяше крышу над головой. Значит, у Леона, судя по всему, потенциал больше, чем кажется на первый взгляд, а значит, упадок в доме объясняется только тем, что кузина плохая хозяйка. Выходит, зять сам жертва неисправимого Ньяшиного характера.

Ньяша так и не вернулась, и зять в своей европейской манере, слишком фамильярной, чтобы быть приятной, ведет тебя в комнату. Он несколь-

ко раз спускается за вещами. Поднимаясь за ним по лестнице, ты держишься за перила, так как после почти трех месяцев в больнице еще ощущаешь некоторую слабость, особенно теперь, когда Ньяшин дом так тебя разволновал. Перила под рукой ходят ходуном. Зять кладет тебе руку на плечо.

— Осторожно, — предупреждает он, поскольку тебя шатнуло.

На стенах отпечатки маленьких рук, вымазанных в шоколаде, грязи, краске, томатном соусе. На лестничной площадке горным хребтом громоздятся старые компьютеры. За ними коробки с детскими вещами, которые стали малы, и мусорные пакеты с ветхими отрезами для штор. Все это подтверждает твои предположения: наплевав на все воспитание и огромные преимущества, кузина позволила бедламу победить себя. Бардак ясно свидетельствует о том, что к благополучию надо подходить более вдумчиво, чем Ньяша.

— Жена сама хотела тебе показать. — Леон распахивает дверь выходящей на север комнаты. — Она называет это уголком красоты. По ее философии, такой должен быть у каждой женщины. Как минимум.

Он коротко смеется и исчезает за очередными

сумками.

Оставшись одна, ты садишься на кровать с балдахином, чтобы проверить, насколько она удобна. Слева дверь. Открыв ее, ты обнаруживаешь янтарно-желтую ванную и пускаешь воду, бросив в нее ароматические соли и масла кузины.

Двоюродный зять сволок пожитки на лестничную площадку и теперь затаскивает их в комнату. Не обращая внимания на бегущую воду, он подходит к французскому окну, раздергивает янтарно-красные занавески и выходит на узенький балкон.

— Она считает, что с пространством много что можно сделать, — говорит он. — И что здесь достаточно пространства для экспериментов. По ее философии, пространство ведет к общности, а его недостаток — к вражде.

— Какой у вас участок? — спрашиваешь ты.

— Два с половиной акра, — отвечает двоюродный зять, уныло улыбаясь.

— Как твоя докторская?

Ты продолжаешь разговор, опять недоумевая, как же докопаться до запрятанной сути зятя.

— Ну, потихоньку. — Он отвечает на расспросы равнодушно. — Смотри, ванна уже полная, — ме-

няет тему Леон. — Я закрою.

Шум воды стихает, и зять, выйдя из ванной, возвращается на балкон, тихонько напевая нигерийский шлягер семидесятых в стиле афробит про женщин, которые мечтают стать леди и поэтому всегда берут самый большой кусок мяса.

— Я знаю эту песню, — вспоминаешь ты. — «Леди». Фела Кути[28].

— Она хочет организовать структуру, где женщины могли бы решать женские проблемы при помощи современных технологий. А я спрашиваю, кого же, по ее мнению, интересуют женские проблемы. И пытаюсь растолковать, что столь важные для нее вещи никому не интересны, даже женщинам. Меньше всего женщинам, объясняю я ей.

Ты склонна согласиться. Кого интересуют женские проблемы, кроме женщин, у которых они есть? Но ты боишься, что двоюродный зять передаст Ньяше, и будут неприятности. В то же время ты рада, что тебе и зятю, вам обоим известны предпосылки самосохранения.

— Я думаю переделать мою диссертацию во что-то еще, — говорит Леон.

---

[28] Примечания: 28
Нигерийский музыкант.

— Ты можешь мне помочь получить место в твоем университете? — спрашиваешь ты.

— Я существенно изменил свое мнение о вашей стране, — продолжает двоюродный зять. — Конечно, тут куча всего неправильного. Но вместе с тем слишком у многих дела идут хорошо, и они не могут больше рассуждать о том, что именно — неправильно. К тому же не хватает людей, которые понимают, что правильно. Думаю, мне надо присмотреться к зимбабвийской каменной скульптуре, а не к образам смерти. Тебе известно, что пятеро из десяти самых известных скульпторов по камню в мире зимбабвийцы?

— Где это?

— Ты не видела? — Леон в недоумении морщит лоб. — Тебе надо посмотреть. Они же везде! Правда. По всему миру.

— Твой университет. Где он находится? В каком городе?

— Берлин. Мы познакомились, когда летели туда. Из Найроби. Я увидел ее в аэропорту. Она тогда не знала немецкого, а жизнь иммигрантки во Франкфурте была нелегкой. И я предложил пуститься в путь вместе.

— Сколько времени нужно, чтобы выучить немецкий?

— Это трудный язык.

Как будто зятю неприятна мысль о том, что придется обсуждать родной язык и его трудности, он выходит с балкона.

В дверях Леон спрашивает, не принести ли тебе закатную рюмочку.

Ты отказываешься. Когда он удаляется, ты подходишь к окну. Ньяша и служанка идут по газону с подносами, заставленными едой и напитками, и, дойдя до стола, опускают их. Ньяша пододвигает садовый стул и подсаживается к участницам семинара. Бледное золото предвечернего солнца мерцает в воздухе, неся теплые, сладкие, цветочные запахи раннего ноября. Слышится возбужденный смех. Ньяша навалилась локтями на деревянный стол и что-то сосредоточенно говорит, никто не тянется за коржиками и бисквитами. Женщины пристально смотрят на твою кузину, делают записи, опять смеются. Потом вскакивают, сгребают бумаги и запихивают их в рюкзаки. Они машут руками во все стороны, обнимаются, и Ньяша теряется в этом водовороте.

Когда ты возвращаешься в комнату, янтарный, оранжевый, желтый, охристый перетекают друг в друга, как будто их закружило и они, свинтившись в один жгут, собираются вылететь из окна.

Комната в три раза больше, чем прежняя у Май Маньянги, и это подкрепляет стойкое убеждение, что, вопреки всем дурным предчувствиям, кузина станет для тебя перевалочным пунктом, трамплином на пути к выдающемуся, богатому человеку, которым ты намерена стать. Приободрившись от таких мыслей, ты вытаскиваешь одежду из сумок. Шкаф из мореного эвкалипта блестит таким изысканным блеском, что тебе почти страшно до него дотронуться. Ты, однако, отказываешься испытывать страх перед мебелью и берешься за прохладные латунные ручки. Самообладание возвращается, и ты наслаждаешься нежной, холодной красотой металла. Да, повторяешь ты себе, разглаживая и укладывая одежду, ты создана для таких вещей.

У окна стол. За ним дядя, отец Ньяши, работал в своем кабинете, в доме при миссии. Все кончилось, когда разросшаяся семья решила отправить твоего брата из деревни к главе клана. Тогда кузен Чидо выехал из комнаты, которую занимал вместе с Ньяшей, и поселился в кабинете вместе с твоим братом. С видом собственницы ты раскладываешь на дядином столе журналы из рекламного агентства и другие бумаги. Бабамукуру только вернулся в кабинет и к своему столу, когда

Чидо уехал в американский университет. Ньяша, вторая по рождению после старшего брата, тем не менее умудрилась выклянчить у отца этот чудесный стол. Раскладывая письма и периодику, ты силишься понять, почему Ньяшины обстоятельства не мешают ее успехам, тогда как твои — ведь ты тоже вторая по рождению — ведут тебя к гибели. По текстуре древесины мчится муравей. Ты смотришь на него, подозревая, что он выполз из твоей головы. У него покачиваются усики. Ты закрываешь глаза. Когда опять открываешь их, муравей все еще тут, бежит по неотложным делам, может, спешит к заветному припрятанному кристаллику сахара. Ты думаешь, что хочешь быть таким муравьем. Ты еще не знаешь как, но во что бы то ни стало будешь стремиться к своему кристаллику сахара, пока не получишь его. Нежась в ванне кузины, ты предаешься волшебным видениям, как родственники навещают тебя в воображаемом роскошном жилище.

* * *

Когда ты спускаешься к ужину, все бегают между столовой и большой кухней, маленькая семья снует по дому, вокруг маленького стола посреди просторной столовой. Трапеза не может начаться

без особого половника, необходимого для соуса, а он потерялся. Кроме того, отсутствует множество других предметов, которые Май Така забыла в вихре дел, связанных с Ньяшиным семинаром. Племянники с воплями и визгом выбегают из комнат, носятся по прихожей и ищут в разных ящиках любимые вилки, ложки, которые должны лежать там чистые, но которые с последней еды никто не мыл и, как уверяет служанка, не видел. Все толкаются, говорят одновременно, обшаривают углы за дверцами серванта и дают друг другу советы различной степени сдержанности.

— Где мой нож, мама? Я не могу найти мой нож! — в отчаянии рыдает Панаше и со слабой надеждой спрашивает: — Мама, можно мне красного соуса?

— Слава богу, что нет никого с семинара, — говорит Ньяша. — Сегодня картошка. Нет спагетти — нет и красного соуса. — Она пихает сына в живот. — Это было бы слишком.

Когда Ньяша поминает участниц семинара, двоюродный зять запевает шлягер Фелы Кути:

— Дум-ди-дуум. Дум-ди-дуум, ля-ля-ля-ля. Значит, крупные куски мяса в безопасности, — не может удержаться он. — Может, мне достанется.

— Томатный соус, — поправляет Анесу брата.

— Томатный соус, — соглашается Панаше. — Томатный соус. Красный соус.

Когда все наконец угомонились, ты видишь на столе серебряное блюдо с дымящимися отбивными и ароматную жареную картошку. Леон извиняется, что без розмарина и соуса из белого вина, поскольку он готовил не сам, а попросил Май Таку, так как у него некоторое время ушло на знакомство с тобой.

— Я доходчиво все объяснил, — как-то вяло объясняет он. — Перечислил все ингредиенты. Показал. Это языковая проблема.

Кузина кивает.

— Она все время говорила «да», — продолжает двоюродный зять с выражением полного недоумения на лице.

Ньяша кивает более сдержанно.

Двоюродный зять взвивается и уверяет, что теперь он сам за всем проследит, так как задание было его.

— Не понимаю. Она уверяла меня, что все сделает. — Он качает головой и отодвигает стул. — Но, как видите, поняла очень мало.

— Бывает, — пожимает плечами кузина.

— Зачем говорить «да», когда имеешь в виду «нет»? Мне так трудно понять, — удивляется

Леон.

— Такие вещи бывают трудными, — успокаивает Ньяша.

— Но здесь они происходят постоянно! — восклицает двоюродный зять и идет на кухню.

Хлопнув пробкой из бутылки игристого вина, кузина наливает по бокалу себе и мужу.

— Не лучший способ отпраздновать твой приезд, Тамбу, но знаешь, я купила ее для себя, — признается она. — Ты представления не имеешь, как мне тебя не хватало. Все эти годы. Могло бы выйти перспективное воссоединение. Но что же тебе предложить, чтобы не выбить из равновесия, которое только-только к тебе вернулось? Особенно поскольку ты уже опрокинула. Леон сказал, что он относил тебе предзакатную.

Ты решаешься выпить глоток, объяснив, что еще даже не притрагивалась к алкоголю, довольствовавшись лишь освежающей ванной.

— Не спеши, восстанавливайся потихоньку. — Голос у Ньяши теплый. — Отпей у меня. Расслабься как следует.

Вы пьете вино, пока Леон не возвращается с соусом. За едой Ньяша рассказывает о своих поездках, о том, как, окончив школу, хотела вернуться в Англию, но страна, где она провела

значительную часть детства, ее разочаровала, и выбор пал на континентальную Европу.

Когда с мясом и картошкой покончено и кузина собирает тарелки, Анесу кричит:

— Десерт, мама! У нас не было десерта! Мама говорит, что, когда у нас очень особый гость, будет десерт, — довольно любезно объясняет племянница, хотя смотрит на тебя с упреком. — Даже в будни. А когда таких гостей нет, мама говорит, что десерт будет только на выходные. — Со смесью надежды и озабоченности юная леди спрашивает: — Тетя Тамбудзай, ты — особый гость?

— О да, конечно, — заверяешь ты племянницу. — Такой особый, что меня поселили в уголок красоты.

— Он же мамин! — восклицает девочка, как будто разговаривает с бестолковым школьником.

Она внимательно смотрит на тебя и от сосредоточенности начинает косить.

— Нет, мама, — приходит она к выводу, оборачиваясь к Ньяше. — Тетя Тамбудзай не особый гость. Она просто… просто… она просто… — запинается племянница, как будто быть «просто» такое же вероломство, как подстрекательство к мятежу.

— Просто человеческий капитал, — фыркнув,

вставляет двоюродный зять.

Ньяша встает и приносит десерт, а заодно вторую бутылку вина.

— Хватит, Леон. — Она хлопает пробкой. — Капитал — это объект. Даже если он понятие. Созданное людьми. Некоторыми. В целях собственной выгоды.

Кузина предлагает дочери тебя обнять, тогда ты перестанешь быть «просто» и станешь «особой».

Племянница обнимает тебя. Ты терпишь прикосновения, подавляя желание отшатнуться от теплого, круглого тела.

Опустив руки, племянница спрашивает:

— Мама, теперь мне можно мороженое?

Ньяша накладывает ложку в пластиковую упаковку от «Девоншира», заявляя, что такова человеческая природа, путь к сердцу пролегает через буфет. Леон же раздражается от того, что у его дочери проявляется синдром самого большого куска мяса, о котором поет Фела Кути.

— Нам нужно было остаться в Германии. Мы бы научили детей тому, что все гости равны. — Он поливает себе мороженое медом. — Мне не нравится история с «особым гостем». У нас в Германии такого нет. У вас здесь это от британцев. От них, потому что у них ужасающая классовая

система. А система управления хуже, чем наша немецкая.

Ньяша полагает, что Леону следует дать девочкам отдохнуть, а не сравнивать их с абстрактными существительными или странами, выдуманными человеком.

— Но посмотри на твоих учениц. — Двоюродный зять наполняет себе бокал. — Их поведение где-то начинается. Начинается в детстве, здесь, в этой стране. Ведь большинство из них не бывали в других странах, где могли бы познакомиться с другим образом жизни, а он в свою очередь мог бы изменить их мышление. То, какие они, начинается в этом месте, в это историческое время. Поэтому они человеческий капитал и больше ничего. Их ценность повысили, но не их ценность для самих себя. Поэтому ты ничего не можешь с ними поделать, Ньяша. Они ценность лишь для кого-то другого, для того, кто повысил.

— Уф! — восклицает Анесу, поглаживая живот левой рукой, а правой водя по краю перепачканной мороженым мисочки. — Пана, одна рука по пузику. Видишь? Другой водить по кругу, по кругу, по миске. Вот так, видишь? Можешь так?

— О! — в унынии восклицает Панаше. — Не могу. Ане, я так не могу!

— Сначала пальцем, — показывает Анесу. — Это труднее. По миске.

Пластиковая мисочка Панаше вертится и падает со стола. Ньяша подхватывает ее, после нескольких бокалов вина рефлексы работают, как надо.

— Смотри, Панаше, вот так. — Встав позади сына, она берет его руки в свои и водит ими, пока мальчик не схватывает ритм. Потом улыбается и говорит Панаше, что он чудо.

— Время сказки, — восклицает Леон, посмотрев на часы. — Ну, что вы хотите, чтобы я вам сегодня почитал?

Дети целуют мать на ночь, обнимают тебя, и Леон их уводит. Панаше требует «Die kleine Raupe Nimmersatt»[29], а Анесу настаивает на «Das doppelte Lottchen»[30].

— Я бы читала им по-английски, — кивает самой себе Ньяша, беря бутылку вина. — Но не читаю. А вообще мне бы нужно читать им на шона. Но как, если я все еще плачу за треклятое

---

[29] Примечания: 29

«Очень голодная гусеница» — детская книжка с картинками американского писателя Эрика Карла (1969).

[30] Примечания: 30

«Двойная Лоттхен» — остросюжетная повесть немецкого детского писателя Эриха Кестнера, опубликованная в 1950 году.

английское воспитание? Может, ты, Тамбу, когда будешь чувствовать себя получше? Все это возможно, только пока у Леона грант. А потом я не знаю. Я должна найти способ как-нибудь зарабатывать.

Ты спрашиваешь про семинар, но кузина не дает втянуть себя в разговор, только бросает, что учит теории и практике изложения. Ньяша опять тянется к бутылке. Та пуста. Она уходит заварить чай ройбуш и, вернувшись, спрашивает:

— Ты когда-нибудь вспоминаешь уроки, которые вела в той школе?

Кузина опять сияет, и не влажным жаром алкоголя, свет исходит из нутра, а ты даже не знаешь, есть ли у тебя нутро, но думаешь, что, если бы и было, ты бы не нашла там такой свет. Ты борешься с желанием встать и съездить кузине. Чтобы не отвечать, сосредоточенно накладываешь в чай сахар.

Ей интересно про Нортли, продолжает Ньяша, потихоньку выворачивая на эту тему и потягивая настоявшийся красный чай.

— У меня тоже есть проблемы с некоторыми из моих молодых. Проблемы и молодежь вполне сочетаются.

— Нортли? — переспрашиваешь ты. — Нет, я

мало там пробыла. Не включилась. Везде всякое может случиться, но нет, я не возилась с такими проблемами. Для меня то была обычная работа.

— Я никому здесь ничего не говорила, я имею в виду Леону. Ничего про то, почему… в общем, подробности… ну, того, что ты пережила. Я собиралась. Но потом просто сказала ему, что ко мне обратилась Майнини Люсия, а к ней обратилась ее подруга. Я не смогла. Ни слова.

— Ладно, — киваешь ты.

— Просто сказала что-то про драку. Сорвалось.

— Ладно, — повторяешь ты и с облегчением откидываешься на стуле.

— Ты бы могла навестить ту девушку. Кири так и не узнала, как ее зовут. Как ее имя?

— Ну и дела. Ты все еще о том? — Горло у тебя перехватило, но ты издаешь смешок. — Чушь про газеты? Какие тут проблемы? Это были просто люди! Бывает!

— Над проблемами нужно думать. Их нужно решать.

Ты опять пытаешься рассмеяться. Долю секунды рот у тебя открыт, но поскольку оттуда не выходит ни звука, ты его закрываешь.

— А как насчет забыть? — спрашиваешь ты. — Иногда, если ничего нельзя сделать, лучше

забыть, чем помнить.

— Забыть сложнее, чем ты думаешь. Особенно если что-то можно сделать. И нужно сделать. Вопрос выбора.

— Они тоже хотят забыть. Что же им еще остается? Только забыть. Именно этим они занимаются уже три месяца. Если я пойду, они опять меня увидят. Вспомнят все, что думали тогда. Про месть. Могут кого-то найти, чтобы что-нибудь предпринять.

— Сделай, — настаивает Ньяша. — Ради собственного блага. Иногда собственное благо — оно же и общественное. Мы предназначены для того, чтобы совершать правильные поступки, которые несут пользу всем.

Твой смех — надрывный хохот, но ты обрываешь его, заслышав вдалеке клекот гиены. Просишь еще бокал вина. Ньяша приносит очередную бутылку, с хлопком открывает ее и говорит, что это последняя. Почитав детям, возвращается Леон и уверяет Ньяшу, что они уснули. Ньяша, прильнув, обнимает его за пояс. Едва допив бокал, ты извиняешься и поднимаешься по лестнице. Собираясь лечь в постель, ты натыкаешься на что-то мягкое у прикроватного столика. Оно подается под ногой и издает затхлый, плесне-

велый запах. Кукурузная мука, которую Кристина привезла из деревни. А кузина выцарапала ее у вдовы Маньянги. Ты бросаешь мешок в угол туалета и, положив руку на латунную ручку, обдумываешь способ, как избавиться от мешка на следующее утро так, чтобы никто не заметил.

Глава 12

Утром ты просыпаешься рано, еще в русле больничного распорядка, когда санитарка на рассвете привозила тележку с лекарствами. От души потягиваясь в полуторной кровати, слушаешь резкие трели зимородков и прилежный щебет скворцов. Вспоминаешь давешний разговор. С чего вдруг кузина предложила тебе извиниться за печальный, безумный, дурацкий случай с ученицей? Не видя никакого смысла опять возвращаться мыслями к тому немыслимому помрачению рассудка, ты твердо намерена оставить его позади.

Ты пытаешься — тебе кажется, что искренне, — понять кузину. Сначала думаешь об изначальном колебании Ньяши пригласить тебя к себе. Огорчившись, переключаешься на ее нежелание осудить ради тебя людей, действия которых тебя подкосили. Когда ты рассказываешь о членах попечительского совета, ведущих такую политику, что миссис Мей была вынуждена отправить тебя к вдове Райли, где ты встретила гневливую служанку, Ньяша едва подавляет зевок. Когда ругаешься на сыновей Маньянги, разбазаривших все свои возможности, что перекрыло тебе

возможность дальнейшего у них проживания, ее воспоминания о давнишних приключениях в миссии усиливают твое разочарование. «Жаль, я ничем не могла помочь», — вот все, что она говорит, когда ты с горечью рассказываешь, что еще раньше была Трейси Стивенсон и ее коллектив в агентстве «Стирс и другие». Рекламное агентство платило тебе жалкие гроши за тексты, под которыми белые люди ставили собственные имена. Ты замечаешь, как она несколько раз чуть не кусает себе язык, удерживаясь от эмоциональных замечаний по поводу твоих поступков или, напротив, упущений.

В тебе рождается новая мысль. Впервые со времени знакомства с Ньяшей несколько десятков лет назад ты начинаешь подозревать, что она тебя не любит. Ты убеждена, что не может быть другой причины предложить такое: встретиться с семьей Чинембири, да еще в тот самый день, когда она привезла тебя к себе. Мысль проскальзывает под легкое пуховое одеяло и укладывается с тобой, когда ты идешь спать; она встает вместе с тобой каждое утро.

Чтобы защититься, ты напоминаешь себе, что уже решила бежать от Ньяшиной неряшливости. Ты клянешься себе, что добьешься успеха,

какого никто из членов семьи еще не добивался, включая дядю, тетю в миссии, кузину, но ты отважишься на этот самый важный шаг, когда будешь готова. В конце концов, ты имеешь право жить в ее доме, поскольку она не просто кузина, а человек, с которым ты росла, как с сестрой. И, что еще важнее, Майнини Люсия, которая оказалась in loco maternis[31], так как твоя мать далеко, распорядилась, чтобы вы жили вместе.

Ты проводишь много времени, раздумывая, как совершишь следующий выход в жизнь, когда тебе будет лучше. С удовольствием лежишь в своей комнате допоздна, планируя невероятную жизнь, которую обязалась себе выстроить. Спускаешься на кухню после того, как все поели и ушли. Ньяша велела Май Таке вплотную заняться твоим выздоровлением. Когда ты появляешься, служанка весело готовит тебе омлет, тосты и кофе.

Из-за школьного расписания детей семья завтракает рано. Однако как-то утром, через несколько недель после приезда, ты вылезаешь из удобной кровати, надеваешь халат, который кузина сначала одолжила, потом отдала тебе, и, спустившись вниз, обнаруживаешь за столом

---

[31] Примечания: 31
In loco maternis — вместо матери (*лат., искаж.*)

Леона и Ньяшу. Они уже давно должны были разойтись по делам. Ты мнешься в дверях, прикидывая, хорошо все или плохо, и, если последнее, хочется ли тебе быть частью этого.

Ты как раз собираешься закрыть дверь и тихонько вернуться к себе, когда Ньяша, не поднимая взгляда, здоровается:

— Доброе утро, Тамбу. Все в порядке. Заходи, если хочешь.

Поскольку отступление оказывается невозможным, ты отвечаешь на приветствие и заходишь.

Кузина навалилась на стол, поставив подбородок на руки. Перед ней нетронутый домашний йогурт с шелковицей, коронное блюдо Леона. Обычно Ньяша садится так, чтобы не видеть блестящих кольчатых червей. Сейчас они у нее перед глазами, хотя она даже не смотрит в сторону извивающихся гадов.

Двоюродный зять откинулся на спинку стула, с некоторым вызовом скрестив руки на груди. Выражение лица среднее между «так я и знал» и разочарованием.

При твоем появлении Май Така оборачивается, перенеся вес на одну ногу и раздавив несколько червей. Она переводит взгляд с тебя на кузину.

Обидевшись на безмолвную мольбу Май Таки

вмешаться, ты садишься на свое обычное место.

— Доброе утро, Майгуру. Что я могу для вас сделать? — почтительно спрашивает она, поворачиваясь спиной к раковине.

— Омлет, — отвечаешь ты.

Ты ждешь. Май Така переставляет несколько тарелок в раковине, делает глубокий вдох и медленно, долго идет к кладовке, где хранится клетка с яйцами.

Ньяша и Леон смотрят друг на друга. Сегодня в кузине нет никакого света. Вид у нее такой, как будто вся энергия вытекла, чтобы поддержать далекую бушующую топку.

— Ты надеешься на лучшее. Ты веришь. — Голос Ньяши слаб, словно шепот. — Но это все разговоры, разговоры, разговоры. Не может быть страны, которая так бы ненавидела женщин, как наша.

— Йемен, — пожимает плечами Леон. — Пакистан. Саудовская Аравия.

Май Така возвращается с двумя яйцами в миске, разбивает и погружает в них вилку.

— Иди. Отдохни, — говорит Ньяша служанке.

Май Така продолжает взбивать яйца, лицо у нее похоже на сгусток запекшейся крови. Ньяша подходит и отнимает у нее вилку.

— Если тебе станет лучше и ты будешь в со-

стоянии, пожалуйста, возвращайся. — Ньяша держит вилку с таким видом, как будто больше всего хочет вернуть ее служанке. — Иди. Все в порядке, — подбадривает она голосом, который ясно свидетельствует о том, что один день без помощи — намного больше того, с чем ей мечталось столкнуться.

Май Така отказывается уходить:

— Нет, нет, все хорошо, Мха-мха.

— Иди, — повторяет Ньяша, отвинчивая крышку с бутылки растительного масла и выливая тонкую струйку на сковородку.

— Дайте мне, — уныло просит Май Така.

Сковородка начинает дымиться.

Ты смотришь на них, как обычно, когда не хочешь вмешиваться, мысленно заключая с собой пари, чем все кончится, взвешивая последствия любого возможного исхода, идущего наперекор твоим желаниям, которые в данный момент ограничиваются завтраком.

По возможности незаметно ты насыпаешь в миску злаки.

Май Така, чьи ушибы теперь видны лучше, ковыляет обратно к раковине и возобновляет мытье посуды.

— Если тебе трудно идти, Май Така, может, тебя

отвезти? — спрашивает Леон.

— Все нормально, сэр, Ба-Анесу[32], я пойду, — покоряется Май Така, приняв предложение за приказ. — Я справлюсь. В общем-то не так уж все и плохо.

Хромая, она выходит на улицу. Ее обмотанная чалмой голова скачет вверх-вниз за кухонным окном, удаляясь в направлении домика для прислуги.

— Должны быть варианты, — говорит Ньяша.

Сжав губы, она с силой мешает яйца.

Ты съедаешь последнюю ложку злаков и отодвигаешь тарелку.

— Иногда я думаю, если бы я знала, я бы сюда не вернулась!

Ньяша наваливает остаток завтрака тебе на тарелку, затем опять падает на стул и утыкает подбородок в основание ладоней.

— Мы можем вернуться в Германию. Если я не найду работу. Там мы, по крайней мере, будем получать социальное пособие, — объявляет двоюродный зять.

— Не вернуться — одно, — бормочет Ньяша сквозь закрывающие лицо пальцы. — А сдаться и

---

[32] Примечания: 32
Отец Анесу.

уехать — совсем другое.

— А что мы будем делать с детьми? — спрашивает Леон. — Неужели ты думаешь, я оставлю их тут? Там, откуда я приехал, государство платит тебе, чтобы ты ухаживал за своими малышами. Одно из позитивных достижений капитала!

— Все равно. — Ньяша отказывается поддаваться на такую логику.

— Вот, значит, как. — Голос Леона спокоен, но лицо меняет цвет, как бывает у белых людей, когда они сердятся.

Ты сочувствуешь двоюродному зятю, уверенная, что именно Ньяша и притащила его в эту безнадежную страну. Неприязнь к ослиному упрямству кузины растет. Ты жуешь омлет; молчаливо лелеемое тобой страстное желание уехать из этого дома, этой страны, с этого континента распускается в сердце, как, по твоим предположениям, и в сердце зятя. Ты хочешь быть частью стабильного, процветающего государства, такого, как его. Каждый кусок приходится жевать слишком долго, потому что не хватает слюны.

— Ты хочешь уехать от детей. Удобно, конечно, — тихо продолжает Леон. — Ты хочешь, чтобы я уехал, чтобы у тебя их не было. Чтобы делать вид, будто ты чем-то тут занимаешься — всей этой

ерундой, семинарами и молодыми эгоистками.

Ньяша отнимает руки от глаз. Вид у нее такой, как будто она сейчас заплачет, потому что вернулось ее давнишнее, юношеское негодование или, если не так, потому что кончилась вся энергия и она сломалась.

— Капитал — масштаб, — не унимается двоюродный зять. — Такие женщины, как ты, просто не понимают. Масштаб. Никто тебе его не желает. И нужно очень внимательно следить за тем, чтобы ты никогда до него не доросла! Никому такие женщины не нужны. Все хотят, чтобы они были, как сейчас — нечто, имеющее срок годности, а он истекает. Неужели ты не понимаешь, что в женщинах нет ничего такого, что могло бы заинтересовать капитал, если только не борьба со старением? Ботокс, липосакция… Это с одной стороны. А с другой — им надо только оставить вас женщинами, больше ничего. Как Май Така. Масштаб миллиардеров или масштаб цифр. Не масштаб Ньяши или Тамбудзай, — холодно заключает Леон.

У тебя в животе оживился грызун; зубы у него острые, как лезвия. Покупая стаканчики мороженого у ворот парка напротив хостела, ты всегда испытывала острое чувство голода. Продавец, он

все копает, копает, проделывая дыру, которая, как от зубов зверька, становится все больше, больше. И поэтому тебе вдруг опять страшно хочется есть.

— В чем бы тебя сейчас ни уверяли, капитал не имеет отношения к человеку, просто цифры. Капитал как ваши политики. Он знает, что те женщины просто количество. Вспомни свою тетю в деревне, Ньяша! Она маленький фрагмент сметы. Тут голос, там цена на порцию чего-то. Люди переводятся в тюки и рынки для ГМО, депопровера или удобрений.

Ты капаешь в омлет соусом чили и думаешь, почему все, особенно, если говорят белые, должно выводить на деревню и твою мать. Ты кладешь в кофе еще две ложки сахара и берешь чистую, чтобы зачерпнуть из упаковки сливки.

— Именно это мне хочется сейчас слышать. Просто то, что надо, — говорит Ньяша.

— Если бы ты хотела для себя, — продолжает Леон, — возможно, у тебя был бы шанс. Может, кто-то выслушал бы тебя, не видя в тебе угрозы. Но ты привлекаешь других. Ты можешь представить, как им аукнется, можешь подумать о десятках и десятках маленьких Ньяш? Если вы будете действовать заодно?

Ньяша трет глаза, хотя не плакала.

— Повторюсь, вопрос пропорций. — Леон выбирает безличные конструкции. — И в твоем случае… они…

— Маленькие? — Ньяша встает, чтобы убрать со стола. — Незначительные? Неважные?

Леон вскакивает помочь, потому что всегда помогает жене по хозяйству. По ходу он проливает молоко и гремит тарелками.

В плетеной корзинке на столе остался холодный тост. Ты берешь его и намазываешь домашним персиковым джемом, который двоюродный зять сварил из фруктов, собранных с деревьев кузины.

* * *

— Привет-привет! — слышен голос, когда ты размешиваешь последний кусочек сахара на дне чашки.

— Привет! Привет! — в один голос приветствуют гостей Ньяша и Леон.

— Ребенок! Да, дитя мое, продолжай в том же духе. Завтра, завтра, завтра, — восклицает, входя, Майнини Люсия. — Узнаю своего ребенка. Жива ли ты?

Ньяша обвивает руками шею Майнини, как

будто не собирается отпускать. Та несколько цепенеет, как все ветераны при тесном физическом контакте. Отойдя от тети, Ньяша кладет руку на плечо Кристине. Подходит Леон и с ослепительной улыбкой целует бывших воительниц в щечки. Те терпят. Ты спешишь обнять сестру матери и Кристину, которая тоже стала тетей, за компанию. Покончив с приветствиями, тетя Люсия деловито проходит на кухню, Кристина следом. Майнини заполняет собой почти все пространство.

— Кири, о, как здорово. Я так рада, что вы пришли! — восклицает Ньяша.

Она обеими руками берет ладонь Майнини.

— Разве случалось, чтобы ты позвала нас и не получила ответа, когда у нас была возможность его дать? — улыбается Майнини.

— Нас сегодня на одну меньше. — Ньяша скрещивает руки и уныло прислоняется к раковине. — Май Така заболела.

— Неважно, — откликается Майнини Люсия. — Когда у вас две такие женщины, как мы с Кири, которые знают, что делать, у вас их все равно что десять. Разве мы не говорили, что всегда тебе поможем? Лучше помогать женщине, которая помогает другим женщинам, так ведь?

Давайте начнем и поскорее закончим. Кроме того, — смеется Майнини смехом практикантки из больницы, — здесь Тамбудзай. Нас не трое. Уже четверо.

Кристина передает Леону коробку, которую принесла. Двоюродный зять ставит ее на наваленные за раковиной тарелки, после чего исчезает в кладовке. Ньяша снимает коробку с сушилки. Леон возвращается с сумками, полными помидоров, лука, имбиря, чеснока. Ньяша тем временем расчищает место на столе, куда и ставит коробку.

— Та коробка, — недоумевает зять, все еще держа сумки в руках и глядя на раковину. — Где она?

— Вот, Бабамунини, — показываешь ты, придя ему на помощь.

Кузина исчезает в прачечной, чтобы не втягиваться в разговор, отвлекающий ее от работы. Ты берешь у зятя сумки и куда-то их пристраиваешь.

Ньяша возвращается с тремя рабочими платьями, наброшенными на руку.

— Расскажи нам про новый семинар, — просит Майнини и, взяв у нее одежду, бросает на спинку стула. — Когда-нибудь я пошлю своих на твои

курсы, дочка. — Люсия задумчиво расстегивает ремень серой формы. — На сей раз ты хочешь показать им, как снимать кино?

— Хочу, — печально вздыхает Ньяша. — Хорошо, что вообще хоть что-то происходит. Ты же знаешь меня, Майнини. У меня были такие надежды, планы. Разные. Я хотела рассказывать с ними всякие истории. Серьезные. Не телевизионную чепуху. Но и не сплошные трагедии, хотя только они и случаются. Я думала, пусть будут истории про такие события, про таких людей, которыми можно восхищаться, которые в конечном счете сделают нас лучше.

— Посади их перед камерой, — предлагает Леон. — Пусть рассказывают собственные истории. Им понравится, они будут восхищаться. Я хочу сказать, Ньяша, зачем думать о другом, о великом, когда можно взять свое, личное?

— Может, тебе стоит научить их чему-то полезному? — спрашивает Майнини. — Например, как делать рекламу. Тут может помочь Тамбудзай. Надеюсь, она еще не все забыла, чему обучилась в рекламном агентстве.

— Вы правы, оба, — примирительно кивает Ньяша. — Я просто думала, что они поймут, как здорово рассказать еще чью-то историю, посмот-

реть вокруг, — продолжает она, натягивая платье через голову и застегивая пуговицы.

— Ты надеешься. — Двоюродный зять старается сохранить бесстрастное лицо, отчего у него дергаются брови. — А как насчет вылазки за «Оскаром»? Комедия. Или драма. Или трагикомедия. Давай забацаем какой-нибудь неведомый гибрид, например, «Великая африканская диктаторша».

Ньяша не обращает на него внимания.

Выходя из кухни, двоюродный зять напевает нигерийскую песню о женщинах и больших кусках мяса.

— Мужчины, — говорит Ньяша. — Они же не хотят самый большой кусок, правда? Они хотят просто кусок мяса, вот и все.

— Ду-ду-ду, — едва слышно напевает Кири прилипчивую мелодию.

— Иногда тебе стоит послушать Бабамунини, хоть он и белый, — советует тетя Люсия. — Иногда ничего нельзя поделать, ничего нельзя изменить. Может, ты помнишь, мы с Кири пошли на войну. Посмотри на нас: мы отправились воевать, не пытаясь как-то изменить нашу страну. Ты поймешь, вот она, причина.

— Он уверяет, что хочет обратно в Германию.

Как только закончит диссертацию, — признается Ньяша, как будто и завершение исследований мужа, и отъезд уже не за горами.

Тебе ясно, она не знает, что Леон уже думает о другом, поскольку его тема ему больше не интересна. Ты удивлена, что зять ведет себя так, как ты скорее ожидаешь от черных мужчин: во-первых, семь пятниц на неделе, а во-вторых, жене молчок. Ты начинаешь подозревать, что двоюродный зять и Ньяша лукавят, что они стоят друг друга, ни у одного не хватает необходимой для успеха твердости. И поэтому они задрапировали разочарование блеском интеллекта.

— Я дала девушкам задание найти великую африканку. Это было их домашнее задание, — объясняет Ньяша. — Только три поняли, о чем идет речь. Как вы думаете, что сделали остальные? Вы можете себе представить, семнадцать человек написали исключительно о себе.

Кристина смеется:

— Мы в Зимбабве, Ньяша! Значит, Мукваша[33] Леон кое-что у нас уже повидал.

— Я до них достучусь, — обещает Ньяша. — Просто пока никто этим не занимался. Всерьез. Они

---

[33] Примечания: 33
Зять.

видят то, что видят, правильно? И никто не учил несчастных молодых женщин чему-то другому.

Тебя все больше раздражает кузина, которая исходит из того, что всем доступна такая роскошь, как ей: выживать, не будучи одержимым собственной персоной. И тетя, и Кири, и Ньяша, все они полагают, что раз кузина забрала тебя из больницы к себе, у тебя все прекрасно. Они не понимают, что значит постоянно гнать от себя мысли, будто ты и есть та гиена, что попытки прикончить мерзкую тварь и при этом самой остаться в живых отнимают все силы. Ты давишь бегущего по столу муравья и поднимаешь палец, чтобы посмотреть на расплющенное черное тельце, но палец чистый.

— Ты тоже поможешь, Тамбудзай, — говорит Майнини.

Все неуютнее чувствуя себя тут, где три женщины нашли свое место, ты подумываешь о том, чтобы последовать примеру двоюродного зятя. Кроме всего прочего, у тебя нет ни малейшего желания готовить на банду молодых женщин, которых только Ньяша искренне считает достойными таких усилий. В конце концов, ты приехала к кузине не ишачить на кухне, а дальше выздоравливать.

— Тамбу, начнем с тарелок от завтрака. Помой! — командует Майнини Люсия. — Когда закончишь, скажи кузине, она придумает для тебя что-нибудь еще, чтобы дело сдвинулось.

Ньяша отворачивается, пряча улыбку.

— Посмотри. — Майнини Люсия показывает на свой нагрудный карман. — Тамбудзай, прочти, что тут написано. — Но тетя не дает тебе возможности выполнить команду. — ООП — охрана общественного порядка.

Она натягивает платье через голову и оправляет его вниз, сняв серую форму, которая падает к щиколоткам.

— Это мое, — хвастается она, когда голова просовывается в вырез. — Сама придумала. Фирменный знак, форму, все. Для моего агентства.

Майнини вышагивает из круга, в который улеглась вокруг ног угольного цвета форма, и протягивает ее тебе. Ты смотришь и находишь переплетенные красно-белые буквы логотипа на сером фоне весьма импозантными.

— То, чего хотят. Уже. Тогда тебе дадут сделать, — размышляет Ньяша. — Услуги. Но тебе не позволят самой создать нечто такое, что, может быть, захотят потом.

— ООП, — кивает Кристина. — Я теперь тоже

там работаю. Я не говорила тебе, Тамбудзай, что настанет время, когда я съеду от тети Маньянги?

— Поздравляю, Майнини. — Твое уважение к тете Люсии поднимается на новую высоту. Ты рада, что слушалась ее и почитала, как мать. — И тебя, Кири, поздравляю, — улыбаешься ты. — Хоть ты и пришла с войны, но все равно что не уходила. Теперь ты как все остальные, кто прокладывает себе дорогу.

Застегивая платье на пуговицы, Кристина от тебя отворачивается. Ты начинаешь мыть посуду, чувствуя прилив энергии, в тебе разливается надежда. Майнини Люсия всегда была женщиной, способной на то, что не под силу другим представительницам ее пола. А Кристина отказалась от привычки к неудачам, заставлявшей ее презирать стремление ВаМаньянги к благоденствию, и решилась на шаг, имеющий целью собственную выгоду. Примеры несколько успокаивают тебя, подпитывая уверенность, что придет время, и ты тоже покажешь себя.

— И воевать полезно. Только, когда что-то происходит, никогда не знаешь, окажется ли оно полезным и как именно, — убежденно констатирует Майнини, как будто когда-то ей было стыдно за то, что она женщина, видевшая слишком мно-

го крови. — Да, когда мы вернулись с войны и все от ужаса нас возненавидели, мы порой недоумевали, зачем туда пошли. А война поглотила слишком много, даже то, что вышло из матки, что давало силы сердцу.

Майнини умолкает, вспомнив своего маленького сына, которого она, уходя на войну, оставила дома, считая, что такой риск — взнос за лучшую жизнь их обоих. Ты слышала историю давно, в первые дни после войны. Когда пришли родезийские солдаты, мальчику велели выпустить скот, чтобы родезийцы не перебили все стадо, и он побежал в крааль[34]. Когда он открывал ворота, солдаты всадили ему пули в спину. Их сила на выходе из тела прорвала живот, и детские внутренности вывалились на песок, смешавшись с коровьим навозом. Твоя мать запихала их обратно в маленькое тело. Все случилось еще до того, как Бабамукуру парализовало. Дядя отвез мальчика в больницу Умтали, где он и умер.

— Трудно, когда все боятся и говорят, что те, кто воевал, ходили по ночам голыми и летали по воздуху вместе со злыми духами, — говорит Майнини Люсия голосом бывших борцов за свободу,

---

[34] Примечания: 34
Загон для скота.

опасно колючим, даже когда он тихий. — Я плюнула на них и сказала себе: я не боюсь никаких цоци[35], в каком угодно темном закоулке, даже если у разбойника ружье. Я сниму с него стружку, да так, что он даже не поймет, кто это сделал. Китайская выучка. Мы с Кири умеем драться, хоть она и училась в Москве! Вот что тебе дали, сказала я, тебя самое и других женщин, таких же, как ты; можно начинать.

— Она нашла нам, ветеранам, пристанище! — восклицает Кристина.

— Дитя мое, Тамбу, — продолжает Майнини, — в мирное время пространство войны просто съеживается, разве нет? Я так поняла. И вошла в это маленькое пространство, которое никуда не делось. Так как же мы с Кири можем быть бесполезны?

Закончив мыть посуду, ты, хоть и не надела рабочее платье, начинаешь чистить и резать овощи. Ньяша берет нож и опять извиняется, что из-за болезни Май Таки сегодня в бригаде меньше на одного человека. Потом она качает головой и признается, что всякий раз, видя такие издевательства, приходит в отчаяние.

---

[35] Примечания: 35
Мошенник.

— И все-таки, проводя семинары с молодыми женщинами, я еще думаю, что они имеют смысл, — горячится она. — Что они что-то изменят. Я заставляю себя так думать. Я должна. Но на самом деле я лишь надеюсь.

Ты улыбаешься вместе с Майнини и Кристиной, хотя подпускаешь в улыбку больше иронии, чем они.

В полдень кари и жаркое, которые нужно будет заморозить для следующего семинара, тушатся на плите. Вы приступаете к пирожным, коржикам и бисквитам к чаю для Ньяшиных учениц.

Леон на «Глории» привозит детей из школы. Когда тесто разливают по формочкам, племянники просят вылизать миски. Ты видишь, как на руках кузины поднимаются волоски, и предлагаешь помощь — отвести детей поесть мороженое, — сама предвкушая лакомство.

Твое предложение не вызывает особого энтузиазма: идя за кошельком, Ньяша бросает на тебя дикий взгляд. Она тщательно отсчитывает центы и переворачивает каждую монету, убеждаясь, что та нужного достоинства. Принимая горсть мелочи, ты хочешь, чтобы Майнини переехала из Кувадзаны в более приличный район, например, в северные предместья. Тогда ты бы придумала,

как добиться того, чтобы она пригласила тебя к себе и предложила работу, как Кристине.

— Ведите себя хорошо, — велит кузина детям. — Тогда будет сюрприз, — обещает она со своей вечной беспечностью. — В воскресенье все пойдем в кино. — Десять дней, два раза в день, это двадцать чашек чая на пятнадцать человек, — продолжает она, не дожидаясь, пока ее мозг переключится с одного вопроса на другой, сплавляя все мысли в одном потоке. — По дороге загляните к Май Таке, — кричит она, когда вы выходите. — Узнайте, как у нее дела.

Глава 13

Нога у Май Таки лучше. Ее выходные начинаются в субботу после обеда. Тем не менее она уверяет Ньяшу, что останется на целый день, так как ее не было накануне, в день большой стряпни для семинара. Поскольку семья собралась на прогулку, в два часа служанка уже в бирюзовом платье с обтягивающим верхом и свободной юбкой. Она предвкушает поход в кино, ее глаза сияют от мысли, что она сложит историю в голове, а по возвращении выложит ее обратно, воссоздав чудо своему маленькому Таке, поскольку его отец запрещает мальчику таскаться с матерью, когда та работает на их общих работодателей. Ты наряжаешься в брючный костюм бутылочного цвета, который купила на учительскую зарплату. На ногах у тебя туфли леди Дианы. Ты напоминаешь себе в конце концов поблагодарить кузину, но тут же забываешь.

Двоюродный зять отпирает машину. Племянники вопят и скачут, декламируя мороженную мантру.

— Шоколадное!

— Вишневое… вишневое… полосатое!

— Ванильное!

— Желтое. Оно похоже на крем!

— А, ты про «Девоншир».

Панаше кивает.

— Деф… Дефша, — торжествующе повторяет он.

— Девоншир, вот. Слушай. Де-вон-шир, — поправляет сестра.

— Девшир, — наконец получается у племянника.

Племянница одобрительно кивает, что прибавляет мальчику уверенности.

— Но там ром и изюмы, — уточняет он, счастливо кивая головой. — Мм, ненавижу ром и изюмы.

— Ром и изюм, — опять поправляет брата Анесу. — Никто и не думает, что дети будут любить, потому что туда добавляют алкоголь. Пана, ты ведь знаешь, что такое алкоголь?

Панаше кивает.

— Вино, которое любит мама.

— Да, в том числе, — фыркает Анесу, на которую наблюдательность брата не производит никакого впечатления. — Это он и есть. Поэтому дети его не любят, — наставительно продолжает она.

С радостным смехом Панаше забирается в «Гло-

рию». Май Така сажает твоего племянника себе на колени. Зять треплет мальчика по голове и говорит:

— Сегодня разрешаю ром и изюм, если хочешь. Там только вкус рома.

— Но он сказал, что ненавидит, — вмешивается Анесу.

Панаше кивает в знак согласия.

В наступившей тишине вы все понимаете, что наконец-то управились с детьми и ждете только Ньяшу.

Визг, похожий на вопли разъяренного духа, прорезает гараж. Рука Леона стискивает клаксон.

— Папа!

Анесу морщит лоб и закрывает уши руками. Панаше повторяет за ней.

Гудок все гудит, и Май Така прячет голову под плечо Панаше.

В верхней комнате, рядом с уголком красоты, открывается окно. Все ждут, что Ньяша высунет голову, но она не появляется. Окно закрывается так же медленно, как и открывалось. Игры кузины тебя раздражают. Ты ненавидишь вот так ждать, предпочитая двигаться, быть в дороге, не думая о плохом, что может встретить тебя по

прибытии.

Наконец окно опять открывается нараспашку. Ньяша высовывает голову и кричит вниз, что спустится из кабинета через две минуты: она почти закончила новую программу для следующего семинара; рассказав о себе, молодые женщины поймут собственную значимость, не в кино, не в своем парне, но в глубине своей души.

Леон бурчит что-то вроде: «Я так и знал», — сопроводив бурчание язвительной улыбкой.

Ничего не заметив, Май Така поднимает голову и расслабляется.

— Тода куона Мэри, Мэри-во. Мы хотим увидеть Мэри, Мэри, Мэри-во — запевает она колыбельную.

Твои племянники не знают песни. Пока они ее разучивают, быстро проходят две минуты. Леон вылезает из машины и слоняется по гаражу.

— Сколько? Сколько раз я тебе говорил? — не выдерживает он, когда наконец появляется Ньяша. — Мы твоя семья, Ньяша! Это твой выбор. Твой выбор — быть со мной и детьми. Я был бы счастлив, если бы у меня была только ты и один ребенок. Мы все мучились, когда ты ходила беременная. Даже тот, кто был у тебя в животе. Я не участвую в твоих семинарах. И дети тоже! —

кричит он.

Соседские дети, сгрудившись у забора за гаражом, просовывают носы и рты в отверстия проволочной сетки. С ними Така, который пришел поиграть. Выпучив глаза, он медленно машет матери.

— Мать — вот что им нужно, — не унимается двоюродный зять. — А не организатор семинаров.

— Ради Бога! Нравится им или нет, но я училась быть чем-то еще, не только родителем номер один. И сейчас я организую семинары. Смирись!

— Мэри, Мэри-во! — громче поет Май Така.

Дети подпевают.

Ты вспоминаешь ноги, стоящие кру́гом, белый песок и девочку в центре. Она ходит по кругу и высоким пронзительным голосом поет, как хочет увидеть Мэри. Иногда мальчики осмеливаются войти в круг, и тогда девочка может подойти к одному из них, встать перед ним на колени и положить руку на голову или на спину, изображая болезнь, от которой страдает Мэри. Тогда смелый мальчик обнаруживает болезнь, о которой никто не пел, и сам становится Мэри. Потрясенная и огорченная вспышкой двоюродного зятя, далекой от образцовых манер, каких ты ожидаешь

от европейцев, ты цепляешься за воспоминания, прячась от набирающей обороты ссоры в пыльном прошлом. Однако если двоюродный зять тебя разочаровывает, то Ньяша просто бесит. Хоть Леон временами и неприятен, она не умеет быть благодарной за то, что не знает издевательств, с которыми живет Май Така.

Отвлекаясь от сгущающейся атмосферы, ты мурлычешь вполголоса, а потом громко подпеваешь, получая внезапное утешение от неожиданной ребяческой радости.

Леон опять садится в машину и вставляет ключ зажигания.

Ньяша стискивает зубы, потом открывает рот, как будто собираясь выпустить на волю какое-то огромное и опасное живое существо, наконец принимается безостановочно дышать, словно перекачивая небо через свое тело в землю. Еще через секунду она открывает дверь.

— Йей! — вопят Панаше и Анесу. — Мама пришла! Да, йей, мама!

Ньяша чмокает мужа в щеку. Пальцы двоюродного зятя до синевы стиснуты на руле, но он не заводит мотор, пока Ньяша не усаживается и не пристегивает ремень безопасности. Ты испытываешь облегчение, что скандал улажен, хотя оно

только усиливает твою ненависть к собственным проблемам, не имеющим столь легкого решения.

Когда вы проезжаете несколько метров по дырявой кукурузной дорожке, Ньяша затягивает «Зеленые бутылки».

Она поет слишком громко, жутко фальшивя, как всегда, когда очень старается, хоть и сильно устала.

— И если вдруг бутылка упадет, — подхватывается припев.

Сначала присоединяются дети, потом все остальные, так что к моменту, когда «Глория» с грохотом останавливается у провисших ворот, вы полным составом орете во все горло.

Двоюродный зять, довольный тем, что мир в семье восстановлен, выходит из машины снять замок.

Из кустов бесшумно выныривает Сайленс, сторож, он же муж Май Таки.

— Это он меня ждет, — цепенея, еле слышно говорит Май Така. — Он так и сказал: поедешь с ними, увидишь меня. Вот он и пришел.

— Эй, Чудо! Май Така! — зовет жену сторож.

— Ой господи, ой батюшки, ой мамочки, — шепчет Май Така.

Она неотрывно смотрит на мужа и после на-

пряженного мгновения берется за ручку двери:

— Я пойду.

— Останься. — Ньяша не повышает голоса и смотрит в одну точку, как будто никто не подошел и она вообще ничего не видит.

Леон открывает ворота, сторож смотрит.

— Не надо было мне ехать. — Май Така смотрит на Ньяшу и качает головой над спинкой сиденья. — Мне надо идти, если я не хочу, чтобы вечером меня били ногами, как футбольный мяч!

Май Така снимает Панаше с колен.

— Не вздумай открыть дверь, — шипит кузина.

— Ей лучше пойти, Ньяша. Просто отпусти ее. — Ты встревожена тем, как неразумно Ньяша обращается с Май Такой. Будто та участница ее семинара.

— Май Така, ты разве не слышишь меня? — опять зовет Сайленс.

Он старается, чтобы вопрос прозвучал мягко, потому что рядом двоюродный зять. Окаменевшая Май Така сидит между двумя командирами.

— В чем дело? — спрашивает двоюродный зять и поднимает руку, здороваясь с ночным сторожем.

— Добрый день, сэр! — кивает Сайленс, потирая

руки.

— Пожалуйста, мадам, — умоляет Май Така, дыша так часто и неглубоко, что едва выговаривает слова. — Пожалуйста, Май Анесу, отпустите меня. Иначе я не знаю, что будет. Он улыбается, но если вы его знаете, то поймете, почему он так улыбается, когда презлющий!

— Презлющий? — спокойно переспрашивает кузина. — Посмотрим насчет злости. Сайленс! Баба Така! — зовет она, опуская стекло. — Подвиньтесь, все. Теснее! — приказывает она вам. — К нам еще подсядет пассажир.

Сайленс делает несколько шагов вперед.

— Да, мадам?

— Хочешь, мы тебя куда-нибудь подбросим? — спрашивает Ньяша.

— Нет, мадам, — отвечает сторож. — У меня есть планы, куда податься на эти выходные. Вот она, — он кивает на жену. Голос его скользит и блестит, как змеиная кожа. — Она знает.

Двоюродный зять, открыв наконец ворота, возвращается к машине. Май Така кусает губы и сгибает шею. Поза свидетельствует о ее уверенности в том, что побои неизбежны.

— Да, знаю, — набрасывается она на мужа, распрямляясь и выдвигая подбородок. — Если ты

идешь по своим делам, БабаваТака, я могу идти по своим. И сегодня я знаю, куда пойду. Я пойду в кино!

— Успокойся, Май Така, — опять шипит Ньяша. — Спасибо, БабаваТака! — восклицает она.

— Вы едете, мадам? — Сайленс, от которого кровь стынет в жилах у самого беспощадного ворюги, сделав несколько шагов, встает перед машиной.

— Едем, — подтверждает Ньяша.

— Хорошо, — мерно кивает Сайленс. — Тогда я могу поговорить с боссом?

Леон стучит пальцами по рулю и, недостаточно хорошо понимая шона, интересуется, что происходит.

— Он хочет с тобой поговорить, — отвечает Ньяша.

— Да, БабаваТака, в чем дело? — спрашивает Леон, высунувшись из окна.

— Босс… — начинает Сайленс.

— Какие-то проблемы? — опять спрашивает Леон. — Я уверен, мы можем их решить.

— Я не знаю, проблема ли это, — отвечает Сайленс. — Мне просто интересно, хорошо ли, если моя жена полагает, что принадлежит к другой семье? Семье, которая не моя? Даже если это семья

ее европейцев?

Ньяша закатывает глаза. У тебя падает пятая зеленая бутылка, и ты не в состоянии вообще ничего удержать. Бутылки валятся одна за другой. Ты молишься о том, чтобы Май Така вышла из машины.

Леон молчит, раздумывая.

— Да, — кивает он наконец. — Думаю, хорошо. Очень хорошо, БабаваТака, если один раз семья так решила, если ее попросили и все договорились сходить в кино.

— Но сегодня вечером она свободна, — упорствует Сайленс. — Я знаю, работа есть работа. Я никогда не останавливаю ее, когда она идет на работу. Но свободный вечер — это не время для работы!

— Это работа, — ледяным голосом возражает кузина. — Ты же видишь, у нее на коленях Панаше. Поэтому она нам нужна.

— Босс, — продолжает Сайленс, не обращая внимания на Ньяшу, — я говорю, что, если это работа, никто не может ничего сказать против. Но Май Така ничего не говорила мне про работу. Поэтому, когда работа окончена, лучше спросить мужа.

— Я думаю, Май Анесу рассказала тебе о наших

планах. — И Леон заводит машину.

Сайленс выдвигает подбородок и медленно щурится, наконец в узкие щели видно только слепящую тьму.

— Если она работает, она должна была сказать, — спокойно кивает он. — Понимаете, моя жена мне просто врет. Она сказала, что хочет посмотреть фильм в торговом центре. Она сказала, что хочет. И поэтому оделась не в форму.

— А ты решаешь, когда мне надевать форму, Сайленс? — вспыхивает Май Така. — Нет, ты мне тут не указ!

Холодный свет из глаз Сайленса льется на жену.

— Май Така, — предупреждает он, — кто-то научил тебя мне врать. Я говорил тебе его снять, платье, которое на тебе. Я говорил тебе надеть форму. Ладно, все хорошо. Езжай, увидимся, когда вернешься.

— Ах, ну что он тут стоит? — бормочет Леон.

— И ты скажешь мне то, о чем я спрошу, — обещает Сайленс Май Таке и, ковыряя в ногтях, обращается к Ньяше: — Май Анесу, если я на вас работаю и вы даете мне дом на вашей земле, то это дом для меня и моей семьи, не так ли?

— Так, — отвечает Ньяша. — Пока ты тут ра-

ботаешь.

— Вот! — Сайленс разворачивается и кладет руки на крышу машины, нависнув над окном, за которым сидит жена. Потом он просовывает голову между руками и обращается прямо к ней: — Ты все слышала. А я хочу послушать, что ты скажешь сегодня вечером, когда вернешься. Когда будешь в моем доме.

Ты больше не можешь выносить напряжение и, потянувшись через детей, служанку, приоткрываешь дверь. Сайленс открывает ее совсем, но Май Така наклоняется и закрывает дверь.

Ты удивленно смотришь на служанку, которая с вызывающим видом нажимает кнопку замка.

— Май Анесу, вы сказали, что она работает, разве не так? — опять начинает Сайленс.

— Да, Баба Така, — кивает его работодательница. — Я так сказала.

— Если это работа, тогда это сверхурочные. Май Анесу, ей надо заплатить. — Сайленс вздергивает подбородок.

— Ей заплатят, — холодно отвечает Ньяша, устремив на мужа выразительный взгляд.

Через минуту Леон кивает, и Ньяша расслабляется.

— Все в порядке? Ей заплатят, — повторяет

двоюродный зять.

— Спасибо, босс. — Сайленс отходит назад и машет рукой.

— Пожалуйста, Май Така, — просит Ньяша, когда машина трогается с места, — пожалуйста, будь осторожна с мужем, когда вернешься.

— Поехали, — решительно отвечает Май Така.

— Да, — совсем усталым голосом говорит Ньяша. — Поехали.

Ты тоже вымотана тем, что сейчас произошло. Только Май Така сидит прямо, она прямо искрится энергией.

— Ничего уже ничего не остановит, — пожимает она плечами. — На самом деле со вчерашнего дня, как я вернулась домой, все к тому шло. Помните, Май Анесу, я сказала, что нет, мол, мне лучше не ехать. Сегодня утром он уже ударил меня по ноге. Поэтому то, что сегодня случится, случится после того, как я посмотрю фильм, а не после того, как я его не посмотрю. А теперь, Май Анесу, не думайте ни о чем.

Анесу прячет лицо в спинке сиденья матери. Ньяша разворачивается и гладит дочь по голове. Леон проезжает в ворота. Сайленс поднимает кривой шест, чтобы их закрыть.

Ты смотришь в окно, лицо крепко прижато к

запотевшему стеклу.

* * *

Кузина где-то откопала нового, толкового механика, так что, когда вы поднимаетесь на пригорок у торгового центра в Камфинсе и Леон объезжает рытвины Черчилль-авеню, «Глория» послушно громыхает.

Женщины тянутся вдоль обочин с младенцами на спине, мешками зерна или удобрений на голове, а то и просто стоят и ждут автобуса. У них такой вид, как будто они поражены самим фактом своего существования. «Глория» едет вдоль горящих уличных фонарей, и двоюродный зять качает головой.

— Ну, вот и приехали. — Когда вы наконец сворачиваете на парковку при торговом центре Авондейла, кузина выдавливает веселость в голосе: — Теперь можно заняться тем, что мы собирались сделать уже сто лет. Немножко развлечься.

Вы идете вдоль рядов полноприводных автомобилей, «БМВ», «Мерседесов-Бенц», в основном с белыми номерными знаками, и двоюродный зять опять накаляется. Представляя, как плохо закончится день, ты начинаешь опасаться, что

он вообще не способен развлекаться.

— Вот она, ваша буржуазия, — бурчит Леон.

— А-ннн-на-ннн-си, — выговаривает по буквам Анесу, полупрочитывая каждую букву, так, как их учат по новой фонетической системе. — А-нан-си, — уже более бегло повторяет она и смотрит на мать.

Ньяша с улыбкой кивает:

— Смотри, Панаше. Тут написано, кто такой Ананси, видишь?

Ослепительное солнце отражается от асфальта. Панаше поднимает голову и щурится.

— Нет, не надо апельсинов, спасибо, — улыбается кузина продавцу фруктов, который, выйдя из тени дерева, подходит к Леону, обращаясь к нему «баас»[36].

Продавец клянчит. Ньяша копается в сумке и, не найдя мелочи, а только банкноту, приготовленную для билетов в кино, кроит мину. Лицо продавца расплывается улыбкой надежды.

— На выходе, — отшивает его кузина.

— Они заламывают цены мурунгу, — в отчаянии бормочет Леон и направляется к кинотеатру.

---

[36] Примечания: 36
Босс.

— Мама! — кричит Анесу, но уже поздно.

Панаше пытается выговорить ответ на вопрос матери.

— П-па-аа-уук… паук, — торжествует он. — Тут написано «паук Ананси». — Лицо его морщится, и он начинает хныкать. — Не люблю пауков. Не хочу смотреть на паука!

— Черт! — тихо ругается Ньяша.

— Сходи на рынок за фруктами и овощами, — просит Леон, когда ты ловишь его у окошка кассы.

— Панаше не хочет смотреть фильм про паука, — вздыхает Ньяша.

— Я их не люблю! Не хочу их видеть! — не унимается тот.

— А если с попкорном? — не теряя надежды, пытается соблазнить его кузина. — И шоколадом, — заманчиво добавляет она, как будто ее сын — маленький эксперимент.

Панаше начинает плакать.

Леон берет сына на руки, отчего тот набирает в легкие как можно больше воздуха и ревет уже во все горло. Люди оборачиваются и смотрят, что там высокий белый мужчина делает с маленьким коричневым мальчиком.

— Крошечный паучок, — поет Май Така, сце-

пив большие пальцы и тычась пальцами в лицо Панаше.

За бегающими пальцами ее улыбка. Через несколько минут Панаше убежден, что паук поднялся по стене только для того, чтобы его смыли в канализацию. Пока он стоит, обхватив руками ноги Май Таки, ему не страшно, это видно.

— Четыре на «Ананси», два на «Красотку», — заказывает Ньяша, устроив у кассы бунт.

Двоюродный зять будто клюет ее носом.

— О, ладно, шесть на «Ананси», — поправляется Ньяша.

* * *

Когда вы через полтора часа выходите из «Илайт-100», Анесу и Панаше гоняются друг за другом по фойе.

— Ох уж эти западные африканцы! Ох уж эти нигерийцы! — смеется Май Така.

— Ганцы, — поправляет Леон.

— Ох уж эти ганцы, — весело повторяет за ним Май Така. — Я так рада, что посмотрела, Май Анесу! И Панаше так радовался. Ой, Мха-мха, когда мы научимся такое делать? Как эти, в Западной Африке?

Ньяша подмигивает, и Леон меняет тему, ска-

зав, что хочет на завтрак ананас. Ньяша достает из сумки список и дает его тебе вместе со сдачей с билетов:

— Если ты не против, Тамбу.

Все уходят ждать тебя в машине. Дети требуют второе мороженое.

В ближайшем к кинотеатру супермаркете ты тычешь сохлые ананасы, выбирая посвежее. С них падают листья. Подходит женщина за папайей. Вы сталкиваетесь плечами. Она оборачивается на тебя и открывает рот:

— Тамбу!

Ты тут же узнаешь ее: Трейси Стивенсон, начальница по «Стирс, д'Арси и Макпидиес», а до того самая опасная соперница в женском колледже Святого Сердца. Она стоит перед тобой, улыбаясь и протягивая руку. Тот вечер в ночном клубе с Кристиной смеется над тобой из пещеры на самом дне сердца, и у тебя пересыхает во рту. Пока ты силишься отогнать представление, что бывшая одноклассница слышит, о чем ты думаешь, по шее бегут муравьи. Ты справляешься с последним воспоминанием, но тут же наплывают остальные, повергая тебя в дрожь. Первый день в монастыре, дядя расстроен, что тебя поселили не так, как белых девочек. Вам не разрешается

ходить в туалет для белых девочек, где есть печка для мусора, а значит, ты и твои соседки бросаете салфетки в унитаз, а значит, унитаз у вас засорен. Во время общего сбора директриса публично объявляет, что «африканские девочки» нечистоплотны и дорого обходятся школе. Потом, когда война разгорается вовсю, она вызывает тебя в кабинет и шутя уверяет, что никого не будут уполовинивать, поскольку надо соблюсти правительственные квоты для африканских учеников. Тем не менее ты единственная из комнаты вечером по пятницам ездишь на школьном автобусе в ратушу вязать шерстяные вещи для родезийских солдат. Скрючившись на рабочем месте и смотря в окно, чтобы не вступать в разговоры, в глубине души ты знаешь, что все должно быть иначе. В зале под перестук вязальных спиц стоит треп: «Ошибка! Нелогично!» Потом наступает время, когда ты больше не можешь улыбаться. Нет, говоришь ты другому воспоминанию, тому, где Трейси, спортивные награды и передвижные футбольные ворота колледжа, я не буду об этом думать.

Трейси подвозит свою тележку к твоей, комментируя соотношение качества продуктов и цен на них, полагая, что последние граничат

с вымогательством и раздуты из-за безмерной коррупции. Ты меняешь тему и интересуешься вашими одноклассницами. Трейси еще кое с кем в контакте и сообщает тебе обрывки новостей. Ни ей, ни тебе не нужно делать много покупок, и вы договариваетесь пойти куда-нибудь посидеть.

Отнеся ананас Леона и продукты Ньяши в машину, ты присоединяешься к Трейси в пекарне «Средиземноморье» около кинотеатра. Она угощает. Ты восхищаешься элегантностью и легкостью, с какими бывшая начальница привлекает внимание официанта и выбивает из него меню. Несколько минут она изучает, что предлагают в кафе, и объявляет, что ни бургеры с картошкой, ни курица с картошкой, ни свиные отбивные с картошкой ее не интересуют. Может быть, киш, но в конце концов Трейси отказывается и от киша. Ты следом за ней уверяешь, что тебе все это тоже неинтересно, и вы принимаете решение вообще не есть, а только пить.

— Я помню, что ты обычно пьешь, — улыбается Трейси.

В ее голосе, когда она заказывает два двойных джина с тоником, налет ностальгии. И тут, не произнеся ни слова, вы начинаете хохотать, вспомнив счастливые пятничные вечера в ре-

кламном агентстве «Стирс, д'Арси и Макпидиес».

— Но вид у тебя, как будто тебе все нипочем. — Трейси по старой привычке выдавливает в стакан лимон. — И похудела. Круто. Я правда рада. Выглядишь потрясающе.

Ты киваешь.

— У меня все нормально. Да и у тебя не самый плохой вид.

— Я уже давно тебя высматриваю, — продолжает Трейси. — Тут же большая деревня. Так и думала, что где-нибудь да пересекусь с тобой. Ну, вот и получилось, хотя потребовалось время. — Она прямо смотрит на тебя и спрашивает: — Ты не вышла замуж?

Ты молчишь в ответ, и Трейси делает паузу. Вы опять говорите о школе, как хорошо было бы чаще видеться с бывшими одноклассницами, затем разговор сворачивает на страну, которая катится ко всем чертям. Официант все время подносит вам новые заказы. Вы смеетесь. Солнце заходит.

Через несколько часов ты пошатываясь идешь по незакрепленным булыжникам мостовой, издавая много шума. Пытаясь попрощаться, хлопаешь подругу по плечу, попадая в черный бархат ночи. Трейси тоже считает, что все ужасно весело, и, когда ты принимаешь ее предложение

отвезти тебя домой, за локоть ведет тебя к своему «Паджеро».

Остановившись у уличного фонаря, она сообщает, что в агентстве стало просто невыносимо и вскоре после тебя она тоже ушла. На углу Черчилль-авеню красный огонек светофора мигает и гаснет, оставляя вас в темноте. За перекрестком три-четыре уличных фонаря подряд не горят, потом один горит. В темных провалах между лужами слабого желтого света кружатся и бьются о лобовое стекло насекомые, вечным инстинктом летящие на свет.

«Кр-р, кр-р», — кричат кузнечики, когда внедорожник останавливается у ворот Ньяши. Сайленс не выходит отпереть замок. Ты перелезаешь через провисшую колючую проволоку и, пошатываясь, идешь по изрытой кукурузной дорожке к дому кузины.

Глава 14

Впервые с тех пор, как ты покинула хостел, точнее с тех пор, как ушла из рекламного агентства под предлогом того, что выходишь замуж, сердце спокойно бьется в груди. После целой эры несчастий ситуация наконец-то складывается для тебя не катастрофически, а благоприятно. И этим стечением обстоятельств, о котором ты так мечтала, ты прежде всего обязана встрече с Трейси Стивенсон. Почти не позволяя себе надеяться, ты, сжав зубы, приготовилась к более длительному ожиданию, но благодаря бывшей коллеге оно сократилось. Пообещав не теряться, она записала твой телефон и дала тебе свой. Ты рада, что, любезно соглашаясь со всем, что говорила Трейси, не проявив грубости, не выказав обиды, ты поспособствовала перемене в жизни. Ты объясняешь улучшение положения первым обедом в холле больницы. Именно тогда вдова Райли, пусть и полоумная, открыла тебе, как меняется восприятие, в том числе у таких, как ты. Дала трещину самооценка, и через нее ты начала медленно дрейфовать от смиренности, для которой, как тебе думалось, ты рождена и на

которую обречена. Оставаясь одна в комнате, ты тихо смеешься, вспоминая, как старушка принимала тебя за собственную дочь. Развивающиеся отношения с белым немецким зятем еще больше усиливают внезапный оптимизм.

Ты с удовлетворением отмечаешь, что в доме кузины ты единственная, кто испытывает такую уверенность. Май Така приходит на кухню в понедельник, прилагая усилия, чтобы казаться благодарной за поход в кино. Жалкий спектакль как на ладони, и Ньяша быстро вытягивает из служанки, что да, вечером после кино она сидела с маленьким Такой и, к его восторгу, демонстрировала ему проделки Ананси. Однако вмешался Сайленс, который запретил Май Таке забивать мальчику голову иностранной чепухой. На следующий день он взял Таку с собой. С тех пор Май Така их не видела и сошла бы с ума, если бы не получила весточку от невестки, чей сын работает через несколько улиц, что Сайленс привел мальчика к его бабушке, но поскольку денег на него не дал, Май Таке, если она хочет, чтобы мальчик учился дальше, придется внести солидный школьный взнос, а еще заплатить за его метрику. Сам Сайленс домой не вернулся, и она подозревает, что он провел все это время в

объятиях четырнадцатилетней любовницы. Май Така заявляет, что испытывает облегчение от того, что ее не избили, и благодарит Бога за такое завуалированное благо, что муж, похоже, сгинул. Под конец она жалеет лишь о том, что не отвела сына к своей матери, но философски заключает: тут мало что можно сделать; ведь ребенок, если отец известен, принадлежит семье по отцовской линии. Забота о Май Таке добавляет Ньяше хлопот, которых у нее и без того хватает с семинаром и в семье.

Ты же, наполненная внутренним спокойствием, брызжешь энергией. Но направить внезапные жизненные силы особо некуда. Когда семья укладывается спать, ты начинаешь смотреть в ночь. Надеясь наткнуться на полезные таблицы, листаешь детскую энциклопедию, которую Ньяша и Леон купили детям, но она на немецком, и речь в ней идет исключительно о Северном полушарии. Когда об этом узнает двоюродный зять, он вспоминает старых «Птиц Африки», которых купил еще в Кении. Он ищет книгу несколько дней, и, когда наконец находит, ты часами сидишь на балкончике с книгой и биноклем, карандашом отмечая фотографии с изображением птиц, прилетающих в сад родственников. По утрам ты просыпаешься

раньше обычного и тихо, тоненько подпеваешь щебечущему скворцу с бирюзовой грудкой, сидящему на чешуйчатой анноне у гаража. Потом бежишь в сад, проверяя, удастся ли тебе узнать других членов пернатой компании, и когда дело сделано, возвращаешься и делаешь себе кофе.

— Мангванани[37], Майгуру! Марара хере?[38] — хором кричат Анесу и Панаше, когда ты однажды утром заходишь на кухню вскоре после похода в кино.

Ты переступаешь через блестящих червей на полу, берешь бутылку фильтрованной воды и выливаешь ее в чайник.

— Панаше, ради бога, поторопись, — ругается Ньяша на сына, сделав вид, что не услышала, как ты поздоровалась.

Племянник смотрит на мать, вид у которой день ото дня все более измученный.

О чем-то задумавшись, Анесу глотает ложку каши.

— У тебя ведь бывает, что болит живот? — через минуту спрашивает она брата и пристально на него смотрит.

---

[37] Примечания: 37
Доброе утро!

[38] Примечания: 38
Как ты спала?

У Панаше на краешке века нависает капля, скоро она падает.

— И сейчас болит, правда? — продолжает Анесу. — Ведь болит?

Панаше заливается слезами.

Анесу с упреком поворачивается к матери:

— Вот видишь, что бывает, когда ты утром на него кричишь. Именно из-за этого. От этого болит живот.

— Я не кричала, — лаконично отвечает Ньяша, вскрывая пакет с красными сосисками, которые хочет дать детям с собой.

— Нет, кричала, мама, — упорно твердит Анесу. — Поэтому он не завязал шнурки.

— Знаешь, юная леди, и ты тоже, Панаше, поторапливайтесь, — приказывает Ньяша. — Я завяжу ему шнурки, когда он доест. Ему надо позавтракать.

Анесу пытается пристроить ложку на краю тарелки так, чтобы та удерживала равновесие.

— Это только из-за того, что он боится. — Она берет еще ложку каши. — Раньше он их завязывал. Он просто не хочет сегодня в школу. Поэтому не помнит, как это делать. Он не хочет, чтобы у него болел живот. Мама, из-за учительницы тоже болит живот, потому что она все время бьет детей.

Кузина кладет на красную сосиску салфетку и заворачивает ее в пищевую пленку с таким видом, как будто слишком поглощена этим занятием, чтобы слушать. Через секунду она, потрясенная, кладет бутерброд на стол.

— Бьет? Малышей?

— В Германии это незаконно, — говорит двоюродный зять.

Похоже, кузина вот-вот разрыдается, и ты опять перестаешь ее понимать. Рыдать (или почти рыдать) в присутствии первоклашки — тошнотворное проявление жуткого женского естества. Тебе совершенно не хочется тратить энергию на сострадание по поводу мелких телесных наказаний. Женщин Зимбабве такое не пугает. А вот твоя кузина, пожив сначала в Англии, а затем в Европе, ослабела. Защита диплома по политологии в Лондонской экономической школе, потом еще одного режиссерского в Гамбурге, возвращение в Зимбабве, где никому не нужны ни ее дипломы, ни она сама со своими дипломами, — все только усилило ее странности. Зимбабвийские женщины, напоминаешь ты себе, умеют отгонять то, что нужно отогнать. Они кричат от горя и катаются по земле. Идут на войну. Глушат пациентов успокоительными, чтобы

выдвинуться. И у них получается. А если нет, зимбабвийка просто переключается на другое. Голова вот-вот лопнет от мыслей, ты рада, что встреча с Трейси и ее результат — спокойствие — доказывают, что ты настоящая зимбабвийка. Ты подавляешь позыв жалости к кузине, которая, несмотря на все образование и идеалы, никогда ничего не добьется. Ньяша не отсюда. Как и ее муж, она симпатичный импортный товар. Впервые в жизни ты чувствуешь себя на голову выше.

Ньяша подходит к Панаше и прижимает его голову к животу, как будто думает, что малыш будет в безопасности, только если окажется внутри. Мальчику, который сидит за столом, неудобно, но он терпит.

— Наше прошлое научило нас понимать, что инстинкты легко превращаются в зверство, — говорит зять. — Мы знаем, что это нужно останавливать, пока не началось. Мы не позволяем учителям бить детей наших граждан. Никому не позволено бить детей.

— А как же они учат детей? — спрашиваешь ты. — Как они чему-то учатся?

Кузина, которую в подростковом возрасте жестоко лупил отец, закрывает глаза.

— Ты боишься учительницу? — спрашивает она сына, опять открывая глаза и обводя глазами кухню.

Мальчик качает головой. Слеза, навернувшаяся на веко, падает ему на губу.

— Нет, боишься, — не унимается Анесу, накладывая себе в молоко меда. — Во вторник ты плакал на крикетном поле.

Слезы у Панаше капают быстрее.

— Скажи маме! — приказывает Анесу. — Скажи маме и папе, почему ты не любишь учительницу.

Ньяша и Леон обмениваются взглядами.

— Тамбудзай, что у вас здесь за общество? — спрашивает зять. — Что за страну вы строите, если дети растут в страхе?

— Не страх, — отвечаешь ты. — Мы дисциплинированны. Мы почти всегда знаем, как себя вести. И знаем, как этому научить.

— Она на меня ругается. — Слезы Панаше сильнее текут по щекам. — Если я не понимаю, она называет меня дураком. Дурак, почему ты не понимаешь? И бьет всех детей.

— Она тебя бьет? — спрашивает кузина. — И, в порядке уточнения, — поворачивается она к мужу, — здешний закон тоже такое запрещает.

— Ну, если закон и есть, то он, похоже, не делает все незаконным, — усмехается Леон и пальцами начинает выстукивать по столу ритм своей любимой песни Фелы Кути.

— Один раз. Один раз да, — спокойно объясняет Анесу. — Один раз ударила.

— Один мальчик обкакался, мама, — давится твой племянник. — Учительница его ударила. Шлангом. Солин обкакался. Так плохо пахло. Учительница ударила его, и Колин обкакался, потому что учительница его ударила!

Теперь слезы тихо текут по щекам Ньяши.

— Миролюбивая страна, — бормочет она.

Ты киваешь двоюродному зятю.

— В которой живут сплошь миролюбивые люди, — продолжает Ньяша, то ли не обращая на тебя внимания, то ли действительно не заметив. — Мы каждый день читаем о таком в газетах. Мне страшно помыслить, что делают с детьми в других странах.

Ты наливаешь себе кофе, думая о том, что маленькая семья воспринимает все слишком эмоционально, слишком всерьез относится ко многим ценностям, пропагандируемым вестернами, а это… ну, простовато.

— Сдирают с них кожу, если они нашкодили, —

вдруг заявляет Леон. — И делают из нее модные сумочки для генеральских жен. Вот что они будут делать, когда перестанут быть миролюбивыми.

Ньяша смотрит на Леона, но тот упорствует:

— Да, я это сказал. Я должен это говорить, потому что я немец, я знаю. Такое уже делали.

— Он шутит, Панаше! — восклицает Анесу после паузы и наклоняется к безутешному брату. — Он просто пошутил, так ведь, папа? Никто ничего не делает из детской кожи.

— Не переживай. — Ньяша капает меда в теплое молоко Панаше и подносит ему ко рту.

Малыш с силой стискивает губы.

— Панаше, я поговорю с директором, — заявляет Ньяша и тыльной стороной ладони утирает сыну слезы. — Учительница должна сидеть в тюрьме.

— Не ходи, — рыдает племянник. — Мама, пожалуйста, не ходи и ничего не говори директору. Он… он… сдерет с меня кожу!

— Он не посадит ее, — мотает головой Леон. — Знаешь, Ньяша, здесь не садится в тюрьму никто из тех, кто должен сидеть. — Зять берет сына на колени. — Не переживай из-за учительницы, Панаше. Я схожу с мамой к директору. Ботинки, завтрак, да что угодно… Не позволяй учитель-

нице, директору, вообще никому нарушать твои планы. Никакие.

Леон зачерпывает ложкой кашу, которую Ньяша отодвинула.

Панаше медленно открывает рот.

Чтобы не принимать участия в разговоре, ты концентрируешься на своей чашке. Размешиваешь в кофе сахар и собираешься уйти с кухни, как только представится возможность, жалея, что тебя втянули в семейный разговор. Вдруг звонит телефон.

— Вас, — зовет Май Така.

Обрадовавшись, ты выходишь из кухни с кружкой и берешь у нее трубку.

— Привет, Тахмбуу, — слышишь ты голос. — Это Трейси Стивенсон.

Ты медленно ставишь чашку на телефонный столик, чтобы не рухнуть от того, чего так хотела и так ждала. Ты как будто до сих пор удивляешься, что терпение окупилось.

Трейси очень любезна. Не упоминая ни твой уход из рекламного агентства, ни вашу встречу в супермаркете, она заявляет, что хочет тебе кое-что предложить. Ты просишь секунду — сходить за ручкой и бумагой.

Молниеносно сбегав в комнату и вернувшись,

ты записываешь название: «Прогулочные сафари Зеленая жакаранда». Нет, электронного адреса у тебя нет. Хотя сейчас только начало эры Интернета и его нет даже у Ньяши, тебе становится стыдно. Трейси предлагает встретиться, чтобы рассказать больше о должности, которую намерена тебе предложить. Пальцы у тебя дрожат. Ты их стискиваешь, заставляя себя забыть о прошлом и сосредоточиться на настоящем моменте. Записываешь место и время встречи. Трейси Стивенсон была твоей начальницей. И опять будет. За вычетом этих двух фактов будущее манит тебя. Ты любой ценой должна удержать завтрашний день.

* * *

Двоюродный зять и слышать не хочет, чтобы ты на автобусе поехала на встречу в другом кафе в Авондейле, и настаивает, что сам отвезет тебя. Тебе не удается детально разузнать о «Зеленой жакаранде», только то, что агентство — стартап, разработавший целый ряд программ с акцентом на экологию. Работа будет заключаться в организации проектов. Помимо зарплаты, которая, ты не сомневаешься, в несколько раз больше того, что кузина зарабатывает на тренингах, по дого-

вору полагается жилье, и это, как говорит Трейси, объясняется не широтой ее сердца, а является предпринимательским решением, позволяющим получать ощутимые налоговые льготы. Трейси просит тебя выйти на работу в первый день следующего месяца. Как знаменательно, что ты возвращаешься в ряды тех, кто имеет работу, и видишь перед собой безграничные перспективы в последний год тысячелетия.

* * *

Трейси просит тебя переехать в последний день нового семинара Ньяши. Кузина устала. Тебе уже пора ехать, а Май Така еще не пришла.

— Пару часов они будут заняты, — с мрачным удовлетворением говорит Ньяша. — Тем более что понятия не имеют, как толково написать о себе.

Одежда упакована в новый чемодан, который тебе купили родственники. Ты не знаешь, что тут думать: то ли они настолько простодушны, что, и без того имея крохи, тратят на тебя, оставляя себе еще меньше, то ли придумали такой способ поскорее избавиться от кузины, и решаешь не обращать внимания. Благодаря их подарку ты произведешь на Трейси лучшее впечатление, чем

если бы притащилась с ворохом одежды в мятых полиэтиленовых пакетах и потертых вещмешках, а это хорошо. Спускаясь по лестнице, ты в сотый раз благодаришь их за чудесный чемодан. Они запрещают тебе говорить о нем.

Мешок с кукурузной мукой, который Кири привезла в Хараре от матери, ты засунула в угол шкафа, откуда вынула вещи. Тебе бы хотелось как следует от него избавиться, как ты и собиралась. Но в доме столько хлама, что ты уверена, на него никто не наткнется еще несколько месяцев. К тому времени мука будет уже несъедобна, и никто не свяжет ее с тобой. Пренебречь подарком — поступок столь же важный, как если бы ты выкопала свою пуповину и унесла ее оттуда, где она закопана. Войдя в гараж, ты испытываешь огромное облегчение.

Отвезти тебя собралась вся семья. Леон ставит вещи в багажник «Глории». Панаше держит обувную коробку, которую дал ему отец, и рассказывает про девочку в школе, которая по пятницам убивает великанов.

— Как же она их убивает? — спрашивает Ньяша.

— Она привязывает их веревкой, — объясняет Панаше, когда вы трогаетесь с места. — А потом

засовывает им в рот много-много сахарной ваты. Много-много сахарной ваты.

Анесу, которая после кризиса с братом стала спокойнее, слушает подробный рассказ брата про муки великанов. Когда машина с грохотом едет по дорожке, к ней по газону бегут участницы семинара.

— Притормози, — велит Ньяша.

Машина останавливается.

— Я не хочу писать о себе. — Молодая женщина опускает голову. — Можно я напишу про маму? Ее застрелили. Человек, который ее застрелил, на свободе. Его помиловали. Президент.

— Да, напиши, — отвечает Ньяша.

— Может, это будет и про меня тоже, — тихо добавляет женщина. — Потому что из-за него я сирота.

Плечи у нее опускаются, она возвращается к группе.

— Одна из трех. Кто сразу все понял, — объясняет Ньяша.

Руки Леона на руле, но он забыл, что надо ехать.

— Поехали, — говорит Ньяша.

Двоюродный зять открывает рот, затем, не сказав ни слова, снимает ногу с педали тормоза.

Чуть дальше, у ворот, за кустами, с петель слетает дверь домика прислуги. С каменных ступеней, ведущих в дом с грязными стенами, скатывается Май Така и мешком падает на засыпанный песком пятачок. За ней вырастает призрачная фигура. Размахивая, как пропеллером, велосипедной цепью, она одним прыжком спрыгивает вниз. Май Така в ночной рубашке. Цепь раздирает ткань. Она пытается встать.

Ньяша отворачивает голову Панаше, затем, прокричав Леону, чтобы он шел за ней, выпрыгивает из машины.

— Май Така! Май Така! — вопит Анесу.

Май Така натыкается на кусты. Ткань, которую она прижимает к груди, цепляется за ветки. Май Така сгребает куст, куст трясется. Сайленс стоит на улице. Цепь свисает на песок к его ногам.

— Иди помоги, Сайленс! Помоги нам, — зовет Леон, подходя к служанке.

— Леон! — предупреждает Ньяша.

Переведя взгляд с Сайленса на Май Таку, твой зять все понимает и бледнеет. Ньяша заводит руку под одно плечо Май Таке, двоюродный зять под другое, и они ее тащат.

— Тебе придется выйти, — велит Ньяша, когда они доходят до машины, потому что ты просто

сидишь и смотришь. — Вместе с детьми.

Май Така бешено вращает глазами. Когда ты выходишь из машины и в нее садится служанка, в салоне поднимается запах, как от загноившейся раны.

Ньяша возвращается поднять из кустов рубашку, которую уронила Май Така. Долгие секунды она стоит неподвижно, потом нагибается, а распрямившись, сминает рубашку в ком.

— Я не знала, — шепчет Ньяша, вернувшись к машине. — Май Така, я не знала. Мне нужно было прислушаться к своему шестому чувству, которое возникло, когда я у тебя спрашивала.

Май Така прижимает к груди ком рубашки и плачет.

* * *

Май Така отказывается лечь в кровать Анесу и на диван в гостиной. Ньяша придвигает ей стул между стеной и кухонным столом. Май Така падает на него. Леон и Ньяша обсуждают, что делать со служанкой, которой нужен врач, и с рубашкой, которую нужно сжечь.

— Он убьет ее, — заявляет Ньяша. — Я выяснила. Врачи здесь больше помалкивают, но если открывают рот, то рассказывают, что бывает, не

по одному разу зашивают больных. А когда видят их в следующий раз, то уже вскрывают.

Май Така открывает глаза и спрашивает:

— Май Анесу, где мой ребенок?

— В гараже, — отвечает Ньяша. — Я положила плод в ведро вместе с рубашкой, в которую ты его завернула.

Май Така пытается встать. Опираясь сначала на стол, затем на раковину, она полуползет-полуидет к гаражу.

— Леон, пошли, — зовет Ньяша. — Отвезем ее в больницу.

Ты остаешься с детьми, расстроенными тем, что пришлось увидеть. Однако, как только вы остаетесь одни, Панаше вскарабкивается тебе на колени. Анесу просматривает в своей комнате полку с книгами, а потом вы сидите в комнате Панаше, и племянница читает «Die kleine Raupe Nimmersatt». Тщетно пытаясь оттеснить в глубину сознания задержку с отъездом из дома кузины, ты не обращаешь внимания на незнакомый язык.

Когда Ньяша и Леон возвращаются с Май Такой, дети уже спят. Выйдя на кухню, ты первым делом сообщаешь, что исчезла рубашка. Май Таку, которая нетвердо держится на ногах, ведут к стулу.

Ее глаза то закрываются, то открываются, в них очень много белого. Когда она садится, Леон еще раз уезжает — в аптеку. По дороге они останавливались несколько раз, но не нашли ни одной аптеки, где были бы все необходимые лекарства.

— Что-нибудь поешь, Май Така? — Ньяша, пытаясь успокоить, берет служанку за руку.

Глаза у Май Таки закрыты. Ее трясет.

— Чаю. И чего-нибудь, немножко. Каши. Угали. Осталось много подливки. Тебе нужно поесть, из-за лекарств, хотя бы чуть-чуть.

Они вернулись из больницы Париренятва со списком госпиталей благотворительных миссий в радиусе ста километров, предлагающих неотложную, недорогую и качественную помощь. Но твои родственники благодаря Леону имеют медицинскую страховку, а служанка нет. Кузина сидит на полу в прихожей у телефона и звонит в первый госпиталь из списка. За городом телефон работает плохо. Она все набирает один и тот же номер.

Леон возвращается через три четверти часа с сильными антибиотиками и антидепрессантами.

— Надо ехать в Сент-Эндрю, — говорит Ньяша, возвращаясь на кухню. — Если успеем до четы-

рех, ее примут и все сделают сегодня.

— Далековато, — чешет в затылке Леон. — Я схожу к Мэтью, по-соседски. Может, он одолжит на бензин.

Ты отводишь Ньяшу в сторону с предложением, что позвонишь Трейси, пусть она тебя заберет. К твоему отъезду Ньяша уговорила Май Таку прилечь в кровать Анесу, сказав той, что сегодня она будет спать с братом. Леону не удалось занять денег у соседа, и он пытается связаться с немецкими коллегами.

Часть 3
Успех

Глава 15

По дороге к новому дому ты вспоминаешь, что из-за всей суматохи с Май Такой и Сайленсом забыла толком поблагодарить кузину за проведенное у нее время. Ты собиралась в машине, когда вы уже будете ехать, потому что поспешная благодарность может легко взлететь к завистливым духам, дав им время погубить твое счастье. Решив позвонить Ньяше, как только устроишься, чтобы она успела уладить дела Май Таки, ты обещаешь себе потратить часть первой зарплаты на подарок кузине в знак благодарности. Рассудив так, ты можешь свободнее трепаться с Трейси.

На Авондейл-Уэст, недалеко от пекарни «Средиземноморье», Трейси сворачивает во двор. Вдоль дороги, ведущей на участок в четверть акра, полукругом расположены пять-шесть ворот. Участки когда-то были большой фермой; ее раскроили несколько десятков лет назад, когда распространились новости о солнечной Родезии, которую, привлекая недовольных жизнью европейцев из северной части мира, называли «страной Бога». Бывшая усадьба, расположенная в центре полукруга, осталась самой большой и солидной

постройкой, по обе стороны раскинулся участок. Участки поменьше обрамляют дорогу.

Две недели тому назад, когда Трейси впервые привезла тебя сюда посмотреть новый дом, ты понадеялась, что поселишься именно в усадьбе. Однако, когда «Паджеро» остановился посреди двора перед самым маленьким строением, подавить разочарование оказалось не слишком трудно. Тебя утешил недавно отремонтированный, аккуратный домик, очень неплохие условия проживания вселили надежду: из зарплаты вычитается скромная сумма плюс возможность в течение пяти лет обменять договор аренды на договор купли-продажи. Горя желанием уехать от Ньяши, а также с учетом того обстоятельства, что твои сбережения, оставшиеся от работы в рекламном агентстве и самую малость дополненные за месяцы преподавания в школе, стремятся к нулю, ты быстро все подписала.

Сегодня еще больше, чем две недели назад, ты хочешь снова начать зарабатывать на жизнь. Ужасная история с Май Такой, невозможность положить ее в больницу, даже несмотря на участие белого двоюродного зятя, вселяя страх, напомнили о деревенском происхождении, которое может настигнуть и в городе.

* * *

Трейси выключает мотор. Дистанционное управление не работает: нет электричества. Садовник открывает ворота. Машина едет к большому бунгало, за которым расположены помещения для прислуги. Дома выкрашены в пыльно-персиковый цвет, который светится по-закатному тепло, а низом идет коричневая полоса, чтобы не были видны брызги грязи. Ты киваешь, довольно улыбаясь. Ты уже видишь, как работа проложит тебе дорогу отсюда до самого Борроудейла.

Вкопанный в землю спринклер разбрызгивает радугу, за ним цветущий палисадник и овощная грядка — будто выставочные образцы министерства сельского хозяйства. Ты видишь только намек на историю, ничего неприятного: дорожка, ведущая к дому, вымощена старыми булыжниками. Когда вы с Трейси несколько обвыкаетесь друг с другом, она рассказывает тебе, как наняла приятеля-художника, оформлявшего рекламное агентство, чтобы он состарил новые камни. Садовник закрывает ворота и по стойке смирно становится возле «Паджеро».

— Как поживаете, мадам? — здоровается он.

Его комбинезон чистый и аккуратный, хоть и не новый, резиновые сапоги сверху блестят, правда, подошвы грязные. Раздвигая губы в улыбке, он выдвигает подбородок. Глаза у него сверкают.

— Помни, Тамбу, ты в полной безопасности, — говорит Трейси, когда вы выходите из машины.

Она уже лучше произносит твое имя, как будто с момента вашей встречи на выходных все время тренировалась.

— Через нее никто не перелезет! — хвастает Трейси, указывая на заднюю стену из красного кирпича. — Я велела положить на метр выше стандартной высоты, так надежнее. Бессмысленно предоставлять воле случая то, что можешь сделать сам. А тупик перекрыт шлагбаумом, возле которого по ночам дежурят. Сбросились все владельцы. Никто к тебе даже не подойдет, ничего такого не будет. Значит, не понадобится собственный ночной страж. Альфред может спокойно спать, кроме тех ночей, когда дежурит у шлагбаума.

Экономка, жена садовника, появляется из-под шпалеры, увитой виноградной лозой. Поскольку в тот день, когда ты приезжала, у обоих был выходной, они видят тебя в первый раз. Пристально посмотрев на тебя несколько секунд, сторож при-

кладывает руку к сердцу. Его жена приседает и после обмена рукопожатиями хлопает в ладоши.

— Откуда вы, Май? — вежливо интересуешься ты, когда супруги вытаскивают твои пожитки. — Вы Май — как?

— МаТабита. Я с реки Саве. Но я вышла замуж. За человека издалека, Фири, из Малави.

— ВаФири, как поживаете? — здороваешься ты с садовником.

Расслабившись, как и он, ты поднимаешь руки в беззвучном хлопке. Хорошо, когда есть кто-то родом не из Хараре, а поближе. Ты перебрасываешься парой слов с экономкой о реке, которую она упомянула, так как четверть века назад провела там несколько дней каникул с Бабамукуру и его семьей.

— Они уже служили тут, когда я покупала, — говорит Трейси. — Так проще. Как будто они хозяева, а ты со стороны. Очень удобно для работающей женщины.

Ты еще раз отгоняешь обиду и зависть к разнообразным преимуществам Трейси, таким, как зарплата в рекламном агентстве, во много раз выше твоей, поскольку она была менеджером по рекламе, а ты всего-навсего составителем текстов, хотя образование у вас одинаковое и получили

вы его в одних и тех же заведениях — сначала в женском колледже Святого Сердца, а потом в университете Хараре. Ты примиряешься с вашим общим школьным прошлым и напоминаешь себе, что у Трейси стаж на год больше, так как ты в старших классах оставалась на второй год, да и со второй попытки получила лишь средние оценки, в то время как она отличилась сразу. Улыбка, как и у Ба- и МаТабит, еще глубже врезается в лицо. Как и они, ты не можешь позволить себе какое бы то ни было неудовольствие. Ты обязана быть счастлива тем, что имеешь, да и насколько это лучше прежнего. Долгий путь из хостела завершен. У тебя есть договор на чудесное бунгало, которое через пять лет станет твоей собственностью. Чего еще желать? Трейси пропускает вперед Ба- и МаТабит и, остановившись под виноградом, который тянется до заднего входа, с восхищением смотрит на сверкающий бассейн в северной части.

— Ты ведь не плаваешь? Если только не научилась за последние годы. Говорят, холодный как лед, — предупреждает она. — Но твое любимое место в школе было за залом с книжками и одеялом. Правда, не бассейн.

Ты смеешься и проходишь дальше. Когда при-

едет Ньяша, Панаше и Анесу будут плескаться в этом бассейне. И Леон.

— Люблю черные гранитные поверхности, — замечает Трейси, когда вы заходите на кухню, и проводит пальцем по пятнистой поверхности стола.

Ты повторяешь ее жест, получая удовольствие от гладкости.

— Я ведь говорила тебе, что тут все местное? — продолжает она. — Ты знаешь, что пятеро из десяти самых известных скульпторов по камню в мире зимбабвийцы?

— Да. — Ты благодарна за урок двоюродному зятю. — Я бы хотела посмотреть их работы.

Улыбка ширится на лице, ты сравниваешь цвета камня с охрой Май Маньянги. На тебя слишком много навалилось. От такой удачи ты чуть не плачешь и, стоя рядом с начальницей, пытаешься осмыслить, как же ты доросла до собственной кухни, притом что не пришлось выходить замуж ни за одного из сыновей Маньянги.

— Наша история с камнем уходит в века. К дзимбахве[39] и зимбабвийским птицам, — задумчиво рассуждает начальница. — Нужно найти способ

---

[39] Примечания: 39
Каменный дом.

заложить это в маршруты «Зеленой жакаранды». Пока не получается, потому что каменоломня не очень-то зеленая. Но должно же быть какое-то решение! Мы стараемся думать об экологии.

Ты идешь за начальницей в просторную гостиную, где много воздуха, а французские окна выходят в палисадник. Проводишь ладонью по черному граниту кофейного столика, заключенному в раму из старинной железнодорожной шпалы, и падаешь на кожаный диван цвета слоновой кости.

— Симпатично, правда? — кивает Трейси с улыбкой, принимающей твое одобрение. — Все так очевидно, что, казалось бы, уйма людей должна была додуматься до повышения ценности нашего наследия, — продолжает она, напоминая тебе кузину Ньяшу, которая, как и начальница, если уж ей что втемяшилось, не отступится.

Ты опять улыбаешься восторгам Трейси.

— Однако ничего подобного, — с грустью продолжает она. — Не те, кто заседает у нас в правительстве. Мы заключили выгодную сделку с поставщиками в Мутоко. Поэтому надеемся, что слухи о правительственных планах на всеобщую национализацию пустые. Вся история с индигенизацией. Как ты думаешь, Тамбу, что

они делают?

Все еще улыбаясь, ты пожимаешь плечами и качаешь головой.

Трейси с едва скрытым изумлением наклоняет голову и опирается рукой на диван, который прогибается под ее весом.

— Но у тебя должно быть свое мнение. У каждого должно быть свое мнение. Иначе нельзя. Особенно в наши дни.

— Я не верю в политику, — говоришь ты, надеясь, что ответ приемлем, и соображая, что еще сказать, если нет.

— Ну конечно, — кивает Трейси. — Иначе ни за что бы не ушла с той денежной работы в агентстве. Да еще та записка, которую ты написала, вся эта чушь, что ты выходишь замуж. Я тогда подумала — хм, тут что-то кроется. Вполне себе политик. Ну, тогда нас уже двое, кто понял, что надо делать ноги, — продолжает она, идя к креслу. — Хотя даже трое, — добавляет начальница, додумав мысль и откидываясь в кресле. — Еще Педзи. Правда, это не совсем то же самое, ведь я охотилась за ней прежде, чем ей уволиться, как мы с тобой.

Ты поражена тем, что Трейси называет «денежной» работу, которая была так несправедлива,

что истощила даже твое завидное терпение. А политика тебя никогда не интересовала. Ты понимаешь, что у людей вроде тебя, кто пробивает себе дорогу, на нее нет времени. Совсем недавно ты была настолько поглощена собственными неурядицами, что вообще не думала о политике, предоставив ее Ньяше и Леону. Огорошенная намеками Трейси, что тебе следовало бы думать о таких вещах, захваченная врасплох ее проверочкой, которая наводит на мысль о неожиданных, щекотливых аспектах новой работы, ты пропускаешь мимо ушей информацию о Педзи, которая в противном случае стала бы для тебя ударом.

— Оставить их здесь? — кричит МаТабита.

Она показывает на ворох вещей, который они с БаТабитой внесли и свалили в прихожей.

Трейси встает со словами, что оставляет тебя устраиваться. Ты хочешь попросить МаТабиту занести вещи в спальню, как вдруг вспоминаешь твой приезд на «Глории» в другой дом, на другом конце города.

— Несите остальное. — И ты поднимаешь, сколько можешь удержать в руках.

— Никаких проблем, мадам! Я принесу! — улыбается МаТабита, пытаясь отобрать у тебя сумки.

* * *

Педзи, бывшая в агентстве администратором, в сафари «Зеленая жакаранда» стала администратором плюс машинисткой плюс куратором проектов. В день, когда ты приступаешь к работе, она выходит из-за стойки администратора и обнимает тебя. Она искренне рада тебя видеть и признается, что не справляется с объемом работы, так как агентство расширяется. Ты тоже обнимаешь ее. После секундных объятий вы стоите врозь, осматриваете друг друга с ног до головы и заявляете, как хорошо, красиво, чудесно стильно выглядите. Ты отмахиваешься от комплимента, а Педзи довольна и говорит: «Спасибо!» После возобновления знакомства она подводит тебя к стулу — из кожи и железа в стиле минимализма, эдакий постколониальный «зимбошик» — и, с профессиональной вежливостью попросив тебя подождать, пока Трейси все тебе тут покажет, тихо, по-деловому понизив голос, звонит по внутренней связи. Ты вспоминаешь, что никто из клиентов агентства «Стирс и другие» не мог забыть ее голос, а некоторые иногда звонили, только чтобы его услышать.

Трейси тут же выходит. Приобняв тебя за плечо,

она спрашивает, устроилась ли ты за выходные, и приступает к обходу конторы.

— Мне пришло в голову еще в агентстве, — начинает она, ведя тебя внутрь. — Я находилась в ужасном состоянии, когда не можешь примирить то, что делаешь, с тем, во что веришь. Зарабатывать больше денег для тех, у кого их и так столько, что куда еще, в какой-то момент перестало приносить удовлетворение. Медовая долина, голубой поезд. — Она помечает галочками счета, над которыми как раз работает. — «Афрошин». Они этим занимались. Все равно что заставлять людей платить, а не получать что-то от продукта. Но мне нравилась моя работа: разнообразие, люди, сутолока, все. Я начала почитывать, подумывать и так набрела на экотуризм!

Начальница открывает тебе дверь из приемной в рабочую часть.

— Таким образом мы можем привлечь внимание людей к проблеме изменения климата и внести свою лепту, одновременно зарабатывая, — объясняет Трейси с энтузиазмом, с каким делала все — начиная с того, как била электрическим разрядом по лягушачьим лапкам в биолаборатории колледжа Святого Сердца, до составления отчетов.

Воодушевление начальницы будит жажду приключений и у тебя. Испытывая приятное чувство, что это именно твое место, ты уверена, что достигнешь большего успеха, чем в монастыре и рекламном агентстве. Здесь уютно и надежно, изолированное сообщество, где все призна́ют, как хорошо ты работаешь, и наконец-то перед тобой откроются карьерные возможности, которых ты так жаждешь.

— Ведь пока клиенты кайфуют от обычного сафари, мы можем показать им результат климатических изменений в самых уязвимых областях. Сафари «Зеленая жакаранда» — первая из НПО выдвинула такую концепцию, — с гордостью продолжает Трейси, ведя тебя по узкому коридору без окон.

Ты разочарована, что новая контора не столь роскошна, как рекламное агентство, однако рада быть в настоящем учреждении, рада, что не придется изворачиваться в запущенном доме, как кузине.

— Наше преимущество в том, что мы смотрим вперед, мы провидцы. Мы везем людей из Европы не для того, чтобы они учили наших. У нас уникальный товар, и мы извлекаем максимальную пользу из того, что имеется на нашей земле. Все

равно что повысить в цене наш климат. Он всем нравится. Зимбабве всегда будет в первых рядах. Люди всегда будут хотеть хорошей погоды. В принципе наш единственный надежный ресурс. У климатического туризма большое будущее. Через пять лет откроются десятки фирм, похожих на нашу, но у нас будет наша страна и, если моим планам суждено реализоваться, мы покроем и всю Южную Африку.

Начальница кивком указывает на комнату справа и, заметив: «Это зал заседаний», — открывает дверь.

Продолговатое, довольно узкое помещение выходит на Джейсон-Мойо-авеню, на север. Городской совет не пожалел усилий, чтобы сохранить презентабельный вид этой части Центрального делового района, который все называют ЦДР, так как в следующем квартале находится старая пятизвездочная гостиница «Томас», видная из дальнего окна зала. Напротив гостиницы располагается довольно чистый и зеленый Центральный парк, где можно сидеть на траве, — бывший Сесил-парк, вскоре после Независимости переименованный в Парк Африканского единства, тропинки его в плане образуют британский флаг. Глядя в окно, ты ис-

пытываешь долгожданное чувство надежности. Трейси присаживается на подоконник.

— Аренда тут уже не та, что раньше, и это хорошо, — говорит она. — Нам пришлось провести звукоизоляцию. Все уже готово, и это прекрасно для наших целей.

На обратном пути, когда ты проходишь мимо другого окна и взгляд падает на другую Зимбабве, на автовокзал Четвертой улицы, сердце у тебя опускается. Люди съезжаются сюда из сельской местности. Миграция раздула вокзал, дотянув его до самой твоей конторы. Городской совет, практически отказавшись от планирования и избрав ловкую стратегию увиливания, сотнями выдает водительские права владельцам микроавтобусов, дабы, как утверждают официальные лица, избежать бесконечных змеящихся очередей, жертвы которых доходят до такого отчаяния от транспортных проблем, что недалеко и до бунта. С ростом числа пассажиров вокзал и прилегающие к нему улицы превращаются в рынки. Женщины и подростки торгуют телефонными картами, дешевым китайским печеньем, овощами, сахарной сливой и матове, которых нет в супермаркетах, разместившись чуть не на пороге «Зеленой жакаранды». Городской совет не

занимается уборкой улиц, отдавая предпочтение другим задачам. Все углы завалены гниющими листьями, шелухой, пластиковыми упаковками, кожурой. Трейси сообщает, что дважды в неделю платит бродяге, чтобы он перетаскивал мусор из переполненных мусорных баков в ближайший санитарный переулок для фургонов, вывозящих помои, и сжигал его. Отвернувшись от окна, ты восхищаешься мебелью зала заседаний того же постколониального стиля «зимбошик», что и в приемной.

— Придет время, мы отсюда переедем, — усмехается Трейси. — Но в настоящий момент помещение отвечает предъявляемым к нему требованиям. Цель нашей компании — инвестиции, строительство будущего, а не его разбазаривание. Я вкладываю в программы, а не плачу парням, которые оккупировали дорогущие здания. Если бы я была спонсором, Тамбу, я бы ни цента не дала на всю сегодняшнюю мишуру — помощь развивающимся странам! — Она с гордостью смотрит на столы и стулья. — Здесь все до последней щепочки местное. Когда доделаем, так же будет и в зале заседаний.

Вы идете обратно в приемную. Трейси показывает на дверь:

— Здесь будет твой кабинет.

— Самое время, согласно примете, запустить кошку, — отвечаешь ты, усмехаясь и заглядывая в помещение.

Трейси смотрит на тебя:

— А что, мысль.

Кабинет отделен от зала заседаний крошечным помещением, которое оказывается чрезвычайно аккуратной кладовкой для канцтоваров.

— Туалеты. — Трейси указывает на две двери слева. — Ты читала в «Клэрионе» на той неделе о городской системе водоотведения? Судя по всему, в Хараре такого вообще больше нет, старая проржавела. Именно из-за этого проблемы с водой. По крайней мере, частично. Представляешь, Педзи говорит, у них в Мабвуку была холера. И бог знает где еще, а нам не сообщают. В Читунгвизе, готова поспорить! Мы катимся назад, Тамбу. Крестьяне, крепостные, полевые командиры, сточные воды. Просто Средневековье! Поэтому я поставила еще и душ, на те дни, когда слабый напор. Всем будет немножко удобнее. Так что в принципе неплохая инвестиция.

Трейси предсказывает, что политики, не желая подвергать угрозе собственные дела, будут следить за подачей воды в Центральный де-

ловой район, и спрашивает, что ты думаешь о хиреющей системе оказания услуг в городе. Ты отвечаешь, что все развивается очень быстро и поэтому тебе трудно составить свое мнение. К твоему облегчению, ответ проходит, и Трейси идет дальше по коридору к уголку, где оборудована маленькая кухня — раковина, плита, холодильник и шкафчик.

— А вот здесь, — с гордостью улыбается она, показав тебе, как все работает, и возвращаясь к двери, которую пока обходила, — я занимаюсь тем, что важно для моей души.

В кабинете начальница садится за стол из муквы[40] и жестом предлагает тебе стул. Его каркас из того же мягко светящегося дерева, обтянут кожей и поэтому не такой жесткий.

— Добро пожаловать, Тамбу, в «Прогулочные сафари «Зеленая жакаранда», единственное эксклюзивное агентство по экологическому туризму на всем континенте. Которое мы и задумали прямо здесь. Мы столько можем сделать для этой страны. В этой стране. — Она качает головой. — Не знаю, сделаем ли. Похоже, обстоятельства складываются просто против всего. Знаешь что,

---

[40] Примечания: 40
Разновидность тика в Южной Африке.

Тамбу? Нам с тобой надо составить план.

Проигнорировав призыв немедленно приступить к работе, ты уверяешь начальницу, что очень рада возможности содействовать деятельности ее пионерского агентства. Когда заканчиваешь, Трейси пододвигает тебе брошюру:

— Вот. И на сей раз я хочу получить ответ. Скажи мне, что ты на самом деле думаешь.

Требование начальницы высказать еще одно мнение, да еще сразу, приводит в отчаяние; абсурд, что Трейси требует правды прямо сейчас, так рано, ведь у тебя не было времени ничего обдумать.

— Будем считать, что это мозговой штурм, — улыбается Трейси. — Как в рекламном агентстве.

— Я смотрю веб-сайт, — говоришь ты, желая дать понять, что знакома с высокими технологиями, и надеясь, что выглядишь профессионалом. — Я бы хотела сначала посмотреть. Связать воедино все, что уже видела и что увижу и узнаю в ближайшие дни.

— Здесь у нас нет билбордов, — объясняет начальница. — Наши агенты распространяют их за рубежом. Мы пока не предлагаем туры в самой

стране. У всех есть кумуша[41], хотя вообще-то… мало ли что… городские… Я хочу придумать что-нибудь для детей. Может быть, потом. Но наши клиенты из Швеции, Дании, бывают из Германии. Такие страны. Попадаются испанцы, итальянцы. Правительство работает с Китаем, он обещает стать крупным рынком, но ты же знаешь, если имеешь дело с азиатами, забудь про все остальное. Смотри только на восток. Ты, конечно же, слышала и можешь сказать, что тут нужно делать?

Ты неопределенно киваешь, пытаясь вспомнить фразы из газет, которые по случаю листала у кузины.

— Китайцев интересуют правительства, не люди, — продолжает Трейси. — А значит, мы не можем к ним подобраться, особенно с нашими источниками финансирования. Так что в принципе остаются твои европейцы. Пока стабильный рынок, и мы не можем изменить одну, как поется в рекламе, единственную мысль нашего континента. Природа, которая, конечно, подразумевает и климат. Солнце. Пока идет время и все становится хуже или лучше, мы выработаем стратегию

---

[41] Примечания: 41
Дом.

на следующий этап.

Ты возвращаешь брошюру.

— Нужно укрепиться. Я хочу, чтобы мы подошли к точке, откуда сможем неуклонно развиваться. А потом уже можно менять принципы.

Трейси вертит в руках рекламную брошюру.

Четыре женщины улыбаются ей точно так же, как секунду назад радовались тебе. Тела под лицами укутаны в замбийские наряды с яркими узорами. Одна на коленях, перед ней керамический кувшин. Вторая стоит рядом с кувшином в руках. У третьей кувшин еще на голове, на специальной подушке. Она прекрасно удерживает равновесие, не дотрагиваясь до него руками. Четвертая выставила задницу, раскинула руки и подняла одну ногу, как бы танцуя. За женщинами полукругом стоят хижины.

«Мир — хрупкая органическая жизнь. Ешьте только то, что можете сорвать или поймать… — призывает рекламный текст. — Последнее слово экологичности — на африканском». Ты знаешь, что нет такого языка — африканского, но, когда читала, не изменила выражения лица, не меняешь и сейчас.

Начальница смотрит на женщин по очереди.

— Мы не хотели подушки на голову, — взды-

хает она, вспоминая съемки. — Но у нас такие скользкие волосы, что пришлось. Чтобы получилось без подушек, нужны хорошие волосы. Так что эти модели… — извиняется она. — В общем, поскольку они в принципе наш рынок, пришлось с подушками.

Ты киваешь и говоришь, что решение было правильное.

Глава 16

Ты подавляешь едкую горечь от того, как много пролетело мимо тебя за жизнь. Не можешь избавиться от постоянной тревоги, раздражающей тебя в первые дни работы на «Зеленую жакаранду». Думая только о том, чтобы нынешний шанс не уплыл, ты постоянно ищешь опоры, вроде низких ветвей над бурной рекой, за которые можно ухватиться, удержаться и потом подтянуться наверх, что в твоем случае означает север, богатые предместья, свидетельствующие о неоспоримом успехе. Однако люди, с которыми ты сталкиваешься в здании, удручают, они не кажутся надежной гарантией того, что ты на пути к избранному тобой будущему.

Единственное исключение в окутавшей здание атмосфере уныния — магазин «Королева Африки» на первом этаже, в восточном, как ни странно, крыле, там, где автовокзал. Он принадлежит женщине по имени Май Моэцаби. Ты с изумлением узнаешь, что она не зимбабвийка, но ведет свой магазин, проявляя поразительные профессиональные навыки. Ты каждый день приходишь на работу в половине восьмого, и двери

магазина Май Моэцаби уже открыты. Утром она машет рукой в знак приветствия тем, кто идет на работу, а потом кивает всем, кто заходит в здание по делам. Ее стол стоит лицом ко входу в магазин, так что она имеет возможность здороваться с каждым входящим все время, что проводит на рабочем месте. Пламенеющие разными цветами по всему магазину наряды Май Моэцаби шиты из лучших ганских набивных тканей, нигерийских кружев на атласе, блестящем, как алмазы, недавно открытые на востоке страны. В поисках шелков и финтифлюшек она заказывает билеты аэрокомпании «Эйр Зимбабве» в Пекин через Сингапур. Когда ты в пять отправляешься домой, покупатели еще выходят из ее магазина, издавая одобрительные возгласы. Эта женщина вдохновляет, так как ее успех, хоть она и похожа на тебя и может сойти за твою односельчанку, несомненен. Победы хозяйки магазина доказывают: да, такие женщины, как ты, могут многого добиться. Ко времени твоего появления в «Зеленой жакаранде» облик Май Моэцаби — процветающей, деловой и тем не менее общительной женщины — уже снискал ей прозвище, данное магазину, — Королева Африки, хоть отношение к ней можно назвать не вполне уважительным, недоброже-

лательным признанием и все же чем-то очень близким к восхищению.

За магазином Королевы Моэцаби в здании, где ты работаешь, пассаж поворачивает за угол. Там по одну сторону неосвещенные кабинки, где в пол квадратных метра втиснуто все, чего может пожелать человек. Лотки до потолка завалены сим-картами, пластиковыми украшениями, лекарствами традиционной медицины с наценкой за пластиковую упаковку и доставку из Восточной Азии, хотя покупают мало.

Напротив забитых лотков помещение, которое таинственный владелец здания — шепчутся, что это действующий министр, — называет студией. Здесь, бросая друг на друга хмурые взгляды, препираются три начинающие швеи. На стене висят дипломы Народного колледжа Зимбабве, удостоверяющие их портновское мастерство. Они работают на пять-шесть закройщиц, и у них на троих две швейные машинки для пошива рабочих комбинезонов, детских вещей и медицинских халатов из поликоттона, поэтому всякий раз, когда приближается клиент, они начинают драться за заказ и пререкания перерастают в угрозы. Ты редко видишь в студии одно лицо дважды. Посетители, приходящие по швейным

делам, которых неизменно приветствует Май Моэцаби, обычно появляются в первый раз или возвращают купленные вещи с жалобами, что одежда пошита несимметрично, а то и разошлись швы. Когда такое случается, обычно все стараются друг друга перекричать, так как молодые дипломированные специалистки, не признавая ошибок, выискивают места с прямой строчкой или, осыпая клиентов бранью, швыряют им вещи обратно.

Еще одно приличное место в здании расположено напротив Королевы Моэцаби. Тебя туда не тянет, в помещении так же мрачно и неприятно, как симпатично у Королевы Африки. Когда ты впервые там оказалась, две нервные машинистки под бесстрастным взглядом женщины, известной всем просто как сестра Май Гаму, на подержанных электрических пишущих машинках перепечатывали в банк памяти двухстраничные рукописные резюме.

— Есть?

— Нет!

— Появилось!

— Исчезло!

Когда скачет электричество, усталые девушки от отчаяния так громко перекрикиваются, что

люди, у которых дела в вестибюле, над ними смеются.

И месяца не проходит с твоего прихода в «Зеленую жакаранду», а ты уже научилась держаться подальше от сестры Май Гаму и жалеть нанимаемых ею молодых женщин, когда видишь их мельком за большими окнами: сидят лицом к стене и тычут вилками в розетки, умоляя поломанные машинки поработать. У Май Гаму, хотя ей нет еще и сорока, один глаз — серый из-за катаракты, она пишет что-то в больших папках и ведет кассу. Ходят слухи, что она — тайная жена политика, пятая или шестая в брачной иерархии, отсюда у нее постоянно такое выражение, будто она готовится к атаке. Дабы не допустить скандала, политик купил здание, где обитает «Зеленая жакаранда», и предоставил жене помещение на первом этаже в западной части.

Ты встречаешь работающих в здании женщин на входе, в лифте или на лестнице, когда лифт не работает. Из обрывков разговоров, достаточно деликатных, чтобы ты сразу не всполошилась, ты узнаешь, что Май Моэцаби, чья коммерческая жилка тебя так восхищает, несколько лет спустя после обретения твоей страной независимости оставила свой дом в Ботсване и пустилась на

поиски некоего борца за свободу, которого в семидесятые годы прошлого века приютила ее церковь во Фрэнсистауне. Кое-кто из работающих здесь женщин, разочарованных в жизни матерей-одиночек, пустил шутку, что низкорослая иностранка так улыбается и так удачлива, потому что его не нашла. Слухи это или нет, но одежда в магазине «Королева Африки» сверкает, блестит, как предзнаменование новой обеспеченной жизни, которая недавно для тебя началась и которую ты преисполнена решимости — любой ценой — не упускать.

* * *

На второй или третий, но не позднее, чем на четвертый месяц работы в «Зеленой жакаранде», под окнами твоей конторы на Джейсон-Мойо-авеню происходят беспорядки. Накануне Май Моэцаби работала допоздна, привлекательнее оформляя не только витрину, но распространяя новые принципы на весь магазин. Ближе к полудню следующего дня на улице перед магазином собираются молодые люди. Они возбуждены, энергичны, показывают друг другу пальцем на наряды, прижимают лица к стеклу и смотрят, будто зрители на парижском показе мод. У неко-

торых мобильные телефоны и даже деньги на них, и они рассылают сообщения друзьям. Толпа разрастается с каждым часом. К обеду в окно, которое Педзи открыла, чтобы проветрить приемную, с улицы доносится гул.

— Чего они сюда приперлись? — бормочет Педзи, когда ты сквозь толщу тел продираешься за обедом в восточную аркаду, так как продавец самосы, у которого ты обычно покупаешь, не пришел. — Все из-за ботсванки, что там торгует? Кто сказал, что она Королева Африки?

У лотка, где продается еда — копченые сосиски, карри с картошкой или рисом, а также два вида угали со свиными ножками или гуляшем, — ты выбираешь капустный салат и гамбургер и на обратном пути в контору, переходя улицу, сталкиваешься с продавцом самосы, которого не застала. Он тут же поднимает руку и бормочет:

— Ах, я пришел и понял, что лучше бы не приходил. Ай-ва, что творится! Не знаю, смогу ли я выйти завтра обслужить вас, моих покупателей.

Свернув за угол на Джейсон-Мойо-авеню, ты невольно замедляешь шаг, поскольку толпа уплотнилась. Прикинув, что ситуация не слишком угрожающая, ты прокладываешь путь через кипящие тела, блокирующие вход, и натыкаешь-

ся на Педзи. Прижимая к себе кошельки, мимо протискиваются несколько постоянных клиентов. Ты подходишь к лифту и нажимаешь кнопку, радуясь, что упаковка с обедом цела.

— Эй! Эй! — зовет высокий робкий голос.

Ты оборачиваешься, не понимая, кто звал. В попытке разобраться, что происходит, Педзи встала на цыпочки, что добавляет ей лишь пару сантиметров, поскольку она и так на каблуках.

— Вы меня слышите? — голос становится громче.

— Она от Королевы Моэцаби. Одна из ее девушек. — Жуя картошину, Педзи коротко смотрит вниз и опять сосредотачивается на толпе.

Ее пальцы механически достают картошины из пакетика и отправляют их в рот.

— Эй, ими![42] — дрожит голос. — Меня послали сказать вам, чтобы вы не загораживали дорогу. Чтобы выпустить людей с деньгами.

— А-а! — слышится хриплый голос. — Ты кто такая, чтобы указывать, где нам стоять?

— Э-э, пусть твоя начальница сама придет, если хочет поговорить с нами, а не посылает малолетних.

---

[42] Примечания: 42
Вы.

— Скажи-ка, сестричка, — задирает молодой человек, — а ты, часом, не отрастила себе яйца?

Следует взрыв хохота, и кто-то еще ревет:

— Откуда мы знаем, что за лекарства привозят сюда иностранцы, может, они меняют у девчонок пол.

Лифта все нет. Ты опять нажимаешь кнопку и смотришь вверх на мигающий огонек: кабина застряла на четвертом этаже.

— Я точно его видела. Он вечно болтал про Май Моэцаби. И все время торчит в конторе у сестры Май Гаму, — шепчет Педзи. — Та пара, что с ним, тоже. Эти трое часто там бывают.

— Если она не хочет, чтобы мы смотрели, чем она занимается, зачем тогда вообще приехала сюда из Ботсваны? — вопит еще один голос.

— Ха-а, пусть просто убирается обратно. Потому что тут Зимбабве!

На улице начинают петь.

— Мбуйя Неханда куфа вачитаура, шува,

Мбуйя Неханда умерла с этими словами на устах, — запевает резкий тенор.

— Кути тино сеи мабаса?

Тора гиди узвитонге.

Бери ружье и правь сам, — отвечают певцы, переделывая слова старинной военной песни

на более актуальный лад, поскольку их больше интересует, как сделать так, чтобы страна опять занялась решением проблемы безработицы.

Раздается негромкий хлопок, и слышно, как на бетон падают осколки стекла.

— Братья, сестры, — зовет спокойный голос. Королева Африки. — Родственники, не гневайтесь, пожалуйста.

Голоса певцов наливаются негодованием.

— Тино тора сеи мабаса? Где нам взять работу?

— Давай по лестнице. — Педзи скидывает туфли на каблуках.

Педзи жила в Мабвуку и научилась быстро реагировать на первые признаки массовой агрессии. Притормозив только для того, чтобы подобрать туфли, она кричит тебе идти следом.

Ты медлишь, так как тебе трудно оторвать взгляд от Королевы Африки, чей голос становится учтивее и тверже.

— Это все девушка. Простите нас! Пожалуйста, простите ей, если она не умеет с вами разговаривать. Поэтому вышла я. Чтобы поговорить с вами как подобает. Пожалуйста, простите!

Толпа постепенно успокаивается. Ты ставишь ногу на нижнюю ступеньку лестничного марша. Ты потрясена храбростью Май Моэцаби.

— Извинись, — приказывает Королева.

— Извините, — пищит девушка.

— Громче! — кричит мужской голос из толпы.

— Извините! — верещит девушка.

Толпа забавляется, перекатывается гул голосов.

— Мы должны хорошо друг к другу относиться. — Голос Май Моэцаби ровный, в нем нет ни тени возмущения. — Я только хотела, чтобы она поблагодарила вас за ваш интерес и пригласила всех желающих в магазин что-нибудь купить или посмотреть. Я хочу все вам показать, но давайте дадим дорогу.

Двое мужчин и женщина победно смеются и отделяются от толпы.

* * *

На той же неделе ползут слухи, что недалеко до бунта.

— Какая толстая! Жалко, что так быстро разобралась с ребятами. Как будто она черная. А на самом деле всего-навсего желтая, как все батсвана[43], — говорит хозяйка салона красоты на третьем этаже.

---

[43] Примечания: 43
Народ тсвана.

— Она уверяет, что ездит строить классы и залы в своей школе, в той мелкой засушливой стране, — скрипит парикмахерша другого салона на том же этаже. — Ха, вот что говорят. Разве мы не видали людей, которые разъезжают, только чтобы раздобыть мути на продажу? Там живут одни близнецы и альбиносы.

Болтают, будто снадобья помогают, потому что среди клиентов Май Моэцаби были замечены политики. Еще говорят, что та буйная толпа как-то связана с сестрой Май Гаму, якобы жена политика хочет магазин Королевы Африки себе, считая, что в нем надолго сохранится действие снадобий.

Слухи переходят в недовольство.

— Интересно, она продержится до конца года?

— Не волнуйтесь, не продержится. Никто ничего не может сделать, если эта чья-то там жена против вас.

Атмосфера в здании ухудшается.

У женщин довольные лица, так как Май Моэцаби, похоже, проигрывает бой, который только пуще разгорелся из-за ее умного тогда поведения. Волнениям предшествовало то, что двадцать пятого мая, в День Африки, в «Клэрионе» и других газетах появились фотографии высокопостав-

ленных чиновников в африканских нарядах, купленных, как утверждалось, у Королевы Африки. Вы с Педзи даже играли в игру «найди шмотки Королевы Африки на политическом лидере». Через несколько недель после беспорядков фотографии перед магазином Май Моэцаби меняются: теперь политики и их жены не в кенте[44] и не в анкара, а в нарядах от Шанель, Пьера Кардена и Гуччи. То ли из-за новых предпочтений элиты, то ли по другим причинам, но магазин Королевы Моэцаби вскоре хиреет. В лифте и коридорах потешаются. Ты же с тревогой и нехорошим чувством смотришь, как Май Моэцаби, вызывавшая у тебя такое уважение, впадает в знакомое тебе состояние, состояние, при котором успех невозможен.

Однако, удивив тебя и всех остальных, Королева возрождается. В витрине появляется лак для ногтей, губная помада, несессеры. Западноафриканские изделия постепенно исчезают. Она нанимает молодую женщину с дипломом техникума, и та усаживается за складной столик в углу магазина с щипчиками, лаком для ногтей и бритвой. При виде перемен, которые тебе кажут-

[44] Примечания: 44

Кенте — ганский текстиль из шелковых и хлопковых полос ткани ручной работы.

ся очень интересными, лица женщин из салонов красоты скучнеют, жизнь вытекает у них из глаз. В конце концов их сменяют две энергичные девушки, вторгшиеся на территорию сестры Май Гаму с парой компьютеров, выброшенных одним местным бизнесменом. С негодующим восхищением наблюдая за Королевой Африки, чей бизнес теперь другой, но столь же бойкий, как прежде, швеи на первом этаже предсказывают, что новые машинистки не продержатся до Пасхи. Особенно саркастичные комментарии достаются миссис Нгвенье, родом из Булавайо.

События опять тебя тревожат. Опять зловещим эхом стучит вопрос, кто может, а кто не может, кто добивается, а кто не добивается успеха. Вопрос снова наполняет душу горечью. Ты не уверена, что, выпади тебе такое, ты нашла бы внутренние резервы для победы, как Май Моэцаби. Тебя деморализуют мысли о том, что это только вопрос времени и работа подбросит новые испытания, а силы еще не восстановились после истории, которая привела тебя к Ньяше. Ложась спать, ты опять слышишь смех гиены. Изо всех сил пытаясь сосредоточиться на своих планах, не отвлекаясь на дурные предчувствия и окружающих людей, ты решаешь брать пример

с Королевы Моэцаби. Рано утром выстаиваешь очереди в полкилометра на автобус, чтобы успеть на работу к семи. Напряжение растет из-за внезапного подорожания билетов — ведь ты только что рассчитала месячный бюджет. Скрежеща зубами, ты плюсуешь пугающие десять процентов к статье расходов на транспорт. В общем-то, единственное, что ты можешь сделать, — это передавать показания счетчика заранее, хотя электричество отключают все чаще и чаще.

На работе ты все время контактируешь с владельцами гостиниц в Хараре и исполнительными директорами авиакомпаний, чтобы клиентов «Зеленой жакаранды» обслуживали как можно лучше. Перед началом тура отправляешь клиентам опросники. Трейси с ходу поручает тебе статистику. Скоро ты уже разрабатываешь более короткие опросники по отдельным точкам дислокации туристов, а Трейси ведет общий, куда включен весь тур.

Педзи вдруг становится скрытной. Она приходит на работу раньше тебя и Королевы Африки, меньше шутит, меньше болтает с тобой и другими женщинами в здании. В обеденный перерыв залипает у компьютера. Когда народу немного, тайком звонит по телефону.

Однажды (прошел уже месяц, как она окружила себя такой таинственностью) Педзи является в обычное время с двумя только что скопированными у миссис Нгвеньи папками и вручает их Трейси. Со сверкающими от предвкушения глазами она просит начальницу немедленно их прочитать и произносит двухминутную речь о низкобюджетных экскурсиях в густонаселенные пригороды. Трейси с интересом поднимает брови и говорит, что приветствует новые идеи сотрудников, если они способствуют развитию. Она обещает Педзи рассмотреть ее предложение, завершив утренний раунд телефонных звонков и ответив на электронные письма.

Верная своему слову, Трейси вызывает Педзи к себе после утреннего перерыва на чай. Дверь закрывается. Их не видно, пока не приходит торговец самосами, чтобы спросить, не желает ли кто чего. Ты стучишь в дверь. Трейси и Педзи сидят на стульях из муквы и кожи друг напротив друга, склонившись над маленьким столиком, где разложены папки Педзи. Короткие колючие волосы Трейси соприкасаются с лиловыми косичками администратора. Тебе заказывают стандартный капустный салат (большой) и по две самосы каждой. Когда ты уходишь, Трейси

зовет тебя обратно и просит приготовить им чай. Ты выполняешь просьбу, чувствуя себя чайником, который кипит слишком долго: так можно потерять интерес к чаю и перейти к чему-нибудь покрепче. Подавая коллегам обед, ты думаешь о том, что юная Педзи, несмотря на пирсинг в животе и накладные ногти, проявила бóльшую, нежели ты, прыткость в том, как подать идею, и понимаешь, что ее неожиданные таланты намного превосходят твою искусность в составлении рекламных текстов, столь наглядно продемонстрированную во времена работы в агентстве вместе с Трейси. Там вас снабжали цифрами, данными о позиционировании товаров и статьями из отраслевых журналов. И вот теперь Педзи, поразив тебя не меньше, чем Май Моэцаби, обнаруживает замечательные способности на пустом месте. Все уже было придумано до нас, но в том, как Педзи подала материал, она превзошла тебя в ипостаси соавтора или даже псевдоавтора. Когда ты закрываешь дверь, оставив за ней двух крайне сосредоточенных женщин, живот у тебя сводит от горечи. Коллеги даже не считают нужным сказать тебе спасибо. Страх усиливается, и ты фокусируешь его на Педзи, питаешь его мыслями о ней.

Через несколько дней тебя вместе с Педзи зовут в кабинет начальницы для принятия решения. Трейси пришла к выводу, что программа, предложенная коллегой, неоригинальна. Она скачала из Интернета несколько материалов, ясно показывающих, что по части туризма в густонаселенных предместьях конкурирует множество стран. В одном из них представлен точно такой же план, а деньги, вырученные в нью-йоркских гетто, предполагается потом переводить в ваши края. В другом говорится о южноафриканской компании, которая предпочла не рисковать и построила гетто в дорогом районе. По мере того как Трейси десять минут излагает информацию, твои надежды растут, однако тут же рушатся, когда в итоге она заключает, что предложение Педзи тем не менее здраво и имеет шанс на рынке. Поскольку в стране такого еще не было, она с Педзи подготовит его для питчинга потенциальным инвесторам, а сама Педзи станет менеджером проекта. Трейси приступает к мозговому штурму, чтобы найти для новой идеи подходящее название. Ты обнаруживаешь, что не способна ничего выдать. Педзи предлагает что-то вроде «Крутые круизы» или «В путь. Куда? В Мабвуку!», выпевая название густонаселенного селения в ритме

хип-хопа. Трейси уверяет, что звучит неплохо, но на бумаге не сработает. Обсуждение продолжается почти час. Когда наконец принимается название «Неоурбанистическая сеть в густонаселенных, климатически и технологически неблагополучных районах постмодерна», тебя одолевают сомнения. Ты про себя прикидываешь, сколько шансов у Педзи на успех, одновременно тебя посещают ужасные видения, как бывшая администратор становится у Трейси вторым директором и увольняет тебя.

Просачивается информация, что Педзи продолжает попытки стать соавтором или псевдоавтором собственного проекта. Ты наблюдаешь за тем, как она идет в гору, констатируя собственное бессилие придумать хоть что-то, что могло бы дать тебе преимущество или остановить бывшего администратора, которая, поскольку ты тоже менеджер проектов, поднялась и формально уравнялась с тобой.

Понимая, что начальница не будет расширять «Зеленую жакаранду», но нуждаясь в помещении, где она могла бы заниматься новым проектом, Педзи, держась за свою цель зубами, идет на разговор с сестрой Май Гаму. Когда об этом узнают женщины в здании, ползут слухи. Все предска-

зывают, что твоей коллеге не позже чем через полгода придется убраться восвояси, так как Май Гаму считает, что только она может к чему-то стремиться, как показал конфликт с Королевой Африки. Однако, вопреки всем пророчествам, через несколько недель после того, как Педзи представила Трейси новую программу, политик выделяет «Зеленой жакаранде» еще одну каморку под кабинет. Свет падает в узкое, темное помещение из одного-единственного маленького, высокого окошка, которое смотрит на тусклый санитарный переулок в задней части квартала. Чтобы освободить проход к двери нового кабинета, приходится переставить трехконфорочную плитку и небольшой холодильник. Трейси, Педзи и ты возитесь с этим почти все утро.

Привозят маленький стол, стул, пару полок — все в постколониальном стиле «зимбошик», как и вся контора. Понимая, что выбора у тебя нет, ты обнимаешь Педзи, говоришь, как рада за нее, и предлагаешь любую помощь, какая ей понадобится. Поразмыслив, стоит ли сказать, что у нее в кабинете не повернуться, предпочитаешь промолчать.

Женщинам из других контор есть о чем посудачить, последние события в «Зеленой жакаранде»

дают обильную пищу. Поздравив Педзи, в конце дня ты спускаешься вниз и присоединяешься к возмущенному трепу. Главным предметом обсуждения является то, что выделение дополнительного кабинета «Зеленой жакаранде» никак не связано с Педзи, что на самом деле Трейси тайно встречалась с Май Гаму и в ходе встречи выкрикивала лозунги правящей партии, а это лишь доказывает, что белым людям доверять нельзя. Во время одного из таких собраний кто-то начинает дурачиться и трясти кулаками. У кого-то в сумочке оказывается бренди. Женщины потягивают бренди и танцуют. Наконец все заканчивается угрозами подняться на лифте в «Зеленую жакаранду» и втолковать твоей начальнице-европейке, что та никогда не сможет скандировать партийные лозунги лучше, чем они сами, проживи она хоть тысячу лет. Чтобы предотвратить скандал, две женщины с трудом удерживают воинственных танцорок, после чего до тебя доходит, что тебе с такими людьми делать нечего.

Глава 17

Твои племянники навещают тебя в новой квартире раза два в месяц. Они с удовольствием плескаются в бассейне. Ба-Табита показывает Леону, как быстро управляться с насосом, когда у них с Ньяшей будет собственный бассейн. Если они соглашаются остаться на ужин, ты угощаешь кузину и членов ее семьи великолепным барбекю. Такое случается нечасто. А когда все-таки случается, Ба-Табита разводит огонь, а Ма-Табита маринует говядину, курицу, свинину, куду, буйвола или страуса с чили и кориандром с огорода. Двоюродный зять не отказывает себе в дичи, которую ты заказываешь у оптовика с огромной скидкой, — преимущество работы в «Зеленой жакаранде». Леон говорит, что любит заниматься грилем, и все переворачивает куски мяса, поэтому, чтобы подрумяниться, им требуется больше времени, чем обычно. Ньяша говорит, что ей еще нужно собраться. Ты оставляешь ее «собираться» у бассейна или в белых кожаных креслах гостиной, а сама отправляешься к Ма-Табите помочь с соусами и салатами. Когда на кухню, требуя мороженого, прибегают племян-

ники, ты улыбаешься и треплешь их по голове. Анесу с тоской вспоминает, как ты водила их есть мороженое, когда Ньяша готовила еду. Однако внутри тебя зыбкими тенями колышется страх. Недобрые голоса женщин из конторского здания доносятся до тебя во сне. Ужасная атмосфера сдерживаемого насилия опускается на здание «Зеленой жакаранды». Она обволакивает будто аура, поглощает, ты отчетливо ощущаешь ее и все больше цепенеешь от того, что другие тоже должны это чувствовать. Во время работы тебя неотступно преследует мысль, будто вот-вот произойдет что-то невыразимое или ты совершишь что-то отвратительное. Не раз и не два тебе кажется, что ты и есть неописуемое.

Ты все время так возбуждена, что не можешь спать, несмотря на антидепрессанты, выписанные доктором Уинтон. Концентрация слабеет. Ты лепишь ошибки в отчетах и рассылаешь по гостиницам неправильные опросники. Угроза, исходящая от Педзи, растет, и из-за страха перед тем, к чему все может привести, становится только хуже. Не помогает и то, что «Зеленая жакаранда» оплачивает автошколу, поскольку Трейси, возможно, чувствуя твое состояние, решает, что тебе пора выбраться из конторы и осмотреть

маршруты на месте. Ты в таком унынии из-за статистики, что несколько раз заваливаешь экзамен по теории. Оценки по вождению ниже плинтуса.

Полностью во власти тревоги и дурных предчувствий, ты, когда нет родственников, проводишь все больше времени, свернувшись калачиком на кожаном диване перед телевизором. А родственники в свою очередь приезжают все реже. Так как на улице тепло, ты часто засыпаешь и просыпаешься рано утром на диване. Встаешь, изо всех сил стараясь вспомнить то, что должна помнить, и забыть о преследующем тебя кошмаре.

Как-то вечером ты допоздна засиживаешься на работе и несколько часов читаешь все подряд о конкурентах, а также азиатские и латиноамериканские сайты в попытке придумать новые развлечения для очередной туристической группы. Ты не в состоянии предложить ничего нового, и убежденность в том, что ты можешь организовывать туры не просто нормально, а отлично (с недавних пор — условие, чтобы не отставать от коллег), покидает тебя. Когда ты заходишь в ворота, смеется гиена. Она снова подкрадывается к тебе вплотную, готовая выдрать последние крохи уверенности, которые ты сохранила на момент слабости.

Хотя это и невозможно, все становится еще хуже, когда ты заходишь на кухню. На столе лежит небольшой мешок. Мешок кукурузной муки, который Кристина привезла в город от матери.

— Его оставила здесь Май Анесу, — говорит Ма-Табита, которая ждет тебя, хотя ты и не велела ей ждать.

Ты молча проклинаешь себя за то, что не спрятала мешок как следует, а когда разделываешься с собой, принимаешься за кузину. Отказываешься от ужина, который предлагает Ма-Табита, и слоняешься из гостиной в спальню, не в силах успокоиться. Когда она наконец уходит, становишься у кухонного стола, уставившись на маленький мешок с мукой, теперь покрывшийся паутиной жучков и испускающий ужасный затхлый запах. Тебе нужно было ее съесть, коришь ты себя, приготовить любовь своей матери, пока жила у Май Маньянги, принять ее в свое тело. Тогда, где бы ты ни находилась, у тебя был бы дом. Пока ты так думаешь, тебя охватывает гнев. Ты хватаешь мешок со стола и запихиваешь его в мусорное ведро. Потом достаешь из буфета бутылку вина, включаешь телевизор и заставляешь себя погрузиться в австралийскую мыльную оперу, которая идет по спутниковому

каналу. Длинные рекламные паузы ты заполняешь большими глотками из бокала и очень удивляешься, несколько часов спустя обнаружив, что выпила все три бутылки, что у тебя были. Ты слабо улыбаешься, потому что ужас, таящийся в глубине сознания, перетек в тускло-лиловое пятно винного осадка. Телевизор гремит, голова гудит. Незаметно для себя ты засыпаешь. Потом просыпаешься, бешено стряхивая колонну муравьев, ползущую по животу.

Ты открываешь глаза. Муравьи все ползут. Ты закрываешь глаза. Насекомые не прерывают шествия. Ты смотришь на них, и в памяти всплывает то, что ты обещала себе никогда не вспоминать. Труп, давнишний, он лежит у автобусной остановки, объеден ползучими тварями, обглодан падальщиками.

Видение гонит тебя на кухню. Ты должна похоронить эту женщину раз и навсегда. Ты срываешь с мусорного ведра крышку и достаешь пакет с кукурузной мукой. Рассыпаешь содержимое по полу и мебели. Ярость хлещет тебя хлыстом, ты опять собираешь муку в пакет и бежишь в сад. Берешь в гараже мотыгу. Выкапываешь глубокую, как могила, яму и высыпаешь туда материнский подарок.

Вдалеке лают собаки. Тебе слышится, что они приближаются, будто преследуют добычу. В изнеможении ты, спотыкаясь, бредешь в комнату, на ходу стаскивая с себя блузку. Ты хочешь спрятать голову под одеяло, свернуться на матрасе в клубочек, как эмбрион. Вытянув руки, чтобы нашарить пижаму, ты, как громом пораженная, отшатываешься от кровати. Выключаешь свет. Опять включаешь. Ничего не меняется.

Разбухнув, как и твой кошмар, голова лежит на подушке. Ты опять погружаешь комнату в темноту, а затем опять заливаешь ее светом. Очертания и пропорции меняются по мере того, как голова превращается в маленького уродливого человечка. Ноги содрогаются в конвульсиях и раздробляются на толпу учениц в зелено-бежевой форме Нортли. С криком бросившись вперед, ты хватаешь одну из них большим и указательным пальцами с желанием отшвырнуть. Ее зубы впиваются в мякоть большого пальца. Ты понимаешь, что это мать. Трясешь рукой. Она держится. Ударяя запястьем по краю мусорного ведра, стоящего у двери, тебе наконец удается стряхнуть ее в отбросы.

— Матка, — всхлипывает она. — Точно такая, как у меня. Ты хочешь утопить меня в ней!

Корзина из плетеного сизаля. Мать хватается за нити, тщетно стараясь выбраться. Ты бросаешься обратно в комнату, пытаясь поймать еще одно крошечное привидение, которое тоже превратилось в мать.

— Матка! О нет, невозможно! Как матка может сказать мне, что есть что? Баба вангуве, о мой отец! Старики, как это может быть? — кричит мать, когда ты бросаешь к ней вторую.

Обе пытаются выкарабкаться, царапаясь, хватаясь друг за друга, наконец не удерживаются и сползают вниз.

Оставшуюся часть ночи ты проводишь, собирая существ в школьной форме, которые суть твоя мать. Бросаешь их в мусорное ведро и обтягиваешь его халатом, чтобы они не сбежали, пока ты ловишь остальных.

Просыпаешься ты в постели. Халат еще намотан на мусорное ведро. Ты берешь тапки, как более двух лет назад схватила на рынке камень, с намерением швырнуть их на сей раз в мусорное ведро, но не швыряешь, поскольку до сознания доходит, что кто-то воет. По комнате разносится вой, от которого дрожат оконные стекла. Ты стискиваешь зубы. Плач не утихает. Тот самый вой, которого ты так хотела добиться от той девушки,

Элизабет. Это она должна была выть, чтобы тебе потом не пришлось.

* * *

Потом в течение многих дней ты ходишь на работу, ночью не смыкая глаз, сидя на кровати с книгой, которую якобы читаешь.

Ты осмеливаешься дремать только на работе, где тебя окружают люди. Просыпаясь, ты переживаешь, что коллеги могли видеть тебя спящей. Тратишь больше времени на работу и делаешь больше ошибок. Прилагаешь все больше усилий, чтобы их исправить. Понимаешь, что, вступив на некий путь, добралась до цели и заперлась там, однако ты не знала, что цель именно тут. Грусть и стыд мешают тебе поделиться с кем-то своими муками и смятением. Когда проходит день и подползает ночь, ты все прокручиваешь разговор с Ньяшей в тот вечер, когда к ним приехала. Наконец, после многих таких ночей приходишь к выводу, что пора выбираться на свободу.

Сначала ты хочешь позвонить. Потом посреди бессонной ночи встаешь с постели с намерением написать письмо. Берешь ручку, изо всех сил стараясь привести в порядок сердце, чтобы сделать необходимое. Начинаешь составлять фразы и

долгие часы мучительно складываешь их; ибо, хотя тогда это казалось тебе нормальным, даже замечательным, теперь ты не видишь убедительных причин, которые могли бы оправдать такую жестокость по отношению к молодой девушке, чье воспитание было тебе поручено. С каждым словом, которое ты пишешь на бумаге, зачеркиваешь, пишешь снова, ты понимаешь, что не просто повредила ей кожный покров, ты сокрушила доверие.

Ты хочешь узнать, где живет Элизабет, и послать ей денег. Положить банкноты в конверт и передать кому-нибудь возле ее дома. Но затем соображаешь, что она уже сдает выпускные экзамены и ждет поступления в университет, так что сумма, которую ты можешь выкроить, погоды не сделает и приведет только к тому, что она и ее родные еще больше разозлятся на пустые доллары, брошенные им в лицо без объяснений. Как же ты жалеешь теперь, в одинокой ночи, что пренебрегла возможностью, предоставленной тебе в кабинете миссис Самайты, когда можно было хоть частично компенсировать то, что ты натворила.

— Эй, мадам!

Кто-то стучит в окно. Ма-Табита. Первый им-

пульс — не обращать внимания, но тебя пугает еще большее одиночество, так что неплохо увидеть другое человеческое существо.

— В чем дело? — спрашиваешь ты.

Она тебя не слышит. Ты одергиваешь занавеску и показываешь на дверь.

Ма-Табита делает шаг вперед, и лицо ее выныривает из ночи. Она в одной ночной рубашке из замбийской ткани, на ногах шлепанцы.

Ты открываешь дверь.

— Свет. Я видела, — в тревоге шепчет экономка. — Я всегда его вижу. Только сегодня что-то очень много.

На крыльце, вокруг фонаря, потревоженные порывом ветра, порхают летающие муравьи.

— Входи, — отвечаешь ты. — И все? Тебе ничего не нужно?

— Я просто удивилась. Все время горел свет, а потом появился большой, — продолжает шептать Ма-Табита. — Я так и сказала Ба-Табите. Я спросила, все ли там в порядке, если у мадам все время горит свет. Он сказал: пойди проверь.

Ты ждешь. Ма-Табита стоит как вкопанная.

— Понятно, — киваешь ты.

— С вами все в порядке, мадам?

Ты берешь себя в руки и отвечаешь, что реша-

ешь один рабочий вопрос, уже несколько ночей.

— Простите, мадам. Я не хотела вас беспокоить, — извиняется Ма-Табита. — Мы с Ба-Табитой подумали, может быть, что-то случилось.

— Спасибо, Ма-Табита, все в порядке! — Ты заставляешь себя улыбнуться и добавляешь: — Пожалуйста, не называй меня «мадам». — Ты медлишь и, прежде чем продолжить, делаешь глубокий вдох. — Мисс. Мисс Сигауке.

— Спокойной ночи, мадам мисс Сигауке, — говорит Ма-Табита.

Ты слушаешь, как ее резиновые шлепанцы хлопают по пятке, а затем более тихий стук ноги о землю. Когда все стихает, ты по внезапной прихоти оставляешь дверь открытой, возвращаешься к письму и еще раз обдумываешь, как поступить. Что будет, если ты разыщешь адрес Чинембири? Может, над тобой просто посмеются, что ты пришла извиниться спустя столько времени? Если женщина в тебе могла так избить их дочь, откуда вдруг взялась слабость раскаяния? А почуяв слабость, что они сделают? А вообще у Элизабет большая родня? Кто они? Сколько там молодых дядьев, двоюродных, сводных братьев, если они решат поквитаться?

Все обдумав, ты выводишь две строчки миссис

Самайте с просьбой о встрече. Несешь конверт на работу и кладешь его в лоток Педзи, которая все еще выполняет обязанности администратора, хотя ее и повысили до менеджера проектов.

С работы миссис Самайты звонят через несколько дней, и уже назавтра ты сидишь на расшатанном деревянном стуле возле стола, на котором сидела во время собеседования, когда знакомилась с ней. Ты с тоской смотришь мимо директора на забитый спортивными наградами шкаф.

Миссис Самайта огорчается, когда ты сообщаешь ей, что должна немедленно извиниться перед Элизабет и ее родными. Она дает тебе понять, что девушка оглохла на одно ухо и из-за лечения пропустила несколько месяцев, поэтому ей пришлось остаться на второй год. Директор предлагает тебе встретиться с Элизабет прямо сейчас, ничего более не предпринимая. Когда перед тобой открывается более простая возможность, ты испытываешь в груди облегчение. Может быть, выход, думаешь ты. Но все-таки не отступаешь, ибо теперь, найдя в себе силы, ты сосредоточена исключительно на своем раскаянии. В конце концов зовут Элизабет. Она делает вид, что не замечает тебя, только отвечает на твое: «Мхоро, привет, Элизабет!». Сама она ничего тебе

не даст, но не возражает, чтобы директор записала тебе ее домашний адрес.

Твоя бывшая ученица живет в Хайфилдсе, районе, где в колониальные времена платили по два фунта за аренду, однако при Независимости правительство перевело почти весь жилой массив селения в частную собственность. Многие теперь стали домовладельцами, в том числе и Чинембири, и поскольку хозяина, который имел право выселить, не стало, в маленький домик из сельской местности съехалось множество членов клана.

Когда ты подходишь, Май Чинембири стоит, наклонившись над невысоким бугорком, отделяющим ее участок от дороги. Параллельно улице она вскопала грядку и сажает в нее батат. Молодые ребята (вероятно, разнообразные родственники Элизабет, решаешь ты) курят у ворот, а мужчины постарше отдыхают на ступеньках домика, попивая коктейли из картонных стаканчиков.

Ты держишься почтительно. Представляешься мисс Тамбудзай Сигауке.

— А, так это ты убиваешь чужих детей, — говорит старший брат Элизабет после церемонии представления и косится на свою сигарету. — И

калечишь им уши, хайкона?[45]

Ты опускаешь голову. Слезы сами капают из глаз. Ты стискиваешь челюсти, чтобы они не заметили твоей слабости.

— Да посмотрите на нее! Ха, может, что-то не так. Посмотрите, как ей жалко, — раздается голос с крыльца.

Ты чувствуешь, как на тебя устремляются глаза человека, произнесшего эти слова.

— А тебе бы не было жалко? — сухо начинает его сосед, который, в отличие от остальных, пьет «Скад». — Тебе бы тоже было жалко, если бы кто-то собирался сделать с тобой то же самое, что ты сделал с другим, и ты бы знал, что́ именно ты сделал с тем другим, правда?

— Да, поди разбери, — соглашается старший брат с последним Чинембири. — Может, она просто хочет на нас посмотреть. Когда такие, как она, вообще на нас смотрят?

— Если бы она была политик, я бы высказался на выборах, — размышляет любитель «Скада». — Может, она так тренируется, как ты думаешь?

Кто-то из молодых улыбается, но губы их напряжены, а взгляд суров.

---

[45] Примечания: 45
Разве нет?

— Тетенька, идите. Мы вас видели. И узнать узнаем. Но если вы сейчас уйдете, тихо, без неприятностей, мы просто скажем, что вопрос решен, — подводит черту старший брат.

Атмосфера немного разряжается.

— Делайте, что он говорит, — кивает второй юноша. — Он крепится, но мы его знаем. А вы нет. Если его прорвет, никто не удержит.

Май Чинембири вытирает руки о замбийскую накидку.

— Я все слышала и не понимаю, почему вы еще здесь. — Мать твоей бывшей ученицы выдвигает подбородок. Голос у нее спокойный. — Почему вы не уходите? Почему? Это не ваше ухо оглохло.

Ты все стоишь, и женщина сначала прищуривается, а потом закрывает глаза. Молодые люди ждут. Май Чинембири смотрит на них. Наконец она делает шаг вперед, протягивая руку.

Ты берешь руку и хочешь удержать, но Май Чинембири тут же убирает ее.

— Сюда, — кивает она.

Ты идешь за ней к заднему крыльцу. Вы обходите дом, потому что все три комнаты забиты матрасами, одеялами и одеждой в картонных коробках.

Дойдя до крыльца, ты садишься на деревянный

табурет, Май Чинембири — на нижнюю ступеньку. Вы долго сидите молча.

— Я пришла, — наконец начинаешь ты.

— Вижу. Отца нет. Это хорошо. Он сказал, что больше не хочет вас видеть.

Ты киваешь.

— Где она? Могу я попросить у вас прощения?

— У нее такое же сердце, как у отца, — отвечает Май Чинембири. — Я говорила с ней несколько раз до вашего прихода. Она делала вид, будто ничего не слышала.

— Мне подождать?

— Может быть, в другой раз, если мы с вами хорошо расстанемся. Но ему тяжело. Теперь вы знаете, что его дочь больше не может слышать все. А она сама… — Май Чинембири сглатывает, ее голос мокрый от слез, которые текут по лицу. — Когда я пытаюсь к ней подступиться, она, я уже сказала, как будто ничего не слышит. Твердит, что я ее не защитила.

— Не надо, Май, — шепчешь ты, беря ее за руку.

На сей раз у матери не хватает сил оттолкнуть тебя. Горе течет по сплетенным пальцам, и слезы, капающие с ваших лиц, смешиваются, так, что кажется, будто вы моете руки. Ах, как бы тебе

хотелось, чтобы слезы смыли все, что держат четыре руки.

Через некоторое время Май Чинембири отстраняется и вытирает глаза тыльной стороной ладони. Слезы размазываются по лицу.

— Дело сделано. Придете вы или нет, теперь не имеет значения. Может, мы могли бы спасти ухо, если бы заплатили за больницу. — Женщина смотрит на тебя с упреком. — Деньги пришли из школы через две недели. Ее класс, они собрали деньги для Элизабет, но было уже слишком поздно, чтобы сохранить слух.

Твое сожаление смердит во рту. Ты знаешь, что приговорила себя к пожизненному заключению. Тем не менее ты еще раз просишь прощения. Май Чинембири молчит. Поскольку ничего больше сделать нельзя, ты тихо повторяешь извинения и собираешься уходить, сказав, что, если они найдут специалиста, ты сделаешь для Элизабет все возможное. Мать кивает, хотя вы обе знаете, что миссис Чинембири слишком далека от того, чтобы перелезть через бататовую грядку у дороги и пуститься на поиски ЛОР-хирурга.

— Мы тут кое-что для вас придумали, — заявляет старший брат, когда ты идешь мимо дома. — Надеюсь, мы никогда вас больше не уви-

дим, потому что так будет лучше для всех нас.

Не останавливаясь, едва осмеливаясь поднять голову, ты украдкой смотришь на дорогу, надеясь увидеть зеленую юбку Элизабет, спускающейся по узкой тропинке от вереницы автобусов, но позади тебя лишь сгущается молчание молодых людей, а потом тишину подхватывают и отбрасывают крики, проклятия, смех соседской жизни.

Глава 18

Деньги, которые ты думала потратить на Элизабет, ты в конечном итоге тратишь на себя. Ходишь в парикмахерскую не раз в месяц, как рекомендуется, а раз в неделю. Каждый раз заказываешь самые дорогие масляные и серные процедуры и вовсю экспериментируешь с индийскими, бразильскими и корейскими косичками. Балуешь себя разными маникюрами и педикюрами. Быстро добираешься до тайского массажа ног. Массаж тела ты предпочитаешь шведский. У тебя выщипывают брови, твое тело заворачивают в грязь, волосы бьют электрическим током, чтобы они поднялись, а поры — чтобы закрылись. Кожа становится мягкой и гладкой. Счета за одежду, купленную на Джейсон-Мойо-авеню, приближаются к сумме на банковском счете. После того как напасти последних лет покоцали твое тело, молодые люди провожают тебя взглядами, а на лицах молодых женщин появляется недовольное выражение: «Если бы я была как она». Теперь, глядя в зеркало, ты не видишь ничего, кроме отражения своей спальни, импортных атласных простыней, двух мобильных телефонов, а далеко

за ними — подведенный румянами, губной помадой и карандашом для бровей смутный контур, содержимому которого ты не уделяешь никакого внимания.

Выходя из офиса в будние дни, ты сворачиваешь не к автовокзалу на Четвертой улице, а идешь прямо к кинотеатрам на Роберт-Мугабе-авеню. Там, поторговавшись с билетером, который хочет, чтобы ты посмотрела первый фильм, а потом вернулась купить второй билет, ты торжествуешь победу, когда тебе разрешают заплатить вперед за оба сеанса. Ты сидишь, пока не замирает самая последняя нота музыкального сопровождения финальных титров, ни разу не заплакав и не вспыхнув от радости. После кино ты в одиночестве ужинаешь в ближайшем ресторане, что предпочтительнее уединенной трапезы дома, которая слишком расслабляет и позволяет затаившейся под отлакированной поверхностью тревоге просочиться сквозь прохудившиеся защитные укрепления. Официант приносит заказ, и ты, не чувствуя ни голода, ни насыщения, ни удовольствия, подчищаешь тарелку. Потом обходишь ночные клубы, пристраиваясь к каким-то шумным компаниям, но неизменно избегая «Айленда», чтобы не столкнуться с Кристиной.

По выходным сидишь в Садах Хараре. Смотришь, как на лужайке фотографируются в обнимку молодожены. В такие моменты сквозь пустоту в груди пробивается сожаление, что ты не атаковала братьев Маньянг. Несколько секунд ты мысленным взором смотришь на Ларки, затем глубоко вдыхаешь, стискиваешь челюсти и заставляешь себя отогнать пустую тоску. Ты принимаешь решение поискать опытного нганга[46]. Но это оказывается невозможным, как и все, что ты пробовала. Ты не можешь спросить Ба-и Ма-Табит. Искать утешения и просить интимного совета у прислуги немыслимо. Трейси понятия о таком не имеет, а Педзи — расфуфыренная городская девушка, которая только с удовольствием посмеется над твоими проблемами. Тетя Марша заказывает гороскопы в «Клэрионе», но она слишком глупа, чтобы помочь. И вот в субботу утром, прежде чем усесться в парке, ты идешь в библиотеку имени королевы Виктории посмотреть литературу об оккультизме и гаданиях.

На работе ты возвращаешься к схеме, знакомой тебе по рекламному агентству: отлично выполняешь поручения, но не можешь приступить ни

---

[46] Примечания: 46
Знахарь, колдун.

к чему без указания. Тем не менее ты являешь собой образец благопристойности, демонстрируя безупречную почтительность ко всем, кого встречаешь в здании. Ты здороваешься с сестрой Май Гаму так же приветливо, как машешь рукой Королеве Африки. Тепло киваешь машинисткам и в те редкие утренние часы, когда чувствуешь себя особенно вежливой, доводишь любезности до того, что спрашиваешь, хватает ли у них запасов бумаги и чернильных картриджей, учитывая имеющиеся в стране трудности. Ты покупаешь несколько четвертинок бренди, которые прячешь в сумку, чтобы к тебе на лестнице или в лифте не пристал Клуб сплетен, но, хотя ты видишь его членов в дверные окошки, тебя больше не приглашают зайти.

В конторе ты каждый день старательно принимаешь заказы на обед у Педзи и Трейси, чтобы опередить их и продемонстрировать свою независимость, прежде чем тебя попросят, лишний раз напомнив тем самым о разнице в вашем положении, о твоей врожденной несостоятельности, не дающей тебе стать полноценным членом их энергичной женской компании. Ты стучишься и аккуратно записываешь пожелания, за что теперь тебя благодарят, поскольку

первые муки разработки нового проекта уже позади. Ты улыбаешься и говоришь, что полностью в их распоряжении, если им потребуется какая-либо помощь. И все время душа кипит от обиды. Единственное достижение заключается в том, что после полугода провалов ты наконец-то получаешь водительские права. Победа совпадает с презентацией проекта Педзи. Когда Трейси смотрит на сертификат и молча кивает, ты понимаешь: тебе потребовалось слишком много попыток, чтобы сдать вождение. После этого начальница велит Педзи купить правила дорожного движения и записаться на получение временных прав. Вечное сравнение себя с Педзи и мысль о том, что она, вероятно, получит права с первой попытки, омрачает радость от достигнутого. Ты злишься всякий раз, когда садишься в машину и едешь на работу или домой. Лиловый внедорожник «Мазда», который тебе купила «Зеленая жакаранда», рискованно виляет у желтых огней светофоров, встраиваясь в вереницы автомобилей и выбираясь из них. В бешенстве ты в два раза громче сигналишь в ответ всем, кто издает недовольные гудки.

На работе, пока Трейси корпит над новыми контрактами, спонсорами и программами, а еще

экологической периодикой, где речь идет о предприятиях по добыче гранита, ты, связываясь с зарубежными агентами и их планирующими отпуск клиентами, а также занимаясь основными обязанностями по бронированию и статистическому анализу, мечтаешь попутешествовать по саванне или полазить по горам. Начальница основала экотуристическую базу на северо-западе провинции, на ранчо своего брата, Нильса Стивенсона. Об этом ты узнаешь через несколько недель после заключительного экзамена на права, когда тебя вызывают в кабинет Трейси и предлагают сесть, как и в первый день. Как можно тактичнее, все еще позволяя тебе чувствовать себя ценным сотрудником, Трейси рассказывает, что после смерти сначала старой миссис Стивенсон, а затем через год с точностью до недели ее мужа она заключила соглашение с братом. С таким же упорством, с каким члены семьи отказывались писать имя «Нильс» через «ie», настаивая на том, что ведут происхождение от викингов, Нильс отказывал сестре в каком-либо праве на долю семейной собственности. Уходя из рекламного агентства «Стирс, Д'Арси и Макпидиес», твоя начальница пригрозила брату судом. В конечном счете вопрос был урегулирован во

внесудебном порядке, что зафиксировало Туристическое управление Зимбабве, и Трейси смогла на нескольких акрах ранчо построить деревню. Соглашение предусматривало раздел земли в течение пяти лет с даты подписания. Однако, поскольку Трейси была слишком занята успехом агентства, в значительной степени обязанным местоположению деревни — рядом с источником воды, — раздел не состоялся.

Приняв официальные поздравления с получением водительских прав, ты узнаешь новости, которых давно ждала. Помимо статистического анализа и бронирования, ты теперь наконец-то будешь сопровождать клиентов как туроператор. В рамках плана ты должна нарастить столь необходимый потенциал, чем до сих пор занимались внештатники за неоправданное, по мнению «Зеленой жакаранды» и ее спонсоров, вознаграждение, поскольку в агентстве уже работают три штатных сотрудника на полной ставке. Глаза Трейси блестят, однако ничего не выражают. Если в решении задачи рационализации тебя ждет успех и все пойдет хорошо, тебя со временем повысят в должности: из менеджера проектов ты станешь менеджером туров. Трейси желает тебе удачи и уведомляет о трехмесячном испытатель-

ном сроке.

Ты берешься за новое задание, как будто работа — Бог, которого ты впервые увидела несколько десятков лет назад, когда попала в Методистскую миссию дяди. Живя у родственников, ты много ездила по стране, потому что во время каникул дядя воплощал в жизнь свою любимую идею: то, что человек видит, делает его более образованным. Семейные экскурсии всегда сопровождались его лекциями: гидроэлектростанция мистера Смита в Карибе, затонувшая деревня Тонга, чьи взбешенные духи подначили речного бога-змея съесть парочку итальянских инженеров, не говоря уже об их рабочих. Потом могила Родса в горах Матопо с видом на Булавайо, где когда-то находилось самое важное святилище Мвари, бога всех людей от Замбии и твоей страны до Южной Африки. Во время войны борцы за свободу под покровом ночи проводили там священные ритуалы очищения. Ее, как ты узнала, разыскивая материал для рекламы, молодые зимбабвийцы нынче кропят мочой как свою собственность. В детстве эти места обладали для тебя реальной магической силой. Она исходила от развалин, которые, когда ты посетила их впервые, назывались «Руины Зимбабве». Потом ты попала туда,

работая в рекламном агентстве «Стирс, Д'Арси и Макпидиес». Теперь репутация бывших руин восстановлена, и они называются «Великая Зимбабве». Повышение как будто распахнуло дверь времени, позволив тебе подзарядить среднего возраста душу энергичным «я» подростка. В прежнем человеке было великодушие, проистекавшее от наслаждения восторгами тех лет, когда поездки с Бабамукуру и его семьей убеждали, что ты такая же личность среди людей, как и все остальные, часть прекрасного мира. Ты упиваешься возрождением детской радости и, отправляясь туда, где не была десятки лет, хочешь передать ее туристам.

* * *

Водоем, выбранный Трейси для местоположения сафари «Зеленая жакаранда», пересыхает не так быстро, как другие популярные у туристов источники на выжженных песчаных равнинах северо-запада. К моменту твоего приезда вместе с клиентами он отступил всего на полметра от того места, где был берег, когда Стивенсоны купили землю. Но слоны еще бродят по воде, набирая воду в хобот и поливая себе спину, а с краю в восхитительной тине барахтаются буйволы. Ты быстро

привыкаешь к тому, что, собирая опросники у клиентов, каждый раз видишь максимальный балл при ответе на вопрос, как им понравилась «большая игра»[47].

У Стивенсонов очень красиво. Каждое утро, вспоминая в такие мирные минуты свою жизнь сначала в миссии, а потом в монастыре, ты бормочешь короткую молитву, благодаря за то, что, когда ты уже думала, будто потеряла всякую способность к возрождению или самосовершенствованию, тебе нежданно выпало такое счастье. В колышущейся бледно-золотой траве равнины таится неизъяснимое наслаждение. В изгибе коричнево-золотой шеи жирафа, в бархатных движениях губ, общипывающих листву, — неизбывный покой. Жираф стоит на фоне неба, такого сверкающе-синего, что на него невозможно смотреть. Львиный рокот, дуга слоновьего бивня, точный взмах крыла хищной птицы внушают благоговейный трепет, напоминая, что ты часть этой жизни. По вечерам, потягивая коктейли, вы ждете свежевыловленную, маринованную в соке сахарной сливы или ликере из марулы рыбу,

---

[47] Примечания: 47

Вид сафари без охоты, во время которого участники надеются полюбоваться представителями африканской «большой пятерки» (слон, буйвол, носорог, лев, леопард).

которую повар жарит на открытом огне. А для тех, кто засиживается допоздна, пока танцоры развлекают гостей на центральном газоне, есть мадора[48], матемба[49] и сорговое пиво. Зимой, когда даже солнце белое и стебли травы мягко покачиваются на ветру, у туристов перехватывает дыхание. Запах дыма от огня, на котором повар готовит еду, стелется над землей, а по вечерам вдали, над деревнями, где живут люди, словно восходящая полная луна, иногда тлеет красный ободок; так потрескивают и дымятся упадком их брошенные костры. В такие ночи небо пахнет домом. В проспектах говорится, и ты рассказываешь группе, что поселенцы из благоговейного страха назвали бескрайний вельд Страной бога. Туристы ахают, расспрашивают друг друга о каждом увиденном следе животного, о смешных навозных жуках, о водоеме, который имеет такой привлекательный вид, но в нем может таиться бильгарциоз. После обсуждения между собой они интересуются твоим мнением.

Так налет того, что мать со жгучим отвращением называла «английскостью», приобретенной

[48] Примечания: 48
Съедобный червь.

[49] Примечания: 49
Род сардин.

тобой в женском колледже Святого Сердца, наконец-то становится огромным преимуществом. Как приятно, хоть ты и подползаешь к среднему возрасту, пожинать плоды монастыря, который, дав тебе образование, сделал тебя «ими» — «они», «африканцы». Будучи менеджером тура «Зеленой жакаранды», ты еще в достаточной мере зимбабвийка, то есть африканка, чтобы представлять интерес для туристов, но не настолько странная, чтобы казаться угрозой. Ты легко общаешься с ними со своим англиканизированным акцентом, старательно его воспроизводя, хотя и коверкая некоторые дифтонги. Та, кем ты стала в конце длинного, извилистого пути, восхитительно загадочна, но в то же время знакома туристам, а это притягивает. Не там, где ты считаешь себя дома, не в бунгало и не в конторе на Джейсон-Мойо, но в дороге ты становишься звездой. Ты проводишь время с немолодыми женщинами в группах. Они привозят с собой сувениры, которые в знак благодарности дарят тем, с кем сталкиваются. Тебе достаются шоколад, длинные узкие шифоновые шарфы и маленькие флакончики духов. Фрау Бахман — они много путешествуют с мужем — особенно щедра, она прихватила вдобавок немецкое рождественское печенье, которое

настоятельно рекомендует тебе сохранить и разделить с родными. «Прелестно!» (Энтцюкенд!) — с восторгом восклицает фрау Бахман, когда ты рассказываешь, что раньше обладание священным тотемным животным, которое берегли и поэтому не ели, гарантировало безопасность. Если же тотемное животное все-таки съедали, то обязательно выпадали зубы, продолжаешь ты со смехом. Сегодня, однако, люди идут к травникам, которые дают лекарства, чтобы можно было есть все подряд. Ты объясняешь, что выражение, обозначающее инцест, буквально переводится как «поедание тотема». «Поразительно!» — кивают туристы. Ты в свою очередь записываешь немецкие слова, чтобы проверить их на двоюродном зяте.

В сезон туристы достают фотоаппараты и переводят целые катушки пленки, когда ты показываешь им дерево, в честь которого названо эко-сафари. На многих фотографиях твоя начальница — милая, но хитрая зимбабвийка скандинавского происхождения. Ты тоже на многих кадрах, перебравшихся через моря и океаны: несколько натянуто улыбаясь, стоишь под сиреневым пологом жакаранды или в тени акации на просторах саванны. Такой тебя и запомнят.

* * *

Вернувшись в контору после седьмого, особенно удачного сафари и ожидая повышения в турменеджеры, ты замечаешь в Трейси перемену. Она чаще уходит с работы к правительственным чиновникам в их кабинеты. После таких встреч становится неразговорчива, а если и говорит, то ограничивается короткими, отрывистыми фразами. Редко рассуждает о принципах. Сначала ты убеждаешь себя, что перемена в ее поведении вызвана натянутостью в отношениях с новым проект-менеджером, которую усилило твое отсутствие. Надеясь, что все именно так, ты целенаправленно, хоть и исподтишка, выискиваешь признаки разногласий между ними. Через несколько дней, что ты вкалываешь над опросниками и пишешь пространные отчеты по каждому аспекту тура — последнее порученное тебе дополнительное задание, — ты вынуждена признать, что причиной нового напряжения в конторе является не твой успех. Начальница и бывшая администратор по-прежнему составляют замечательную команду. Что еще хуже, предварительные результаты говорят о том, что количество туристов и отзывы о гетто Педзи

будут по меньшей мере такими же, как у тебя.

Поскольку официальное название проекта Педзи непроизносимо, во всех рекламных материалах он именуется «Туристическое гетто «Зеленая жакаранда». Он стал для клиентов практически бесплатной возможностью дополнить обычное сафари пребыванием в густонаселенном поселении и состоит из обзорной экскурсии, одной ночевки, завтрака и нескольких мероприятий на выбор перед стандартной программой.

Педзи понимает опасность слишком шумного успеха и старательно пытается ее избежать. Во-первых, когда ты по возвращении много рассказываешь о довольных клиентах, она ни на миллиметр не поднимает свои выщипанные брови. Обезоруживая всех проходящих женщин улыбкой, даже тех, кого Педзи теперь, в новом качестве бизнес-леди, считает ужасными, она следит за распрями в здании, не закрывая стеклянные двери фойе, когда стоит у стойки администратора, хотя это и против рекомендации начальницы и политики компании. Она улыбается даже молодежи, толпящейся в поисках поживы у переполненных городских мусорных баков. Педзи так хочет продвинуться, что, опережая график Трейси, бросает им пару местных

долларов на уборку мусора.

Однако со временем коллега не выдерживает великолепия своих перспектив. Несколько раз в неделю она обещает швеям, что скоро что-нибудь себе пошьет. А когда не приходит снять мерки, на их назойливые расспросы отвечает, что передумала и будет шить сестре. В конце концов она обещает все всем на всех этажах и не делает ничего. Тем не менее Педзи — пример того, как девушка из густонаселенных районов может стать удачливой деловой женщиной. Она по-прежнему чрезвычайно популярна. Трейси переживает из-за спонсоров, которые появляются без предупреждения и видят, что женщины, занимающие низкие должности, за их счет пьют кофе и едят самосу. Обитательницы же, идя на обед, начинают спрашивать сначала только Педзи, а затем всех вас троих, не принести ли на обратном пути капустного салата, самосы, угали или тушеного мяса.

— Эй, все! Гамбургеров? Салата? Самосы? — невозмутимо кричит Педзи на всю контору, передавая просьбу новообретенных сестер, которые либо звонят, либо приходят за заказом.

По мере того как первая поездка в гетто Педзи становится все ближе, она распространяет по

зданию информацию о скором улучшении своего финансового положения, отмечая, что выиграют все, поскольку, будучи членами коллектива, все участвовали в ее взлете.

Тогда сестра Май Гаму объявляет, что умеет делать восьмиэтажные свадебные торты, а в более богатой части Хараре у нее еще есть магазин свадебных платьев. Уставив на Педзи тусклый синий глаз, она просит ее разрекламировать клиентам «Зеленой жакаранды» и другим европейцам «Туристическое гетто» как оригинальное место проведения свадеб и признается в тайном желании: вот бы на свадьбе был шафер, и тогда она, отомстив своему благоверному, станет гражданкой Германии. Педзи берет визитную карточку и, не принимая на себя никаких обязательств, туманно обещает передать информацию, но, обсуждая это с молодыми швеями, клянется, что, когда ее клиенты приземлятся в аэропорту Хараре, она не вынет из кармана карточку Май Гаму, какой-то там гражданской жены политика.

«Туристическое гетто» набирает обороты, и с полдесятка бизнес-леди на верхних и нижних этажах выражают готовность принять до трех клиентов на ночь. Сестра Педзи, готовясь к проекту, выселяет из лачуг на заднем дворе шестерых

жильцов.

Все под таким впечатлением от талантов и характера Педзи, что хозяйка магазина «Королева Африки», а потом и другие молодые женщины начинают осторожно интересоваться, сколько стоит поездка на ранчо Стивенсонов. Педзи обещает поговорить с Трейси о скидках на Рождество, когда клиентура с севера не торопится, так что сезон как раз для местных.

— Эй, Педзи! — улыбается как-то начальница, когда на маленькой кухонной стойке уже накрыт обед из самосы, капустного салата, угали и тушеного мяса, который теперь заказывает Педзи, и вы предлагаете друг другу все попробовать. — Знаешь что? Как только прибудет твой тысячный клиент, мы повысим тебе зарплату. После десяти тысяч подумаем о ссуде на приобретение дома.

В тебе нарастает беспокойство, и ты соображаешь, как тоже привлечь тысячи клиентов. С мыслью об этом ты берешь в тур еще несколько групп туристов. Год заканчивается, начинается новый.

* * *

— Все бхо! Все бхо![50] — однажды утром поет Педзи во весь голос.

Ты вернулась с базы «Зеленая жакаранда», так и не придумав для себя ничего нового.

— Не «бхо», — огрызаешься ты. — «Бо». Французский.

Пятеро юношей, учившихся в дядиной миссии, болтали друг с другом по-французски — им нравилось, а кроме того, они хотели продемонстрировать свои знания, но потом правительство объявило, что такие знания и, как результат, панафриканское взаимодействие местным не нужны, и вымело язык из школ.

Ты приучилась сыпать разными сведениями в разговорах с коллегами, не имеющими отношения к турам, потому что, как и молодая сестра Май Гаму, хочешь, чтобы у тебя была тайна. Хочешь, как и юноши из миссии, показать свою ученость. И сейчас намекаешь на то, что образование, полученное тобой в миссии, выше того, что у коллеги.

— Мы собираемся в зале заседаний, — нетерпеливо блестя глазами, отвечает Педзи, на которую твое замечание не производит впечатления. —

---

[50] Примечания: 50
Отлично.

«Туристическому гетто» уже год. Потрясающе! Что дальше? Стану президентом этой страны. Королевой Англии. Или римским папой. Мы там подождем мисс Стивенсон. Все бхо! Все бхо! — поет она, выходя.

В зале заседаний ты ударяешься коленом о кованое железо. На юбке расплывается пятно крови.

Педзи сидит напротив, ее взгляд становится холодным и непроницаемым. Через несколько минут заходит начальница.

— Хорошо, что вы уже здесь, — говорит она.

Поставив сумку на стол и порывшись в ней, Трейси достает пакет апельсинового сока и бутылку игристого вина.

— Выпьем за Педзи. — Она ставит все на стол и начинает снимать с бутылки золотую фольгу.

Ты киваешь, испытывая ощущение, которого не знала уже много месяцев, — пустоту в матке.

Педзи уходит на кухоньку и через несколько минут возвращается с подносом, уставленным чашками, бокалами и несколькими круассанами из пекарни «Средиземноморье», прямо из холодильника.

— Спасибо, Педзи!

Трейси расставляет бокалы на столе и разли-

вает вино. Губы у нее поджаты, на подбородке маленькие рытвинки, напоминающие целлюлит, рот очерчен белой линией напряженных складок. Педзи стоит позади начальницы.

— А как там моя прибавка, мэм? — спрашивает она, делая вид, что это шутка.

— Ах да, — вспоминает Трейси. Она еще занята бокалами. Из одного пена проливается на стол. Кончики ушей начальницы краснеют. Наконец она выпрямляется. — Тысячный. Когда он зарегистрировался?

— Она… три недели назад, — отвечает Педзи.

— Вот доказательство того, что в принципе любой может достичь всего, если очень хочет. — Начальница поднимает бокал. Она смотрит на тебя, на коллегу, и глаза ее довольно блестят. — За Педзи! За королеву «Туристического гетто»!

— За Королеву гетто! И за «Туристическое гетто», — с сарказмом повторяешь ты.

Между ее словами и твоим отчаянием вино, запузырившись, вытекает у тебя из ноздрей. Ты задыхаешься и давишься.

Улыбка Трейси переходит в усмешку, затем исчезает. Педзи раздает бумажные салфетки.

— Бхо, — повторяет она, кланяясь. — Вы не хотите что-нибудь сказать о всемилостивейшей

прибавке?

— Это мы обсудим отдельно, — обещает Трейси. — Не волнуйся, я уже все оформила. Я помню все, о чем мы договаривались.

Ты поудобнее садишься на стуле, подсчитывая проценты и ежемесячные выплаты, прикидывая, будет ли теперь заработок Педзи превышать твой.

Трейси отодвигает бокал и приосанивается.

— Все лучше, чем ты думаешь. — В ее голосе слышится твердая убежденность.

Ее слова приводят тебя в ужас.

— В такие моменты, как сейчас, нужно следить за мячом. Возможности открываются повсюду, — кивает она, глядя тебе прямо в лицо и не моргая. Голос давит и давит на тебя. — Тамбу, Педзи показала путь. Направление, в котором нам надо двигаться.

Педзи кивает, точно как Трейси.

— Она мыслит вне парадигмы, — продолжает начальница. — Именно так мы все должны думать, если хотим использовать нынешнее время в этой стране. — Трейси замолкает и смотрит на тебя с легкой грустью. — У тебя было много времени, чтобы что-то предложить. Мы должны повысить эффективность нашей программы. И

вот я задумалась, взяв за основу идею Педзи. И решила, что было бы неплохо, если бы у тебя тоже был свой бренд, Тамбу.

Ты осторожно киваешь.

— Королева Тамбу. — Просунув ладонь под мышку, одну руку Педзи кладет на грудь, а пальцами другой принимается постукивать по столу. — Хм! Ты задумалась? И о чем же?

— Поэтому мы тут и собрались, — говорит Трейси.

Ты сцепляешь пальцы на коленях. У тебя потеют подмышки. Сердце бьется так громко, что ты почти ничего не слышишь. Не можешь ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Вообще-то, Педзи, совсем не похоже на то, что ты сделала, правда, — слышишь ты голос начальницы, когда удается опять подключиться к разговору. — Соревноваться с «Туристическим гетто» безнадежно. Я думаю не о городе. Что-то вроде ранчо, но не ранчо. Отдать дань уважения нашим корням. Откуда мы родом. Я думала, туда, в деревню, — продолжает начальница.

— Королева деревни. — Педзи, отодвинувшись на стуле, смеется. Под футболкой прыгает пирсинг в пупке.

Трейси делает глубокий вдох и пытается улыб-

нуться.

В наступившем молчании, когда до нее доходит, Педзи восклицает:

— Эй, но у нас нет деревни. Что значит деревня для Тамбу, если ничего такого нет?

Руки Трейси сжимаются в кулаки. Она с усилием разжимает их и через секунду кладет на стол.

— В чем дело, Трейси? — ворчит Педзи. — У нас есть ранчо. Она возит туда клиентов. Похоже, все были довольны.

Лицо Трейси бледнеет.

— Она все время туда ездила, — пожимает плечами Педзи. — Что тут нового? Как она может быть королевой твоего ранчо?

— У «Зеленой жакаранды» нет ранчо, — ровным голосом наконец произносит начальница.

Вы невольно переглядываетесь с Педзи, но тут же отводите глаза и, отвернувшись друг от друга, смотрите в стол.

— Иначе мы не выйдем из положения. — Трейси выдвигает подбородок. — Педзи, ранчо вообще-то не мое. С законами о наследстве у нас такие проблемы. Все есть на бумаге в принципе. Однако на деле может обернуться чертовскими трудностями!

— Но туда ездила группа. Всего месяц назад, —

возражает Педзи.

Ты молчишь в ожидании неизбежного.

— Я не могу вдаваться в подробности. — Трейси крошит круассан. — Ранчо… ну… «Зеленой жакаранде» ничего там не принадлежит. У Нильса… У нас с братом было соглашение. М-да, какой толк нынче в соглашениях? — Начальница подносит бокал к губам, но не пьет, а тянется к пакету и смешивает вино с апельсиновым соком. — Ну, там произошли неприятности. Разбойники… скеллемы[51], которые называют себя бывшими борцами или ветеранами… Они оккупируют рондавели. Устраивают настоящее сафари. И облюбовали нашу туристическую деревню! Похоже, затронуло не только нас. Там все стонут от их… набегов. Вот я и думаю, как нам жить дальше. И буквально на днях поняла, что безопаснее всего в настоящей деревне. Если мы сможем такую найти. — Начальница грустно усмехается. — Была ведь такая тактика во время войны, правда? Как бы ты из деревни. В целях безопасности.

Ты молча сглатываешь. Во рту пересыхает, а потом язык тонет в горькой слюне. Горожанка Педзи не знает тех ужасов, что пережили люди у

---

[51] Примечания: 51
Жулики.

тебя дома во время войны, того безумия, от которого не смогли убежать даже Майнини Люсия и Кири, и ты снова и снова чувствуешь его отрыжку из желудка на языке. Видишь ногу, она крутится на фоне синего неба. Женщина падает на песок и колючую траву. Это ранена твоя сестра. Нет, это ты сама.

Когда ты мыслями возвращаешься в зал заседаний, Трейси и Педзи спокойно обсуждают положение «Зеленой жакаранды». Ты понимаешь, что хоть гиена и смеется, но звук только у тебя в голове.

— С тобой все в порядке, Тамбу? — спрашивает Трейси.

— Что они сделали? — шепчешь ты, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Кожа натягивается так, что вот-вот отойдет от костей, но ты только улыбаешься. — Войска уже подтянули?

— Успокойся, Тахмбуу, — отвечает начальница почему-то опять с родезийским акцентом и кладет руку тебе на локоть. — Нет, армии скорее всего не будет. В принципе все они одним миром мазаны. Включая тех, с кем я встречалась по поводу лицензии. Тем не менее, с учетом обстоятельств, все не так плохо. Нильс! — вздыхает она с заметным раздражением. — До него наконец-то

дошло, как здесь все работает. Он не размахивает винтовкой, а разговаривает с ними. Слава богу, забил на героизм Стивенсонов. — Приводя в порядок мысли, Трейси замолкает. — И, кажется, они навели тут справки. О том, кто мы и чем занимаемся. Говорят, Линдиве Нгвенья их человек. А еще Моэцаби. Вы же знаете, как бывает. Чего только не говорят! Но паниковать смысла нет. Пока все в порядке. В общем-то то, что мы имеем, не оптимальный вариант. У нас не было возможности все как следует контролировать. Просто не все умеют разговаривать с людьми. На месте я бы все уладила.

— Невозможно. С ними нельзя разговаривать. Раз они решили, то возьмут и сделают, — вяло произносишь ты, вспоминая слишком много такого, о чем вспоминать не хочется.

Ты допускаешь, что Трейси может многое, она доказывала это неоднократно, но ты понимаешь, что и она не в силах справиться с борцами за освобождение, если они скажут: «Смотрите, мы идем».

— Что невозможно? — спрашивает Педзи, крепче сжимая руки и стискивая губы, потому что в городе еще не появились военные лагеря. — Что ты хочешь сказать?

— Надо договариваться, — огрызается Трейси. — Разговаривать. Очевидно, она это имела в виду. Таахмбудзахи, перестань. Педзи права. А то ты начинаешь пыхтеть, как мой брат. — Начальница собирается с духом и резко продолжает: — Если у Нильса хватит ума правильно разыграть карты, может, и обойдется. Я про ранчо. Но сейчас нам все равно. Мы должны найти новое место. Быстро. К следующей группе.

Педзи обхватывает голову руками, сообразив раньше тебя.

— Да все хорошо, — продолжает Трейси. — Я уже говорила со спонсорами, им нравится мое предложение. Ты из деревни, Тамбу. Ты ее олицетворяешь. И можешь, если готова, основать бренд, подобный тому, что мы создали на ранчо. На сей раз в деревне.

— Королева деревни! — фыркает Педзи.

Трейси поднимает бокал шампанского за «Зеленую жакаранду».

— За «Зеленую жакаранду». Вечнозеленую. Что бы ни случилось!

— За «Зеленую жакаранду», — повторяешь ты.

— И за Королеву деревни, — заключает Педзи.

Вскоре совещание заканчивается. Пока вы убираете посуду, ты, набравшись духа, уведом-

ляешь начальницу, что не можешь дать ответ сразу. Тебе, мол, нужно время подумать, готова ли ты взять на себя ответственность за новое дело. Трейси кивает с бóльшим сочувствием, чем обычно, но просит тебя не раздумывать слишком долго. В ее голосе слышится облегчение. Когда в зале заседаний наведен порядок, Трейси зовет Педзи к себе в кабинет. Педзи выходит с довольным видом. Выражение ее лица подталкивает тебя к принятию решения.

Потом начальница приглашает тебя. Она выражает надежду, что у тебя было достаточно времени подумать, и спрашивает, что ты решила.

Ты молчишь.

Начальница нетерпеливо улыбается.

— Как я понимаю, это знак согласия, — говорит она и продолжает давить: — Нам нужно придумать название. Свежий воздух, сафари, пространство. Все есть и там, и там. Но деревня все-таки не ранчо. Меньше шика. Нужно придумать новый манок. Название должно быть… Должно звучать как шаг к первозданности. Нужно объяснить клиентам, что там они глубже поймут Африку, вообще все поймут, но поездка также безопасна.

— Зеленое, — выдыхаешь ты.

У начальницы скучающий вид. Ты почти этого не замечаешь. Мозги у тебя кипят, и через секунду ты добавляешь:

— Эко.

— Зеленое и эко одно и то же, — отклоняет Трейси. — В любом случае у нас все это уже есть, везде. Везде зеленая жакаранда и эко! Но «деревня» тоже не годится. Такие посулы сегодня не работают. Должно звучать весело, нам не надо про развитие, эрозию и микрофинансирование. Вот тебе задание, Тамбудзай. — Ее произношение вдруг улучшается. — Ты всегда хорошо шла по литературе. Неудивительно, что гениально писала рекламные тексты.

Ты обещаешь придумать что-нибудь к завтрашнему утру.

— Хорошо. — Трейси берет папку. — Вот концепция. Ночью напечатала, не могла заснуть. Посмотри, обсудим. Если у тебя уже появились какие-то вопросы, спрашивай сейчас. Перед уходом расскажи, что надумала.

— После обеда, — обещаешь ты, все еще нервничая, но твердо решив не упускать новый шанс на победу.

— Хорошо, — кивает начальница. — Надо под-

готовить на следующий квартал.

Идя к выходу, ты листаешь папку. Сам собой, как будто он живет своей жизнью, слоган высвечивается у тебя в голове. Ты продолжаешь переставлять ноги и одновременно присматриваешься к нему.

— Транзит. — Ты останавливаешься на пороге.

— Что? — рассеянно спрашивает начальница, открывая календарь. — А-а, транзит, — повторяет она, на мгновение поднимая глаза. — Да, транзит. Похоже, то, что мы ищем.

— Сафари «Зеленая жакаранда», как было. Это мы оставим как бренд. — Ты все больше возбуждаешься, тебя несет. — Но здесь будет Деревня Эко-Транзит! Чиманимани, водопад Пунгве, долина Хонде — фрукты, они будут в восторге. ДЭТ, точно! Везите ДЕТей в ДЭТ! Представь себе только в проспектах.

— Только вот что делать с немецким? Шведским? Датским и итальянским? — спрашивает начальница. На секунду задумавшись, она принимает решение: — Ладно, слоган можно оставить на английском.

Трейси листает календарь и переключает телефон на громкую связь. Ты уходишь, тебя переполняют эмоции, которых так долго не хва-

тало, — удивительная радость от понимания того, что ты хорошо выполнила поставленную задачу.

Глава 19

Через несколько дней ты садишься в свою лиловую машину. Через три года ты получишь право выкупить ее за десять процентов нынешней стоимости — таковы правила компании. Ты счастлива оттого, что в результате твоего повышения в менеджеры ДЭТ-туров Педзи стала ниже тебя, она уже не номер два в конторе. А еще лучше, что именно тебе, а не бывшему администратору, как ты все еще называешь ее про себя, купили машину.

Ты любуешься собой в зеркале заднего вида, предвкушая торжественное прибытие в деревню. Едешь по Самора-Машел-авеню, получая удовольствие от лиц пешеходов и водителей машин, перепроданных по третьему и четвертому разу, все они ниже тебя. Сейчас все находится в движении, от бывших вояк до капитала, скорость — достоинство, и такие машины, как лиловая «Мазда», автоматически получают преимущества на дороге, если только не встретится более мощный двигатель, покруче. Маленькие машины, велосипедисты, люди отскакивают при твоем опасном приближении. Прежде чем тебе нажать

на газ, сердце жестко улыбается.

Трое школьников, когда ты на них наезжаешь, отпихивают друг друга и, закрыв рот руками, застывают. Человек на обочине делает шаг с проезжей части на гравий. Он слишком поздно тянется к «Мазде» и хватает лишь воздух. Старуха, которую он хочет спасти, уже отскочила на безопасное расстояние. Она прыгает на островке посреди дороги, как участница чемпионата мира для пожилых горожан во время разминки. Когда ты гудишь, она обхватывает столб светофора. Подивившись такой тупости, ты проносишься по ее платку, упавшему на асфальт.

Потоки машин текут по боковым дорогам. Стрелка спидометра колеблется на циферблате. Мутаре-роуд сужается до одной полосы. Поля тянутся за горизонт. От восторга ты с беспечностью неопытного водителя сильнее давишь на газ. Несешься наперегонки со своей жизнью. Через час с обеих сторон громоздятся горы. Через два часа вместо обычных трех ты шуршишь колесами по камням и рытвинам, по дороге к родному дому.

С одной стороны из земли торчат худосочные призраки — на самом деле кукуруза. Спереди и сзади, как мишура поп-звезд, слюдой, кремнием и кристаллами блестит земля. За годы, что ты не

была здесь, здешние горы полысели, как голодающие старики. Чуть дальше насупленными бровями хмурится серый гранит Ньянги. Ты задерживаешь дыхание, здороваясь со стражами твоего прошлого, отгоняя сожаления об обстоятельствах, которые привели тебя сюда, как и о том, что ты делаешь. Ты выкручиваешь руль, объезжая канаву, и заставляешь себя сосредоточиться. Перекатываются продукты в багажнике. Предвкушая эффект, которой произведут подарки, ты настраиваешься на предстоящую встречу.

В деревне больше домов, чем осталось у тебя в памяти. Когда ты едешь мимо, дети с приплюснутыми носами сползают с грядок, где растут земляные орехи и тщедушные тыквы. Сверкая мозолистыми подошвами, они бегут за тобой и хором кричат:

— Мауйя, Мауйя! Мауйя не-Ма-зи-да! Ты приехала! Добро пожаловать, ты приехала на «Мазде».

Солнце палит клоки их волос. Мальчишки танцуют, ноги их сереют от пыли, что стекает с колес твоей машины. Она, мерцая, клубится над землей и у детских ног. Мелькают пальцы. Извиваются руки. Следом за тобой топают маленькие ноги.

Ближе к дому, у общего крана рядом с семейным колодцем, подростки колотят друг друга

банками с растительным маслом и ведрами с пестицидами, пихаются локтями. «Мазда» грохочет мимо дерущихся.

— Кто это? — кричит девочка, отвлекаясь от драки.

— Мурунгу, — отвечает другая.

— Нет, это человек. — Первая оборачивается, чтобы лучше рассмотреть машину. — Э-э, да еще женщина.

— Какая разница. Денег, денег, дай нам денег! — кричит тощий мальчишка, отшвырнув ведро с водой и бросаясь на дорогу.

К нему присоединяются друзья, пополняя детский эскорт.

Ты часто мечтала об этой минуте. Ты готова. На пассажирском сиденье рядом с тобой огромный пакет сладостей. Парой конфет ты подкрепилась по дороге. Теперь зачерпываешь целую пригоршню. Ириски, эклеры, леденцы летят в окно, и позади машины опять начинается драка.

* * *

Возле отчего дома спят собаки. Разбухшие языки вывалились на землю. Собаки тяжело, мелко дышат, ребра раздуваются, как капюшон кобры, но мягкие колебания не мешают мухам,

жужжащим над собачьими язвами. Ни один пес не тявкает на колеса «Мазды», не лает, предупреждая хозяев. Машина останавливается под старым манговым деревом, теперь оно скривилось и поникло, а десятилетиями стояло на страже семьи, бдительно следило за приездами и отъездами.

Когда стучит дверца машины, одна собака на секунду открывает глаз, шевелит ухом, пару раз ударяет по песку хвостом и снова впадает в забытье. Никого нет, ты опять открываешь дверь и нажимаешь на клаксон. Тут собаки подбегают и обнюхивают колеса.

Наконец из-за амбара, вытянув шею, выглядывает женщина.

— Эво! Свикай![52] — окликает она, совершенно тебя не узнав.

Ты долго моргаешь.

— Май, — говоришь ты, настолько потрясенная, что забываешь подойти к ней.

Она в несколько раз меньше, чем ты ее помнишь, даже кожа, кажется, съежилась вместе с ней, правда, каким-то образом сохранила общую массу, так что либо свисает, либо раздалась, как

---

[52] Примечания: 52
Здравствуйте, проходите.

у толстокожего животного.

— Май, — повторяешь ты.

Ты понимаешь, в том, что мать тебя не узнала, для тебя ничего хорошего нет, и быстро проходишь вперед, чтобы она не успела сказать ничего неприятного.

— Май, я вернулась. Я приехала.

С этими словами ты опускаешься перед ней на колени.

Мать, готовясь к помолу, отделяет кукурузные зерна от початков. Очищены всего несколько. Еще один в ее руке весь в зернах, кроме пары вынутых рядов. Полиэтиленовая пленка рядом с ней завалена нетронутыми початками. Плетеный поднос на коленях почти пуст. Она думает о другом, не о том, что делает. Ты помогаешь ей поставить поднос на землю. Помощь не нужна, но мать позволяет себе помочь и на мгновение кладет тяжелую голову тебе на шею. Выпрямившись, она снова становится женщиной, которая тебя вырастила.

— Эво, Тамбу, — здоровается она с тобой. — После стольких лет. Много лет прошло, правда? Если бы матка приняла, губы сказали бы, что ты бог весть откуда, просто странница, приехала в гости. Только матке виднее.

Ты сглатываешь отчаяние, улыбаешься и снова обнимаешь ее. Терпение — и оружие, и победа. Часто ты им пользовалась в жизни? Будь что будет, догадываются местные или нет, но скоро ты станешь королевой деревни.

— Пойдем в дом, ребенок, — смягчается мать, почувствовав резкость в своих словах.

Опираясь руками, она осторожно становится на колени. Пальцы скребутся о землю, как когти. Суставы толстые, будто луковицы для посадки. Держась за доски амбара, мать встает, содрогаясь всем телом.

— Тебе некому помочь, Май? — спрашиваешь ты, поддерживая ее за плечо.

— Некому помочь? А ты разве никто? — огрызается она.

Ты просовываешь руку ей под мышку. Она наваливается на тебя.

— Ладно, угали еще сделаю, — смягчается Май, когда боль в суставах чуть отпускает. — Очень больно заниматься кукурузой и доить. И огород. Благодарю Бога, что твоя сестра Нецай прислала мне девочек. Они готовят и убирают. Ходят за водой к колонке дальше по улице и стирают в реке. — Консепт, Фридом, — зовет она, когда во двор входят две девочки, неуклюже удерживая

на голове большие охапки веток.

Они кидают ветки на подставку возле кухни и, украдкой бросая на тебя косые взгляды, подходят, сцепив маленькие пальцы и натыкаясь друг на друга.

— Как вы ходите? — ворчит Май. — Вы должны бегать. Это ваша мать. Та, у которой две ноги. Ее так долго держали в Хараре, что мы уже думали, будто с ней что-то случилось. Это ваша майгуру, Тамбудзай, та, что приехала раньше вашей матери.

Девочки хихикают и ускоряют шаг. Вы обнимаетесь. Когда ты отходишь, чтобы рассмотреть их, тебя поражает семейное сходство. Хочется прижать их к себе, наобещать всякой всячины, что их жизнь никогда не будет похожа на твою, что не нужно будет, как их матери, идти на войну. Ты стоишь как вкопанная, зная, что, только неуклонно двигаясь вверх, сможешь превратить свои желания в обещания, которые тебе удастся сдержать. Девочки робко улыбаются.

— Мозамбийки, — пренебрежительно бросает Май.

Племянницы опускают головы.

— Это мы в войну поняли, — равнодушно продолжает мать. — Пока одни воевали, другие

рожали. Правда ведь, мозамбийки?

Девочки жмутся друг к другу.

— Разве мать родила вас не за границей? — продолжает сипеть Май. — Когда все считали, что она воюет? Как можно воевать с одной ногой? Что она могла там навоевать? Чего удивляться, что мы до сих пор так живем, когда все только этим и занимались, что бы нам ни твердили.

— Мы родились в Мозамбике, — кивает Консепт, старшая. Она ухмыляется, как дети, недавно ставшие подростками, когда их все еще обижают. — Чего все время говорить. Те, кто родился в Мозамбике, вернулись, как и остальные.

— Если бы я знала… — Мать грозит кулаком истории твоей страны. — Если бы я знала, что творится в Мозамбике, моя дочь не потеряла бы ногу. За что? Вот за это? Ни за что!

— Ты звала, Мбуйя? — спрашивает внучка, мягко меняя тему.

— Никого я не звала. Ничего не случилось, — пожимает плечами Май и поворачивается к кухне. — Я в дом. Девочки, покажите тетке, куда идти. — Голос становится тоньше. В словах пульсирует тревога, которую она не может скрыть. — Если что-то надо перенести, тетка вам скажет, возьмите.

И мать направляется к кухне.

Ты ведешь племянниц к машине и снимаешь с заднего сиденья брезент. Разлетается пыль. Ты даешь ей осесть в легкие. Радости не осталось никакой. Девочки хмуро, уныло несут продукты в главный дом.

* * *

— Перенесли продукты? — спрашивает Май, когда вы присоединяетесь к ней на кухне.

— Да, Мбуйя, — осторожно кивает старшая, Консепт, устраиваясь на тростниковой циновке слева от входа, где вы все топчетесь, поскольку вы женщины.

— А где Баба? Как он? — спрашиваешь ты.

— Нормально. Масло? — уточняет Май.

— Масло! — подтверждают внучки.

— Свечи?

— Тоже, — кивают девочки.

— Аккуратно перенесли маргарин?

С минуту она думает только о необходимых продуктах, которые могли не привезти, и ее глаза коротко вспыхивают, но тут же гаснут.

— Наконец-то, Тамбудзай, — тихо сопит она. — Ты перестала поедать все в одиночку. Вспомнила, что у тебя есть семья. Мы чуть не умерли с голоду,

пока ждали.

— А Дамбудзо? — спрашиваешь ты. Твоя злость на колкости матери так слаба, что ты сама ее не замечаешь, продолжая улыбаться. — Ты что-нибудь слышала о своем последыше? Твой сын шлет посылки домой из Америки?

— Из Ирландии, он сейчас в Ирландии, — говорит мать, будто это служит объяснением. Вроде как нечего ждать помощи от брата, ведь ирландцев Господь наградил не так щедро, как американцев.

— Значит, надо поблагодарить мою начальницу, — продолжаешь ты, заводя разговор, ради которого приехала домой. — Хорошая начальница, та, на кого я работаю.

Май делает вид, что не слышит.

— Консепт, Фридом, — ворчит она, — что вы тут торчите? Не пора ли угостить человека с дороги? Или вы думаете только о том, как самим набить животы? Идите в дом, принесите что-нибудь для тетки.

Девочки медленно выходят за рисом и овощами для тушеного мяса, ставшим новым высокоуглеводным лакомством у модниц.

— Мисс Стивенсон, — быстро продолжаешь ты, когда племянницы исчезают. — Так ее зовут. Она

привела меня туда, где я сейчас работаю. После стольких лет, Май, у меня появились кое-какие возможности. Поэтому я смогла сейчас приехать, спустя долгое время. Дело не в том, что я забыла породившее меня чрево, а в том, что я не знала, как к нему вернуться.

— Значит, неправда, — презрительно сопит Май.

— Что неправда, Май?

— Все время мы только и слышали, что ты не работаешь. Трепались, твой диплом просто листок бумаги, лежит и тихо гниет. Я тоже думала, это просто бумага. А как там моя дочь? Даже когда Люсия передавала мне про тебя самые скверные новости, я не думала, Тамбудзай, что моя дочь какая-то бумага, которую исписали и дело с концом. Я говорила, моя дочь не может просто так сидеть и гнить.

Консепт и Фридом проползают в низкую дверь с маленькими плетеными корзинками на локтях.

— Кто та подруга вашей матери? — спрашивает Май у принявшихся за работу девочек. — Та женщина, вместе с которой воевала ваша мать? Которая обещала помочь вашей матери найти ногу? А потом растворилась в Хараре у родственника-бизнесмена или кем он там был.

Скажите, — требует Май. — Она из другой деревни, иначе я бы помнила. Консепт, Фридом, она воевала вместе с вашей матерью и моей сестрой Люсией.

— А, да! Майгуру Кири, — улыбается Консепт, очищая луковицу.

Фридом отодвигает эмалированную тарелку с помидорами и, вскрыв сломанным ножом пакет риса, высыпает зерна в сито.

— Да, тетя Кири, — кивает она, переведя взгляд с Май на рис, и начинает его перебирать. — Знаете, майгуру Кири родом из Дженьи, что прямо под священной горой. Когда мы были маленькими, она часто приходила сюда. Потом уже реже.

— Так вот с ней, — продолжает Май, — я послала тебе немного кукурузной муки. Но узнав, что происходит, я сказала: «А-а, теперь Тамбу ее есть не будет». Пусть та Кристина сама ее и приготовит.

В наступившей тишине ты еще сильнее ощущаешь запах дыма от очага. Забытые запахи цепляются за годы, смешиваются с дымом — легкая навозная затхлость с пола, люди, которых ты когда-то знала, их пот, непонятный мусор, влажная, медленно обугливающаяся луковая и томатная кожура.

— Поторопитесь, девочки, — говорит Май и, содрогнувшись, встает. — Тамбудзай, ты пойдешь со мной. Хотя он больше не приезжает… — ворчит она и снова морщится. — Хотя твой дядя после несчастья не покидает миссию, он дал нам всего одну комнату в новом доме, который построил на участке. Так что тебе придется спать в старом доме. С племянницами.

— Ничего страшного. Когда мы все сделаем, то построим собственные дома, — обещаешь ты, выходя следом за Май из кухни.

Впервые ты веришь своим словам.

— Ты разве мужчина? — Мать отвергает даже мысль об этом. — Разве не твой отец должен был построить дома? Если он не может, с чего ты взяла, что ты больше него? В любом случае, — продолжает она тем же бесстрастным тоном, без паузы, — давай посмотрим, найдется ли еще матрас в задней комнате старой развалюхи. Вы положили продукты у входа, да? Кто сегодня заходит в заднюю комнату, если вы кладете все сюда? Девочки спят в боковой комнате, поэтому, если что случится, они сразу позовут отца и меня. Посмотрим, не оставили ли чего крысы.

Мать двигается медленно, так что у нее больше времени на разговоры.

— Кто такая Стивенсон? — спрашивает она, довольная впечатлением, которое производит на тебя ее бдительность. — Мы знаем ее семью? Они из тех наших белых людей, которые занимаются у нас сельским хозяйством?

Ты медлишь. Май останавливается.

— Белые люди — проблема, — продолжает она. — С ними можно работать, только если их знаешь. Вот почему мы предпочитаем иметь дело со своими. Ты должна хорошо знать эту Стивенсон, чтобы работать с ней, дочь. Будь хитрее. Если ее семья не отсюда, откуда ты можешь ее знать? А она, что ей от тебя нужно, если она тебя не знает?

Мать с трудом поднимается по лестнице, ведущей в старый дом.

— Май, я бы так не сказала, — возражаешь ты. — Не со всеми так.

— Понятно, — фыркает она. — Брось, кончай раз и навсегда.

— Я знала ее шесть лет, — говоришь ты, решив, что лучше не выкладывать всю правду.

— А-а, она была одной из тех белых в миссии твоего дяди. Одна из миссионеров.

— Не совсем. Я знаю ее по женскому колледжу Святого Сердца. Мы учились в одном классе.

— Ох-хо, — вздыхает Май. — Теперь припоминаю, где и когда я слышала это имя. Значит, все так, как я и думала. Ты приехала сюда, чтобы опять сходить с ума по белым людям, Тамбудзай. Разве не поэтому ты так долго была никем, не потому, что их слишком много? Оставь их. Иди и найди свое. Вот что я тебе скажу.

Май прокладывает себе путь мимо продуктов в передней комнате старого дома и неторопливо, с довольным видом рассматривает пакеты.

Матрас в задней комнате не так уж и плох, не видно ни блох, ни личинок. Когда комната становится обитаемой, успокоенная Май уходит, пообещав прислать Фридом, чтобы та стерла пыль с поверхностей и вымела помет грызунов из-под тумбочки. Она идет в боковую комнату, где живут девочки, и через минуту возвращается с одеялом.

Оставшись одна, ты осторожно, медленно садишься на железную кровать. Ясный свет становится темно-серым. Ты зажигаешь одну из свечей — ее пламя трепыхается. Химическое вещество, из которого сделана свеча, воняет и раздражает тебя, хотя на упаковке утверждается, что они не чадят. В трепещущем свете бордовый цвет потертого коврика, покрывающего груду

хлама в углу, спекается и сгущается — так обычно появляются духи. Исходящий от него запах старья неприятным воспоминанием безжалостно проникает в ноздри.

Коврик, будто намасленный, скользит между большим и указательным пальцами. От лохмотьев, которые пощадили крысы, поднимается затхлость, скорее от ветхости, чем от плохо вымытых тел. Ты собираешься отойти от разлагающейся кучи, но внимание привлекает тусклый блеск. Из линялой тряпки, которая когда-то была ярко-синей вышивкой, торчит нитка. Приподняв ее, ты узнаешь герб на нагрудном кармане, а спустя мгновение — свой пиджачок из женского колледжа Святого Сердца.

Он лежит на рваных плетеных босоножках материного размера. Почти невероятно, их ты тоже помнишь: подарок, посланный домой с родственником, когда ты начала работать в рекламном агентстве.

Заскорузлые, лопнувшие пластиковые туфли лежат на твоем старом школьном сундуке. Сбитая черная эмаль шелушится похожей на рваную змеиную кожу белой краской. Наклонившись, ты читаешь: ТАМБУДЗАЙ СИГАУКЕ. Ниже адрес: женский колледж Святого Сердца, сектор 7765,

Умтали.

Твое тело коченеет, и ум покидает его. Тебе хочется перебежать двор и запрыгнуть в машину. Но ты поклялась себе идти вперед. Тебе кажется, что все затягивает черная дыра, и туловище вибрирует. Ее сила стелется по полу, струится по воздуху, поднимается по стенам и проникает внутрь, через секунду ты уже не можешь сказать, это ты — коробка или коробка — ты. Черная дыра требует того, чего, ты уверена, у тебя нет.

Старые запоры открываются, стоит к ним прикоснуться. В видавшем виды сундуке на другом бордовом пиджаке — он в лучшем состоянии и больше размером — лежит теннисная ракетка без струн. Из-под нее, как из гортани, высунулись язычки полинялых теннисных туфель. В самом низу под юбками и кофточками аккуратно завернутые в рваные, но чистые полиэтиленовые пакеты с десяток или больше тетрадей.

Ты перерываешь кучу, вытаскиваешь наугад тетради, не возвращая их на место. Из сундука поднимается едкость минувших десятилетий: девушки в кружевных перчатках и вуалетках на воскресной мессе, тяжелые деревянные столы, белые матерчатые салфетки в серебряных кольцах, постоянное напряжение от неизвестности:

ты та, кем должна быть, или нет? — и борьба за утвердительный ответ на вопрос, и ее тяжкие последствия.

* * *

Поднимается Фридом, но не убираться, она зовет тебя есть. Девочкам не терпится наброситься на еду, приправленную ароматной томатной пастой и чесноком, — настоящее лакомство. Как только ты входишь, тебе пододвигают миску с водой.

Не успеваешь ты сделать и нескольких глотков, как из оврага доносится песня.

— Чемутенгуре! Чемутенгуре![53] — хрипло выводит певец.

Твоя мать, Консепт и Фридом не обращают внимания.

— Чемутенгуре! Чемутенгуре! — решительно продолжает певец.

— Баба, — выдыхаешь ты в отчаянии. — Он.

Девочки украдкой смотрят на бабушку. Май продолжает есть, как будто никто не пел, как будто ничего не было сказано, как будто ничего не произошло.

---

[53] Примечания: 53
Первые слова детской песни.

Ты не в силах впихнуть в себя ни крошки.

— Продолжай. Ешь дальше, — пожимает плечами Май. — Он. Наверно, кто-то сказал ему, что у нас гости. Он даже не знает кто. Но оголодал и понял, что что-то будет.

Со двора доносится глухой стук. Никто не двигается. Ты тоже продолжаешь есть.

— Было бы неплохо, — говорит Май через некоторое время, — если бы эта Стивенсон, на которую ты работаешь, помогла тебе сделать ногу для твоей сестры.

Она замолкает и со свистом всасывает застрявший между зубами кусочек хряща.

Май, словно проигрывая местную поговорку о том, что нечего терять аппетит из-за чужих печалей, берет еще один кусок мяса. Девочки же очень сильно расстраиваются из-за напоминания о положении своей матери. Они сидят, не двигаясь, едва дыша, положив жирные руки на колени ладонями вверх.

Ты думаешь пообещать матери ногу, которую она надеется раздобыть для твоей сестры, — как бы бартер в обмен на проект, с которым ты приехала. В ожидании удобного момента зачерпываешь горсть риса и овощей, опускаешь глаза и делаешь вид, что с удовольствием ешь.

— Моя дочь кончила одной ногой, хотя начинала двумя. — Май наклоняется и потирает голень. — Одна нога и двое детей, Тамбудзай. Не очень прибыльная математика. Поэтому дети необразованны. Числа неправильные. Нецай не могла работать. Ты ничего не присылала. Те, за кого наши девчонки воевали, презирали и ненавидели их мать. Разве она не была очередной мозамбикской шлюхой, которая, говорят, даже пила кровь и ела мясо, занимаясь своим шлюшьим делом? Хоть правительство и отменило плату за обучение, на что нам покупать учебники и школьную форму? А теперь школьные поборы называют мобилизацией, принимая нас за детей. Вот что должна сделать твоя белая женщина. Мы едим то, что она прислала. Но так не выжить. Она должна помочь тебе получить ногу для сестры.

— А где ты думаешь найти ногу для моей матери, Майгуру? — взволнованно спрашивает Фридом.

— Иве, Фридом. Май никогда не вернет себе ногу, — отвечает Консепт. — Зачем что-то делать? Она хорошо управляется с палкой. Если бы кто-то хотел дать ей ногу получше, мы бы ее уже увидели. Так почему же все задумались только теперь?

Она берет кусочек угали, но не обмакивает его в подливку, не кладет в рот, а тянется к миске с водой и, проведя языком по зубам, чтобы снять кусочки еды, пододвигает миску Май, которая ополаскивает руки.

Девочки перекладывают объедки из одной тарелки в другую. Когда с этим покончено и посуда убрана — мыть ее будут на следующее утро, — они встают на колени на пороге кухни и соединяют руки в почтительном беззвучном хлопке.

— Спокойной ночи, Мбуйя. Спокойной ночи, Майгуру Тамбу. Спасибо, Майгуру. Мы поели. Мы сыты. Мбуйя, нам пойти посмотреть, как там Секуру?[54]

— Как хотите, — пожимает плечами Май.

Ты прикидываешь, как быть, и предпочитаешь выиграть время, чтобы все обдумать:

— Ну, пора спать.

Перейдя через двор к дому, ты останавливаешься, чтобы еще раз пожелать спокойной ночи племянницам. Возле «Мазды» лежит какая-то куча. Как и племянницы, не обращая на нее внимания, ты убеждаешь себя, что там тень.

— Я думаю, ваш дедушка вернулся туда, откуда

---

[54] Примечания: 54
Дедушка.

пришел, — говоришь ты.

— Да, иногда он так делает, — тихо отвечает Консепт.

После такого разговора лучше сразу заснуть. Ты не рискуешь выйти почистить зубы, а прополаскиваешь рот водой из бутылки и выплевываешь ее в заднее окно.

* * *

В предрассветные часы почти круглая луна набирает полную яркость. Ее свет разливается по корзинам и коробкам в гостевой комнате, превращая тени в призраки детства — извивающихся змей и крадущихся гиен.

— Чемутенгуре! Чемутенгуре! — вопит твой отец севшим голосом.

В полудреме ты неподвижно лежишь на постели.

— Чаве чемутенгуре вири ренгоро.

Мукадзи вемутсвайири хашайи дови!

Катится колесо повозки.

У жены возницы всегда есть арахисовое масло! — свирепо рычит отец, словно выплескивая личную обиду на всех мужей, у чьих жен есть что намазать на лепешку.

— Дови! Арахисовое масло! — кричит он.

В большой комнате раздаются шаркающие шаги.

— Я забыла поставить ему к кровати угали, — шепчет Фридом, которая как младшая должна была помнить.

— Поделом тебе, если он тебя побьет. Ты слишком лихо жевала мясо Майгуру, — тихо отзывается Консепт.

— Иди к нему. Я сейчас все сделаю, — шипит в ответ Фридом.

Скрежещет засов входной двери. Скрипят петли. Дерево нижним краем скребется по полу.

Консепт хрипло смеется, забыв, что нужно говорить тихо.

— Надеюсь, ты что-нибудь оставила. Иди и возьми, не волнуйся. Скажи Мбуйе, что он еще спит, а ты только вспомнила. Но проверь. — В ее голосе все больше жизнерадостности. — Куда он собирался? Он упал прямо на «Мазду» майгуру.

К тому времени, как ты выскакиваешь, завязывая на поясе замбийскую юбку и заправляя в нее торопливо наброшенную футболку, отец уже отошел от машины и раскачивается под сигизиумом с краю центрального газона.

Спешит и Май, тоже завернувшись в ночную одежду, замбийская юбка уже намотана поверх

выцветшей нижней, ночной платок небрежно повязан на голову. Фридом, виновато понурившись, на некотором расстоянии идет следом.

— Ви-ви-вири. Что я такого сказал? О, вири, я сказал вири, пожалуйста, вири, вири[55], — стонет отец, утихомириваясь, когда вы все подходите к нему. Он оглядывается и машет рукой в сторону машины. — У жены возницы? Нет. Нет, не у жены. Нет, это у отца возницы всегда в достатке арахисовое масло. Арахисовое масло! У отца оно всегда есть, арахисовое масло.

Май беспощадна.

— Колеса! — кипит она. — Какие еще вири? Единственное, что тут крутится, дурная ты тряпка, это твоя голова.

Отец, шатаясь, идет к тебе.

— Это ты, дочь моя. Ты приехала с этими колесами.

Но не дойдя до тебя, он поворачивается и, широко раскинув руки, на ощупь бредет обратно к машине. Май в ярости. Баба гладит стекло «Мазды». Май глубоко вздыхает и качает головой. Баба продолжает поглаживать дверцы машины, бамперы, капот. Потом начинает плакать.

---

[55] Примечания: 55
Колесо.

— О, — вырывается из его груди. — О, неужто это моя дочь? Нет, быть этого не может. Моя дочь достигла таких высот? Хай-хай-хай-хай. Моя дочь, может ли это быть? Нет, ни в жизнь. Это не может быть моя дочь! Нет-нет, не трогайте меня, — стонет он, хотя никто и не думает его трогать. — Сегодня я видел то, что латает каждый шов и каждый рваный подол. Дайте мне постоять и посмотреть, что натворила эта мурунгу. Дайте мне посмотреть, что привезла мне моя дочь.

Он все стонет, наконец ты берешь его за руки и ведешь к дому, который построил его брат.

— Это я, Баба. Тамбудзай, — говоришь ты ему в лицо.

Но ему неинтересно.

— Вири, — тихо, мечтательно напевает отец, пока ты ведешь его дальше. — Ха, вакомана, о мужчины и женщины, вири, вири.

Когда вы входите в его комнату, он спотыкается о тарелки, оставленные Фридом. Угали, застывшее мясо, подливка, кусочки овощей разлетаются в разные стороны.

— Вири, о вири, — вздыхает Баба.

Не говоря друг другу ни слова, вы с племянницами укладываете его на матрас.

Ночь ползет на запад. Серые очертания горы за

домом. Ты и не думаешь спать.

Болтовня в боковой комнате через некоторое время стихает, девочки снова погружаются в сновидения. Ты зажигаешь свечу. Наконец берешь тетрадь, которую раньше отшвырнула.

Ближе к концу проба пера под названием «Мантра». Название выведено в середине строки цветистыми прописными буквами. Под ним мелким, смешливым почерком просьба учительницы: «Пожалуйста, пиши нормально».

Ты помнишь, как сочиняла стихотворение, но не помнишь, о чем оно, и с любопытством опять читаешь мысли, запечатленные на бумаге твоей детской рукой.

Мантра

я не помню нет

совсем не помню

ту мрачность о которой она говорит

ее живую сосредоточенность как она сидит

прижав палец к выщербленным рядам кукурузных початков

не помню эту плотность страдания

которое она считает гуще багряного

облака

брызжущего на гору каплями красных вспышек заката

оно глубже пурпура сока сигизиума

тени мангового дерева колышущейся над ней

сень

она понимала со страхом

могла расщепить женщин

во мне нет

ни ее ошибок

ни ошибок ее рассудка

Раздраженная загадочными фразами, ты бросаешь тетрадь обратно в сундук и снова начинаешь обдумывать, как достигнуть своей цели. Ты еще не пришла ни к какому заключению, когда раздается голос матери.

— Май-ве, май-ве. Юви, юви, о Отец! — кричит мать. — Меня убивают! Меня приговорили к смерти! Дочь! Консепт, Фридом! Вы все, у меня вырывают жизнь!

Ты идешь к двери. Ждешь, опустив голову. Потом возвращаешься в постель, решив не выходить.

— Юви! Юви! Он убивает меня, он убивает меня, — причитает мать. — О, мои дочери и внучки-ве. Кто спасет меня от этого человека?

Ты продолжаешь слушать, через некоторое время крики умолкают. Когда снова становится тихо, ты ложишься в кровать и поворачиваешься к стене, как будто спишь.

Глава 20

Рано утром ты достаешь из чемодана небольшой сверток и кладешь его на стол к продуктам. В нем блузка и юбка для матери и рубашка с короткими рукавами для отца. Их ты собиралась подарить родителям, чтобы, так сказать, «открыть им рот» перед разговором о проекте Деревня Эко-Транзит. Ведь ты воображала себе торжественную встречу. Ты оставляешь сверток в качестве посредника, своего рода страховки, чтобы рот у матери не закрылся. Ясно, что тебе пора уезжать на «Мазде» «Зеленой жакаранды», но ты планируешь вернуться и заключить сделку. Ты кладешь сверток так, чтобы его легко было найти, и идешь к входной двери.

— Ндиве, Мэгги? Это ты, Мэгги? — Консепт и Фридом поют, подметая центральный газон метлами из веток. — Вакатора мукунда. Кто забрал мою дочь?

Их счастливые голоса заливают двор музыкой.

Мать умывается. К стене веранды прикреплен эмалированный таз с теплой водой. Рядом лежит кусок зеленого мыла «Санлайт». Мать осторожно вытирает лицо затертым до дыр, сереющим

полотенцем.

Ты вспоминаешь, что привезла еду, туалетные принадлежности, но не взяла душистое мыло, «Люкс», «Гейшу» или «Пальмолайв», чтобы омовения матери были немного ароматнее.

— Доброе утро, Тамбудзай. — Мать не смотрит на тебя. — Я подумала, лучше оставить его в покое, не мыться там, где он.

Ты стараешься держаться бесстрастно, спокойно.

— Доброе утро, Май, — отвечаешь ты. — Как спалось?

— Как видишь. И, может быть, слышала. А ты, как тебе спалось?

Ты заверяешь ее, что прекрасно отдохнула.

— Это хорошо.

Похлопывая полотенцем, она вытирает щеки, шею, осторожно повязывает платок на голову и несколько секунд пытается прикрыть передней частью отеки на лбу. Надвигает платок еще ниже, чтобы спрятать красную звездочку, сверкающую в белке глаза. Потом опять поднимает его, поскольку так ничего не видно.

— То, что дала та женщина, твоя начальница, мы в любом случае используем, — говорит мать. — Еще немножко поживем. Я вот о чем

думаю: почему она хочет, чтобы мы выжили? Все время думала. Даже когда держала вот так руки, когда пиво уже испарилось и он стал целить точнее, даже тогда я думала, Стивенсон чего-то хочет, и, возможно, я могу это сделать. Поэтому я решила, будь что будет, я выслушаю тебя, выслушаю то, что ты приехала рассказать о своей работе с этой… этой…

— Трейси, — подсказываешь ты. — Трейси Стивенсон.

— Ах, Мэгги, учандиурайиса, Мэгги.

— Ах, ты погубишь меня, Мэгги, — поют племянницы.

— Да, — кивает Май. — Я готова выслушать то, с чем ты, по твоим словам, приехала.

Девочки чисто подмели двор и сгребают мусор на обломок алюминиевой кровли в конце двора. Их голоса становятся тише.

Май изо всех сил, что позволяют ей синяки и ушибы на лице, кричит, чтобы внучки отнесли таз с грязной водой. Зайдя в старый дом, она поднимает руку, приглашая тебя следовать за ней. Поставив два пыльных стула лицом к лицу среди продуктов, она опускается на один и жестом предлагает тебе другой. Она слушает план, лишь изредка прерывая, чтобы уточнить какую-нибудь

деталь.

— Речь идет обо всей деревне? — осведомляется Май, когда ты заканчиваешь. — Не только о нас? Потому что только твое дело разозлит всю округу.

— Да! Для всех. Все будет как надо, — уверяешь ты ее. — Но строить будем здесь, — торопишься ты, когда на лице матери появляется сомнение.

— Так проще, — соглашается она. — Тогда мы сможем сказать нашей мамбо, что это наш проект. Если на всю деревню, тогда это проект мамбо, и это не очень хорошо. С другой стороны, — рассуждает она, задумавшись, — если только наш проект, то тоже нехорошо. Так мы не добьемся успеха. Нас убьют от зависти.

— Новая жизнь для всех, — объясняешь ты. — Вся деревня получит свою долю. Каждый что-то получит.

— Вся деревня? Каждый? — Лицо матери снова омрачается. — Я думала, ты сказала, что работать будут женщины. Они будут делать все, что нужно? Как мы справимся, если мужчины будут вмешиваться?

Ты уверяешь Май, что, поскольку проект твой, ты будешь тесно сотрудничать со всеми женщинами в деревне.

— И нам заплатят? Каждой за то, что мы будем делать? Всем, по-честному? — настороженно спрашивает мать. — Эти белые… они что-то говорят, потом делают, но делают так, что непонятно, что именно они говорили сначала.

— Поверь, Май, теперь я их знаю. — После такого напряжения ты не можешь удержаться от некоторого хвастовства. — Ты забыла, сколько лет я провела в женском колледже Святого Сердца? Я знаю наших белых людей. И я работаю с начальницей так долго, что могу сказать: теперь я ее лучше знаю и понимаю, что она имеет в виду.

— Ты меня должна знать лучше. — Выдвинув подбородок, мать пытается вскинуть голову, но тут же морщится. — Поскольку у меня семь классов, Женский клуб избрал меня казначеем нашего деревенского отделения. Да, я очень хорошо разбираюсь в цифрах, так что могу тебе помочь. Могу пойти в Женский клуб, и председательница передаст наши слова нашей мамбо. Теперь, я надеюсь, ты готова и закончишь то, что начала. Она захочет, чтобы мы чем-нибудь открыли ей рот. Но нехорошо открывать рот и забывать про сердце. Значит, нужно что-то другое.

Ты готова. Ты открываешь сумку.

— И они нам вот так будут платить? — уточ-

няет мать, рассматривая банкноты. — И я смогу завязать деньги себе в платок?

— Каждый или каждая, кто будет с нами работать, сможет завязать, куда захочет, такие деньги.

Мать улыбается.

— Сначала поедим, — решает она. — Потом пойдем к председательнице Женского клуба.

— Казначей! Макорокото! Поздравляю, казначей, — отвечаешь ты, надуваясь от гордости.

— А теперь, — Май встает, — веди себя так, как будто ничего не произошло, слышишь, Тамбудзай? Умойся. Приготовь отцу чай, кашу, все, что захочет. Но ни слова ему. Ни за что не говори, что мы тут с тобой обсуждали. Молчок, что мы что-то обсуждали и что-то решили.

— Поняла, Май. — При мысли о том, что приближается повышение, сердце у тебя начинает колотиться.

— Тогда пойду оденусь. — Мать останавливается на пороге. — В свое время ты позволишь ему думать, что он первый все узнал и первый сообщил нашей мамбо.

— Май, — зовешь ты.

— Что такое, ребенок?

Вспомнив только сейчас, ты опять роешься

в сумке и достаешь пачку парацетамола. Мать берет таблетки и кричит внучкам, чтобы они принесли ей воды.

— И вот еще, — вспоминаешь ты, передавая ей маленький сверток с блузкой и юбкой.

— Оставь, отдашь его председательнице. Она тоже захочет, чтобы ей открыли рот.

* * *

Оказывается, председательница, миссис Самхунгу, живет за оврагом и, таким образом, является твоей соседкой. Мать уверяет, что за нее демократическим способом проголосовали все члены клуба.

Вы завтракаете, относите завтрак Бабе и сообщаете ему, что вам надо ехать. Май вскользь бросает ему, что съездит с тобой до магазинов. В машине она дополнительно инструктирует тебя. Ты слушаешь и соглашаешься со всем, решив, что, если Трейси будет возражать, потом можно будет все изменить и сделать, как она хочет.

— Тисвикево?[56] Мы приехали с человеком, которого уже забыли, — окликает мать, когда вы выходите из машины у дома Самхунгу.

---

[56] Примечания: 56
Можно войти?

— Заходи, заходи, Май Сигауке, — кричит Май Самхунгу из мрака кухни. — Хорошо ли ты спала? Конечно, наверняка. И те, с кем ты пришла, тоже. Дети сказали нам, что приехала та, чье присутствие тебе в радость.

— Ай-ва, мы проснулись в полном порядке, — заверяет мать председательницу, пригибаясь в дверях.

Вы садитесь слева на тростниковую циновку. Май Самхунгу предлагает, чтобы одна из ее внучек сделала вам чай, но вы отказываетесь, говоря, что недавно пили.

Однако председательница еще не завтракала, и скоро перед вами стоит дымящийся чайник крепкого чая с молоком и большим количеством сахара, а также блюдо батата. Май Самхунгу берет один батат со своей тарелки и, проведя по нему большим пальцем, снимает кожуру.

— Нет ничего лучше чая с молоком и сахаром и блюда батата, — сияет она. — А эти самые лучшие. Мы не добавляем в него удобрения, как делают в городе, так что он очень хорош. Ешь, Тамбудзай, — угощает она. — Тебе понравится.

— Очень вкусный, самый вкусный, — соглашается Май. — Прямо сахар с маслом.

— А перед отъездом, дочь моя, — с воодушевле-

нием говорит Май Самхунгу, — я дам тебе мешок моих апельсинов. Ты ведь видела сад, когда вы подъезжали? Зеленый, там лимоны, апельсины, бананы, листья у них широкие, как циновка, на которой ты сидишь.

Ты смущаешься, потому что не помнишь фруктового сада.

— Председательница у нас отличная, — кивает мать, с аппетитом глотая батат. — Просто милость Божья, все делает отлично. Мы пришли сюда, потому что она наша председательница, Тамбудзай. Но в самом деле, ты бы видела ее апельсины. Огромные, как детские головы. Даже на товарных фермах, со всем их хозяйством, не могут вырастить такие апельсины, как наша председательница. Не обижайся на нее, Май Самхунгу. Без толку спрашивать у нее, что она видела. Когда городские вообще что-нибудь видят?

Председательница отодвигает остатки завтрака и спрашивает, что нового в столице.

— Ах, есть новости из Хараре, поэтому мы здесь, — заявляет Май и продолжает хвастаться. — Как ты видишь, мой ребенок не изменился с тех пор, как бегал тут, но она кое-кем стала.

— Эй, Май Сигауке, — раздраженно перебивает ее председательница. — Как же так? Когда кто-то

приезжает из Хараре, разве другие перестают быть кем-то?

В ожидании удобного момента мать пытается отшучиваться. Председательница тем не менее хочет убедиться, что Май поняла ее мысль, и громко повторяет, что она, миссис Самхунгу, есть и всегда была кем-то, что, применяя свои способности, она постепенно вводила новые идеи, новые методы, новые смеси и новые культуры в бедную деревенскую почву, доведя ее возможности до предела, сад расцвел, и за мастерство, овладеть которым надеялись все, ее избрали председательницей.

Пока Май Самхунгу перечисляет собственные превосходные качества и инициативы, ты сидишь молча и время от времени киваешь.

Когда председательница Женского клуба на мгновение замолкает, размышляя, о каких еще достоинствах рассказать, ловко вмешивается мать.

— Этот кто-то здесь, моя председательница, — начинает Май, на секунду кладя руку тебе на колено, — этот кто-то, кого никто не видит, здесь не по своей инициативе, а по чьей-то еще.

Май Самхунгу, естественно, спрашивает, по чьей и почему этот кто-то послал в деревню ко-

го-то другого.

Мать отвечает, что речь идет о начальниках и других высокопоставленных лицах и лучше сначала выслушать, а потом делать выводы и решать, что делать; что кое-кто тут по поручению начальницы, а кое-чья начальница скоро кое-кого ждет, и этот кое-кто пошел на большой риск и нарушил заключенное в Хараре соглашение, приехав сюда и отдав дань уважения старейшинам этого кое-кого, послушав лишь мудрого совета матери этого кое-кого.

Май Самхунгу сразу все понимает. Без лишних слов они с матерью договариваются обсудить вопрос после твоего отъезда.

Маленькие Самхунгу, загрузив обещанный мешок с апельсинами на заднее сиденье машины, стоят и смотрят. Отъезжая от дома председательницы и нажимая на клаксон, ты бросаешь им конфет.

— Ба-ба-и![57] — кричат с обочины другие деревенские дети.

У колонки собаки лижут носик капающего крана и кирпичи под ним. Ты без особого интереса следишь за струйкой. Тонкий ручеек сточных

---

[57] Примечания: 57
Пока!

вод течет мимо рощицы низкорослых деревьев мсаса в сад Май Самхунгу. Растения здоровые, плодоносные. Ты недоумеваешь, как умудрилась на подъезде не заметить сад, и в тебе поднимается чувство вины, оно никак не уходит. Раздумав бросить последние конфеты в окно, на радость бегущим за машиной детям, ты съедаешь их сама и едешь обратно в город.

* * *

Ты сворачиваешь на Джейсон-Мойо-авеню перед самым обедом, составляя в голове отчет. С тобой улыбкой здоровается Королева Африки. Не видя ее, ты улыбаешься в ответ и рассеянно поднимаешь руку, завидев сестру Май Гаму. Потом ждешь лифта в грязном вестибюле и поздравляешь себя сразу по многим пунктам:

— Удалось убедить в целесообразности проекта мать, самого важного человека в цепочке.

— Мать — казначей Женского клуба, что не было известно, когда рождалась концепция, и это еще один положительный результат, которого никто не ожидал.

— Деньги для мамбо находятся в надежных руках.

— Председательница Женского клуба, еще одна

влиятельная женщина в общине, дала понять, что польщена твоим визитом.

Ты заходишь в лифт, раздумывая, с чего начать. Двери не закрываются. Ты трясешь их пару раз — безрезультатно — и быстро поднимаешься по лестнице.

— Она ждет тебя, — сообщает Педзи, когда ты входишь в фойе. — Пройди здесь, — кивает из-за стойки менеджер проекта «Туристическое гетто». — Она попросила меня посидеть тут, чтобы я сразу тебе сказала.

— Двадцать минут. Положить вещи, — умоляешь ты, напоминая себе, что она бывший администратор.

Педзи машет руками, мелькая черными ногтями с крошечными золотыми цветочками, и достает из коробки на столе салфетку.

— Лифт, — увиливаешь ты. — Вечно не работает.

Ты протягиваешь руку. Педзи подходит и поправляет тебе волосы.

— Давай сейчас, — говорит она, закончив. — Она сказала «сразу же».

Ты заходишь в узкий коридор. На полпути к кабинету начальницы ты останавливаешься и проверяешь подмышки. Пока не расплылись

пятна пота, все в порядке. Ты подходишь к двери начальницы, стучишь, тебя просят войти.

Ты заглядываешь в кабинет и первым делом смотришь на стол Трейси. Вращающееся кресло пусто. Ты осторожно проходишь. Начальница стоит у окна, выходящего на построенный в первые дни существования города санитарный переулок. В руке у нее стиснут номер «Клэриона». При твоем приближении она поворачивается, чтобы выбросить его в мусорное ведро, и видит, что ты заметила. Какое-то время держит номер над ведром, а потом передумывает:

— Вот этого в нашей конторе больше не будет. В принципе это расизм. Даже нельзя назвать газетой.

— Статью не написать, если у тебя нет материала, — мягко увиливаешь ты. — А у кого есть, не будет писать для «Клэриона».

Наблюдение ее не утешает. Щеки Трейси краснеют.

— Просто невероятно. — Она бросает газету на стол.

Та разворачивается на снимке, где изображены высокопоставленные правительственные чиновники в хороших костюмах. Рядом другая фотография с грязными, хотя и победного ви-

да людьми, которые жарят мясо на огне перед усадьбой.

— Эта… эта… чертова кровавая война. — Начальница переворачивает газету вверх спортивной страницей, где изображены два лучших игрока в крикет. — Поют. Торжествуют победу? Они наводнили все вокруг. Потому что так приказало Ископаемое. Он задумал так с самого начала. В агентстве часто намекали, но я заступалась за страну. Не могла поверить. А ты можешь поверить, что им было приказано разрушать дома честных, трудолюбивых людей?

Она стоит, скрестив руки и стиснув зубы, а ты вспоминаешь рекламное агентство, славное время, когда в пятницу вечером вы потягивали бесплатные напитки в вашем пабе. Ты не помнишь того, о чем рассказывает начальница. Зато помнишь другое: Трейси вручает твою награду другому составителю рекламных текстов. Ты чувствуешь, будто матка вытекает из тебя промеж тазовых костей и лужей просачивается на пол.

— Не думай о них. Газеты просто пишут то, что хотят политики. Есть хорошие новости. — Ты с трудом переводишь дыхание.

— Каждые пять лет, — бормочет Трейси. — Такие, как я, будут подвергаться опасности каждые

пять лет. Они будут крушить наши дома. Знаешь, в Римской империи так поступали с рабами и людьми. Просто, чтобы получить голоса.

— Я могу пойти написать отчет.

— Нет, давай, — мотает головой Трейси. — «Зеленая жакаранда» будет в порядке. Пока у нас есть доступ к министру туризма.

Ты говоришь дольше, чем планировала.

После первых фраз начальница переключает на тебя внимание.

— Хорошо, — кивает она, когда ты заканчиваешь. — Значит, председательница Женского клуба? Не забудь упомянуть ее в отчете, Тамбу. Это рычаг влияния. Беспроигрышный. Все знают о женских клубах. Наши спонсоры будут просто в восторге.

Трейси велит составить смету расходов на твою семью и других жителей деревни, которые хотят поучаствовать в проекте, построить для туристов рондавели на твоей земле и предоставить им развлечения, питание и другие услуги. Ты обещаешь начальнице, что она получит дополненный рекомендациями отчет раньше, чем просит, возможно, уже завтра вечером.

Глава 21

Ты работаешь в кабинете до поздней ночи. Отчет готов к обеду следующего дня. Трейси читает его, одобряет и зовет тебя в зал заседаний, где вы прикидываете все, что нужно, вплоть до последнего тюка соломы для кровли рондавелей, которые будут построены в Деревне Эко-Туризм.

Через две недели ты возвращаешься из второй поездки домой, сияя от удовольствия. Королева Африки на сей раз слишком занята покупателями в магазине и не замечает тебя, а у сестры Май Гаму еще более агрессивный вид, чем обычно. Ты всего один раз нажимаешь кнопку лифта, и двери открываются.

Тотчас по твоем приходе тебя вместе с Педзи зовут в зал заседаний на совещание.

— Надеюсь, все прошло по плану? — спрашивает начальница, катая ручку большим и указательным пальцами.

— Дело развивается, — уверяешь ты коллег.

— Отлично, — кивает Трейси. — Расскажи.

— От руки, — уточняешь ты, вытаскивая из портфеля папку.

Там десять страниц, которые ты написала во

время обеда в придорожном кафе около Русапе.

— Вот что я сделала, — начинаешь ты, разворачивая распечатанный лист. — Я взяла с собой наш список и внесла в него всех, кому что-то поручено, а в третьей колонке пометила, является ли подрядчик членом моей семьи. Я могу подробнее расписать всех участников, — успокаиваешь ты начальницу. — Можно записать все пункты плана с указанием степени родства.

Начальница изучает бумаги.

— У нас было три больших рондавеля и четыре одноместных, строительство и аренда, — перечисляет она по памяти.

— Они знают, — киваешь ты. — Мы чуть заехали в лес, но, когда это обнаружилось, я дала мамбо немного сверху, скажем, чтобы «закрыть рот».

Ты хихикаешь, довольная своей маленькой шуткой. Больше никто не смеется. Трейси катает ручку по ладони всеми четырьмя пальцами.

— И еще водопроводные краны, — продолжаешь ты, немного волнуясь. — Источник — горный ручей, как мы и говорили. По меньшей мере один кран на два дома. Кабинки, мужские и женские, с душем. Может, кто-то из туристов не захочет ходить на реку.

— Они уложатся в график? — спрашивает на-

чальница.

— Сделают, — отвечаешь ты. — Теперь они мне доверяют. Моя мать и председательница согласились на все.

— Уверена?

— Уверена.

— Отлично. — Трейси встает. — Педзи, останься с Тамбудзай. Прикиньте, что нам понадобится из питания, и начинайте заказывать.

— Дата доставки? — спрашивает Педзи.

— Скажи, что тут полной ясности еще нет, — инструктирует Трейси.

Начальница протягивает руку. Пройдя вперед, в окне, выходящем на гостиницу «Томас», ты замечаешь светящийся красный уголек. Молодая женщина прижимает к голове наушники. Она смотрит вверх, как будто кто-то зовет ее, затем отшатывается.

— Я думаю, мамбо мы запишем в аванс, — медленно произносит Трейси. — Так лучше.

Ты обещаешь Трейси, что утром у нее будут все необходимые договоры, готовые к подписанию деревенскими бенефициарами.

— Что касается контрактов, — очень осторожно начинает Трейси. — Ты не думаешь, что мы могли бы уложиться в меньшую сумму, чем думали?

Спецпредложение в честь запуска проекта. Скажем, эко-предложение?

Ты непонимающе смотришь на начальницу.

— Я знаю, ты уже начала переговоры, — продолжает она. — Ответ пришел, стоило тебе уехать. От наших партнеров.

Мольба во взгляде превращается в покорность. Такого ты еще не видела. Пораженная, ты прямо смотришь ей в глаза. Смелости хватает всего на несколько секунд. Ты такого тоже еще не делала. Ты отводишь взгляд раньше начальницы.

— Амстердамский партнер считает, что в принципе все нормально, но они просят скидку. Из-за задержки. Кроме того, ссылаются на новое место. Им кажется, там опаснее. Так они считают. Я заверила их, что наша программа совершенно безопасна. Тут они и завели речь о том, чтобы добавить качества.

— Качества, — неуверенно повторяешь ты. — Ты была права, Трейси. Деревня отличного качества. Особенно сейчас, когда за всем стоит Май. Она хочет встретиться с тобой.

— Африка, — поднимает планку Трейси. — А как мы собираемся повышать качество нашего чертова кровавого континента? О, и зачем им только понадобилось идти на ранчо? Но не будем

об этом. Просто они придавали большое значение ранчо. И надеются, что деревня станет вишенкой на торте.

— Я тоже хочу, — уточняешь ты, очень стараясь говорить спокойно, хотя подмышки у тебя вспотели. — Я пашу как проклятая и решаю довольно много сложных вопросов, которые сдвинут наши дела, потому что верю в тебя. Ты должна поверить, что я высоко тебя ценю, Трейси.

На секунду начальница задумывается о том, что ты ей сейчас сказала. Потом продолжает:

— Ладно, я знаю. Ты занимаешься своей деревней. Это на тебе. Я решаю с Амстердамом тут. Это на мне. В общем, для Амстердама ранчо — это ранчо. А деревня, ну, что-то другое, может, не такое интересное.

— Другое? — переспрашиваешь ты. — Мы как раз работаем над тем, чтобы было интересно.

— С нашей точки зрения, да, — успокаивает тебя Трейси. — Без вопросов. Настоящие экологические ценности, подлинные — просо, солома, парное молоко. Мы такого раньше не делали, нетронутая драгоценность. А они, понимаешь, имеют в виду другое, то, что, по их мнению, связано с деревней… ну, на нашей земле. Народные танцы… тоненькие набедренные повязки, го-

лые… торсы.

Когда до тебя доходит, воздух в комнате наплывает на пол. Уличные птицы слетаются на жердочки. Листья перестают впитывать углекислый газ и вырабатывать кислород. Обнаженная мужская грудь в народном танце — обычное дело. Значит, Трейси имеет в виду женщин[58].

— Мм, Трейси, — возражает Педзи. — Такие штуки сейчас довольно чувствительны. Люди на ранчо… Нам надо что-то предпринять. Все все понимают. Но я думаю, будет лучше, если мы что-нибудь придумаем. Лучше, если никто ничего обнажать не будет.

Лицо Трейси заливает румянец. Она не смотрит ни на тебя, ни на Педзи.

— Бусы, — предлагает она. — Их у всех много.

Педзи хихикает и, повернувшись к тебе, шепчет:

— Эво, Королева деревни.

Трейси сердится на Королеву гетто.

— Неужели вы не понимаете? — огрызается она. — Ничего смешного тут нет, ни для тебя, ни для тебя. Пожалуйста, зарубите себе на носу.

---

[58] Примечания: 58

Женский танец с обнаженной грудью начал уходить в прошлое в конце XIX века, с началом колонизации Родезии. В описываемое время он уже считался позором для танцовщицы и особенно для ее мужа.

Выбора у нас нет. Мы должны это сделать.

Ты даешь понять, что у тебя есть одна идея и ты придумаешь, как ее обстряпать. Запрещая себе волноваться, ты думаешь о том, как совладать с произошедшими переменами и остаться на подъеме.

* * *

Когда ты через несколько часов приезжаешь домой, Ба-Табита уже слоняется у въезда, чтобы открыть ворота и запереть их за твоей машиной.

Ма-Табита мнется на кухне у плиты.

— Ма-Табита… — начинаешь ты, потому что не давала указаний готовить еду и хочешь побыть одна.

— Вас там ждут, — перебивает Ма-Табита.

Она перестает помешивать в кастрюле, взгляд у нее настороженный.

— Ждут? Кто? — спрашиваешь ты.

— Я сказала, что вы уехали в Мутаре, но они хотели подождать. Я сказала, что вас нет, но они сказали, что знают. И тогда я решила что-нибудь приготовить, потому что видела, что они меня не слушают. — Она шепчет так тихо, что ты ее почти не слышишь. — Я знаю таких женщин. И я подумала, они пришли сюда не для того, чтобы

услышать мое «нет», так что позвольте мне приготовить на всех.

— Тамбудзай, — раздается энергичный голос из гостиной. — Иди сюда, поздоровайся с нами. Что ты расспрашиваешь Маму[59] на кухне? Если тебе интересно, иди сюда.

Воодушевление, которое ты испытывала, когда писала проект, и которое удерживала так долго, вытекает из тебя. По шее ползет муравей. Еще десятки на макушке. Ты глубоко дышишь, отгоняя желание их стряхнуть. Они приходили к тебе так часто, что ты знаешь: их там нет. Сказав Ма-Табите, что все в порядке, ты набираешься храбрости и идешь в гостиную.

Обнимаешь тетю.

— Мауйя, Майнини! Добро пожаловать, Кири, — машинально говоришь ты. — Как хорошо, что вы приехали, добро пожаловать. Как поживают Ньяша и мой двоюродный зять, Майнини? Кири, как твоя тетя, Май Маньянга?

Муравей бежит вниз по руке и у локтя исчезает. Ты опускаешься в любимое кожаное кресло.

— Ах, Майнини Люсия и Майнини Кири, не думала, что это когда-нибудь случится. Никогда

---

[59] Примечания: 59
Уважительное обращение к незнакомой женщине.

не думала, что доживу до такой радости: вы обе сидите у меня в гостиной. Правда, в голову не приходило, — слышишь ты собственную болтовню. Кажется, ты справляешься и поэтому стараешься придать голосу больше бодрости. — Но вот я приехала, и вы приехали. Расскажите же, как дела?

— Принеси соболезнования, — велит Майнини.

Кристина втягивает носом сопли, после чего опять принимает бесстрастный вид.

— Как скверно, как скверно, — бормочешь ты. — Мне очень жаль. Что случилось, васикана?

— Тетя. Ее история всегда про кровь, — подает голос Кристина.

— Не может быть! — восклицаешь ты. Теперь ты уже хочешь услышать историю, хочешь порадоваться, что не вышла замуж за Маньянг. — Молодые люди. Сыновья своего отца. Зайти так далеко, ничто их не может удержать, ничто.

Люсия и Кристина переглядываются.

— Ах, о мальчишках можно много чего порассказать, но мы не из-за них пришли, — заявляет Кристина.

— Но вы сказали «кровь»? — уточняешь ты, отмечая, что муравьи исчезли. Ты напряжена, но по тебе больше никто не ползает.

— Расскажи ей, и покончим, — велит Люсия.

Кристина начинает рассказывать, и оказывается, что кровь, которая так долго текла, а течь не должна бы, действительно была кровь вдовы Маньянги, но не снаружи, а внутри.

— Помнишь, я говорила тебе, Тамбудзай? — продолжает Кири. — Даже в первый раз была не просто кровь из тетиных вен. Мальчики, когда начали резать друг друга бутылками, знали, что она еще и из ее лона.

Входит Ма-Табита и просит разрешения подать на стол.

Ты спрашиваешь, могут ли кастрюли постоять на плите еще десять минут.

Экономка великодушно соглашается, не высчитывая, сколько уйдет на мытье посуды сверх рабочего времени, еда может подождать.

— Вот почему они все время ругались, — продолжает Кристина, высоко поднимая плечи к самым ушам и засовывая руки под мышки. — Они знали, что кровотечение не оставит в тете ничего живого. Игнор даже делал вид, будто помогает матери уберечь дом от остальных, чтобы придержать все для себя. Иногда я спрашиваю себя, не забыли ли люди, сколько народу ушло воевать. Потому что, если не забыли — эти люди в этой

стране, — то что с ними творится? Почему они так глупы? Неужели они думают, что мы воевали за это? Псс! — Кристина с горечью втягивает воздух сквозь зубы. — Не для этого мы шли воевать и терпели, без еды и одеял, даже без одежды, без родителей и родственников. Некоторые остались без ног. Но теперь мы беспомощны и никак не можем избавиться от того, что видим, от того, за что не шли воевать.

Майнини в знак согласия громко втягивает воздух сквозь зубы и выпячивает губы.

— Эти мальчишки, они хуже всех, — понуро кивает Кристина, говоря с тобой, будто ты ей родственница, потому что до такого нельзя допускать чужих; они уйдут и будут смеяться. — Даже хуже, чем муж тети. А он был просто глупым старым отцом.

Май Табита ставит на обеденный стол блюдо с водой и кладет рядом сложенное полотенце. Ты прикидываешь, как долго пробудут гости. Но Кири словно вгоняет занозу в нарыв.

— Эти Маньянги думают, что они горожане, — фыркает Кристина. — Они крестьяне, как и их родители. Как и все мы. Обычные маленькие люди, у кого не было ничего, кроме доброго старого белого, который дал Маньянге работу и сделал

его управляющим.

— Расскажи еще про это. Надо, — вставляет Майнини Люсия. — Такие, как Тамбудзай, должны знать.

Кристина с мрачным удовольствием излагает подробности истории, которую начала ночью, когда приходила женщина Шайна и вы ездили в «Айленд». Однажды, под влиянием крайнего возбуждения и различных импортных напитков, которыми он в тот вечер отмечал свои успехи, ВаМаньянга столкнулся лоб в лоб с микроавтобусом на углу Джейсон-Мойо-авеню и Второй улицы. Потрясенные пешеходы и нежащиеся на травке отдыхающие увидели на дороге и тротуаре возле площади Африканского единства множество разбросанных конечностей, которыми до того кратно сиденьям был набит автобус. Повсюду была кровь. ВаМаньянга тем не менее вышел из искореженного месива и принялся переставлять дрожащие ноги. Все, кто видел, как он уходил, вспоминали, что у него был вид совершенно здорового человека, хоть он и слегка пошатывался. Самым тяжелым ударом для него стало то, что случилось с его «БМВ», и временное перемещение в презренный «Датсан Санни». Люди восхищались стоицизмом, с каким Маньянга

мирился с этим несчастьем.

Но потом его тело начало пухнуть.

Знатоки утверждали, что карму навлекло нечестно нажитое богатство и она запрудила его воды так же, как он запрудил фонды компании. А если нет, значит, гнев разъяренной души, принадлежавшей одному из пассажиров автобуса или одной из жертв его мути. Все ополчились на Маньянгу. Друзья перестали поздравлять его со скорым выздоровлением, с красивым домом, с большими машинами, понимая, что раздобревший живот — плата не за состоятельность, а за грех. Все твердили, что с самого начала подозревали в нем низкого жулика.

Сам ВаМаньянга был в бешенстве на своих предков за то, что те не отомстили водителю автобуса. Разве он потерял «БМВ» не из-за того, что общественный транспорт гоняет с бешеной скоростью прямо в центре города? Разве теперь его, Маньянгу, надо кусать, а не жалеть? Из-за мрачных мыслей у него подскочило давление и усилились отеки. Как будто этого мало, однажды вечером, когда он лежал в постели, в комнате, где потом поселился Шайн, появился злой дух. Сидя у Маньянги на груди, он отказывался слушать молитвы его жены, ее гимны и, ухахатываясь

над всеми предками мужа, которых она молила о помощи, безжалостно терзал страдальца.

Хватая ртом воздух, обливаясь потом и трясясь как от нехватки кислорода, так и от страха, который еще больше лишал его воздуха, ВаМаньянга стал задыхаться не на шутку. Возникла проблема, которую Май Маньянге было не решить, обмахивая мужа веером или другими подручными средствами. Скоро Май Маньянга была у телефона. В тот вечер он работал. «Скорую» тоже удалось вызвать, так как машина раньше вернулась из мастерской. Сирена тут же взвыла на дорожке, ведущей к дому Маньянги. В считаные секунды бригада натянула на рот генерального директора кислородную маску. В баллоне даже имелся кислород, но и этот восхитительный профессионализм не обескуражил мстительного духа. Он все глубже проникал в легкие ВаМаньянги и сдавливал их. Когда ВаМаньянга перестал задыхаться, бригада «Скорой» отказалась забрать тело, объяснив Май Маньянге, что по правилам сперва нужно заплатить, поскольку по причине продолжительного обслуживания медицинская страховка покойного уже недействительна.

Май Маньянга не могла найти деньги, так как ее свалило горе. Не могла она и позвонить в по-

лицию по номеру 999. Ее сыновья, тогда более трезвые, чем впоследствии, объединили усилия, чтобы все уладить. И «Клэрион» в последний раз написал о ВаМаньянге, чей образ жизни, когда его портреты появлялись на страницах «Наш досуг», вызывал немалый интерес. Тогда же его сыновья в последний раз успешно действовали сообща.

— Вот так все началось, а потом переросло во что-то другое, — заключает Кристина. — Все погибло и развалилось. Игнор захватил дом, и моя тетя умерла нищей. Разве можно ждать чего-то хорошего от таких, как Игнор? А те, кто ждет, как моя тетка, ведь они просто глупы, разве нет?

— Мне жаль, — говоришь ты, когда она умолкает, и встаешь, чтобы пожать ей руку, — ты должна была сделать это сразу, лишь услышав о кончине вдовы Маньянги.

С благопристойной скорбью выражая соболезнования, ты молишь Бога, чтобы хорошие манеры смягчили теток и непрошеный визит поскорее закончился.

— Тамбудзай, ты уверена? Ты понимаешь, с чем играешь? — ощетинивается Майнини.

Ты возвращаешься на свое место с легкой улыбкой на лице, которая, как ты, несмотря на все сомнения, надеешься, выражает понимание.

Отнюдь не подавленная только что рассказанной историей, ты, как никогда, возмущена тем, что майнини не восхищаются твоей инициативностью и ловкостью. Вот в чем проблема твоего народа, размышляешь ты, у него нет амбиций.

— О чем ты только думаешь? — восклицает Кристина. — Во-первых, там наши отцы, наши дядья и наши братья. Потом, там наши младшие сестры и дочери. Тамбудзай, кое-кто очень недоволен твоими проектами. Ты хочешь, чтобы люди бросали монеты твоей матери, сестре твоей тети Люсии, которая сидит здесь и мне как кровная родственница.

Люсия и ее спутница пытаются отговорить тебя от проекта Деревня Эко-Транзит, но ты отключаешься и слушаешь вполуха. Все знают о бывших вояках, воображающих себя стражами развития нации, но ничего не смыслящих в бизнесе, который так или иначе не связан с борьбой. Да, именно их невежество в вопросах о том, как двигать страну вперед, подкосило туры на ранчо Нильса Стивенсона. Если бы не ветераны войны, ты бы зарабатывала себе на жизнь в охотничьих угодьях северо-запада. Тебя бы вообще здесь не было. Потом, когда Кири перестанет носить траур, ты подробно расскажешь о ДЭТ. Однако

даже потом, как и сейчас — сейчас ты просто отказываешься об этом думать, — ты не станешь упоминать голые торсы и бусы.

— Не надо, Тамбудзай, — угрожает Майнини, в бешенстве от унижения. — Твое поведение в последнее время такое же ужасное, как и все, что мы за тобой знаем. Нет, оно даже не ужасное. Оно еще хуже, разве не так? Ты, конечно, понимаешь, с чем имеешь дело. У твоей сестры всего одна нога. Ты знаешь, что бывает, когда люди приходят в ярость, знаешь. Это уже не закопанная взрывчатка в земле, как было с Нецай. Сегодня руки у людей становятся длиной с рукав и за меньшее, чем то, что делаешь ты.

— Ты открываешь дверь, — кивает Кристина. — Мой дядя тоже открыл дверь, и в нее вошло то, о чем даже сказать нельзя. А теперь посмотри на всю его родню. Ты не можешь хотеть такого для своих.

— Я вас услышала, — сухо отвечаешь ты. — Благодарю, что приехали. Я знаю, что у меня есть вы, мои матери, которые пошли на войну, чтобы защитить меня. Пожалуйста, скажите всем, что беспокоиться не о чем. Скажите соратникам, что они кое-что получат от меня. В деревне хотят проект. Он принесет пользу, и все будут счастливы.

Ты достаешь из кошелька несколько банкнот и почтительно протягиваешь их Кристине обеими руками со словами:

— Но сначала позволь мне вручить тебе мой чема[60].

Кристина сидит неподвижно.

Ты не знаешь, что делать, поэтому наклоняешься ниже. Кристина по-прежнему не шевелится. Ты опускаешься на колени.

— Дай мне, — велит Майнини Люсия.

Ты идешь к тетке.

— Вот, — протягивает Майнини Кристине. — Этот ребенок уверяет, что здесь ее слезы.

— Спасибо, — отвечает Кристина и берет деньги.

— Она не хотела ехать, — сообщает Майнини, когда чувство облегчения снова опускает тебя глубоко в кресло.

— Я спросила — зачем? — не возражает Кристина, вновь увлекаясь гневом. — Я пыталась втолковать Люсии, что разговаривать с тобой, Тамбудзай, пустая трата времени.

— Майнини, — перебиваешь ты, лопоча быстро, чтобы мысль, которая едва пришла в голову,

---

[60] Примечания: 60
Траур.

не потерялась в той мешанине, что царит у тебя в голове. — Майнини Люсия, я знаю, бывшие бойцы сейчас пошли на ранчо. Но сегодня утром, возвращаясь из деревни, я никого не видела. Откуда вы узнали?

— Разве в деревне нет людей? — спрашивает Майнини. — Там есть люди. И есть дети людей.

— Нецай, — говоришь ты.

Майнини и Кристина не отвечают.

— Нет, не Нецай, — догадываешься ты. — Девочки. Скорее всего Консепт.

— Ты начинаешь понимать. — Впервые за весь вечер Майнини слегка улыбается.

— Консепт, — повторяешь ты, застигнутая врасплох мыслью о том, что твои юные племянницы — осведомительницы. — И Фридом.

— Мисс Сигауке, мадам, я несу еду, — предупреждает с кухни терпеливая Ма-Табита.

Экономка вносит спагетти болоньезе и немного салата, и ты приглашаешь гостей к столу. Бывшие воительницы не любят светских бесед. В ответ на твои усилия сменить тему и обсудить их работу в ООП, Кири и Майнини только ворчат, все остальные вопросы слишком щекотливы. Гости для проформы наверчивают на вилки несколько нитей спагетти и уходят, когда на столе еще

много еды.

Глава 22

В деревне все готово, постройки пахнут свежей соломой, недавно спиленным деревом и коровьим навозом, из которого сделан пол. Все балки обработаны борной кислотой, а не креозотом, в соответствии с политикой компании. В миграционной службе своего часа ждут визы. Все подготовлено на славу. Клиенты долетели до Амстердама самолетом «КЛМ», а затем самолетом «Кения эйруэйз» до Хараре. Гордая собой, ты стоишь в аэропорту, в зале прилета на полу, покрытом линолеумом. На том же самом месте много лет назад стояли твои брат и отец, встречая Бабамукуру из Англии. Тебе тогда запретили ехать в аэропорт; все посчитали, что ты должна остаться в деревне. Ты надеешься, что через год или два, если справишься с Деревней Эко-Транзит, ты, а не Трейси, зарегистрируешься на рейс и полетишь в Европу встречать туристов.

Но сегодня ты на метровой палке держишь опознавательный знак. Он колеблется в воздухе. Ты перехватываешь палку повыше, чтобы она не так качалась. Тебе нравится. Будто это флаг королевства, которое в твоем представлении вос-

хитительно расширяется. В верхней части палки на легком сквозняке колышется небольшое белое знамя — белое потому, что самое дешевое. На светлом фоне зелено-сиреневая жакаранда. Под деревом, название которого выведено зелеными прописными буквами, обещание: «Самый захватывающий эко-отдых в Африке».

После разговора с Кристиной и Люсией прошло три недели. Каждую из них ты по два раза ездила домой и, решительно игнорируя мнение твоих майнини, занималась делами и всех тормошила, чтобы работали с опережением графика. Несколько раз председательница танцевального комитета просила у тебя денег на костюмы. Ты хранила царственное молчание. На работе же уверила Трейси, что все улажено и танцовщицы будут выступать в нужных костюмах, точнее, без оных. Ты твердила себе, что веришь в это, и теперь, в ожидании первой группы туристов «Зеленой жакаранды», выбравших Деревню Эко-Транзит, ты действительно в это веришь. Убежденность вселила в тебя необычайную уверенность. Ты не сомневаешься в том, что заслуживаешь самого широкого признания. В конце концов, ты не только великолепно справилась с заданием, но и после десятилетий губительного крестьянского

труда, царившего в деревне, принесла туда работу, энергию, инновации.

Педзи — твоя помощница по проекту. Бледные, усталые, но взбудораженные туристы призраками выныривают из дрожащего над асфальтом марева жара. Скоро вы с Королевой гетто пересчитываете головы и сверяете списки. Ты держишь себя так, словно на королевском приеме проводишь всенародную перепись.

— Мы вернулись, — гремит румяный, дородный господин Бахман. Ему так понравилось первое сафари «Зеленая жакаранда» на ранчо Нильса Стивенсона, а потом, когда агентство раскрутилось, «Туристическое гетто» Педзи, что он три года ездил и туда, и туда. — Нет, нет! — Господин Бахман отмахивается от приблизившегося носильщика. — Нет необходимости. Я могу сам, — говорит он огорченному человеку, который хотел заработать свой евро или доллар.

Господин Бахман улыбается ему, носильщик понуро уходит, и клиент поворачивается к Педзи, широко раскинув руки.

— Педзи! — весело ревет он.

Педзи сияет. Господин Бахман заключает ее в объятия.

— Вы прекрасны. Всегда рад вас видеть. По-

здравляю вас и Тамбудзай! — Клиент обнимает тебя за плечо и крепко прижимает к себе. — Да, и всегда-то вы придумаете что-то новенькое. Я так и сказал Клаудии. — Мистер Бахман придвигается к стоящей рядом с ним женщине. — Я сказал: у нас уже был один отпуск в Зимбабве в этом году, но, Клаудия, нам нужно это увидеть! — Господин Бахман снимает руку с твоего плеча и обнимает жену.

— Да, — кивает фрау Бахман. — Мы в таком предвкушении. Тамбудзай, в брошюре указано, что новая программа, Деревня… деревня… не могу вспомнить. Деревня что-то.

— Деревня Эко-Транзит. — Господин Бахман картавит «р».

— Да, Деревня Эко-Транзит, — опять кивает фрау Бахман. — Тамбудзай, там написано, что деревня там, где вы живете… О, не сейчас, но там сказано, что вы там родились и там живет ваша семья.

Педзи хихикает.

— Я оттуда родом. Я живу в Авондейле, — объясняешь ты с улыбкой.

— Ах да, Авондейл, — горячо кивает господин Бахман. — Там, где у них тот замечательный ре-

сторан, с пирожными. Леккер![61] Я слышал, что некоторые здесь используют это слово. Я знаю, что вы в Зимбабве тоже говорите «леккер».

Вы ведете туристов по ослепительной августовской жаре. Их лица раскрываются, как цветы на солнце.

— И мороженое тоже леккер, — кивает фрау Бахман. — «Франция»… нет, «Средиземноморье» — пекарня.

— Да, мы обязательно сходим туда, когда вернемся из деревни Тамбудзай, — обещает ей муж и оборачивается, чтобы пригласить другую пару. Поправляя темные очки, позади Бахманов идут двое туристов. — Мы привезли вам своих друзей. Ингрид и Карл. Мы рассказывали им о «Туристическом гетто». А гусеницы, как их, те, которых едят?

— О! — вздрагивает Ингрид.

— Червь мопани, — вставляет фрау Бахман.

— Да, мадора, — ухмыляется ее муж, довольный, что вспомнил здешнее слово. — И еще одно слово на ту же букву. Как, Педзи?

— Масимби, — покорно отвечает Педзи.

Она улыбается мягкому «д», которое тщетно

---

[61] Примечания: 61
Вкусно (*нем.*).

старается выговорить господин Бахман, произнося слово «мадора».

— О, я не смогла их съесть, — морщится Клаудия. — У них рыбный запах, но вид совсем другой. Я не знала, что это такое.

Вы подводите группу к автобусу.

Автобус быстро заполняется гостями нескольких туристических агентств, поскольку ушлая Трейси заказала транспорт у нескольких компаний, чтобы вы могли познакомиться с другими туристами и, может, их переманить. Ты педантично отмечаешь в списке имя каждого гостя «Зеленой жакаранды».

Педзи заходит в автобус следом за компанией господина Бахмана, загородив проход остальным, хотя она в форме сотрудника и должна быть внимательнее.

— Вие гэт ис диер? — спрашивает она.

— Ви, — поправляет господин Бахман. — Ви гейт эс дир[62].

Педзи смеется:

— Фи гэт ас дир?

— Прости, Педзи, — неохотно говоришь ты.

Ты не хочешь никаких склок накануне собы-

---

[62] Примечания: 62
Как поживаешь? (*нем.*)

тия, которое, по сути, станет твоей коронацией.

Педзи смотрит на тебя, и в ее глазах мерцает злоба. Ты покорно опускаешь голову. Педзи тоже решает не скандалить. Якобы размещая ручную кладь Бахманов в верхних отсеках для багажа, она прижимается к сиденьям, чтобы очередь пошла вперед. Ты улыбаешься, не поднимая головы, чтобы коллега не подумала, будто ты торжествуешь победу. Все как раз наоборот. Теперь, когда ты доказала всем, что ты и есть та, кем представлялась, ты прикидываешь, как лучше работать со ставшей проект-менеджером бывшей администраторшей после возвращения из деревни.

Как только весь список помечен галочками, ты начинаешь официальное приветствие.

— Добро пожаловать всем нашим гостям! — Ты любишь обращаться к туристам. Голос звенит в усилителе. — Я буду счастлива познакомить вас с этой сказочно красивой страной, нашей Зимбабве, миром чудес, который теперь ваш и который, несомненно, доставит вам удовольствие. Тем, кто приехал не в первый раз, еще раз здравствуйте. Добро пожаловать! Мауйя! Сибуйил! — повторяешь ты на трех официальных языках, так как Трейси серьезно относится к тому, чтобы никого не забыть, и подчеркивает, что приветствие

«Зеленой жакаранды» должно соответствовать государственной языковой политике. — Гости «Зеленой жакаранды» сейчас едут в самую роскошную гостиницу «Томас». Наше агентство находится буквально за углом, так что вы не заблудитесь. Я покажу вам нашу контору, когда мы прибудем в гостиницу «Томас», где вы пробудете две ночи, считая сегодняшнюю. Мы встретимся в вестибюле сразу же по приезде, чтобы заселиться. Пожалуйста, не разбредайтесь, даже если знаете город и гостиницу. Понятно?

— Да, конечно, — кричат возбужденные туристы, но ты все равно слово за словом повторяешь все еще раз, получая от повтора не меньшее удовольствие.

— Все гости других туроператоров, пожалуйста, ждите своих гидов там же и тогда же, — продолжаешь ты. — Каждое агентство пришлет своих гидов с бейджиками, на которых будет название агентства и логотип компании.

Завершив инструктаж, ты спрашиваешь, есть ли вопросы, и ждешь, что поднимутся неуверенные руки. Руки не поднимаются, и ты даешь сигнал водителю.

Сейчас, когда гости устали после долгих перелетов, важно не перегружать их информацией. И

вы с Педзи шагаете по проходу, улыбаясь, спрашивая, все ли в порядке, здороваясь на шона с теми, кто бывал здесь раньше («Мауйя, макадини? Мафамба звaканака херe?»), и отвечая только на конкретные вопросы, если нового туриста особо заинтересовало что-то за окном.

На новый объект для начала поедут несколько туристов: Бахманы, Ингрид и Карл, еще пара датчан, несколько шведок и один бельгиец. На завтра в целях акклиматизации запланирована однодневная поездка в пещеры Чинхойи, после чего на следующее утро все отправятся в твою деревню в Восточном нагорье. Выясняется, что новые лица принадлежат симпатичным людям, а славный мистер Бахман не устает всех развлекать.

* * *

Поездка в пещеры Чинхойи проходит хорошо. Целый день ты отвечаешь на множество доброжелательных, заинтересованных вопросов о твоем доме и еще больше уверяешься в том, что все будет прекрасно.

Утром, когда вы выезжаете в деревню, настроение у всех приподнятое. Ты, конечно, как на иголках. Ты приходишь рано, оставив достаточно

времени, чтобы до отвала наесться гостиничным завтраком: французские круассаны, датские пироги, португальские пирожные, холодное мясное ассорти и английский завтрак, состоящий из яиц, приготовленных тремя способами и посыпанных петрушкой, почек, копченой рыбы, печени, а кроме того сосисок, бекона и жаркого из капусты и картофеля. Довольная, полная самых радужных ожиданий, ты чрезвычайно гордишься всем: гостиницей «Томас», сафари «Зеленая жакаранда», Трейси Стивенсон, собой, своей деревней и даже Педзи.

Через несколько минут ты видишь, как из столовой выходят гости «Зеленой жакаранды», и просишь их не торопиться, но помнить, что автобус отправляется через сорок пять минут. К тебе подходит озадаченный бельгиец из другой группы, так как его гида еще нет.

— Вы не могли бы сказать мне, где другой завтрак? — спрашивает он.

— У вас были какие-то проблемы? — отвечаешь ты, очень желая помочь.

Он качает головой.

— Я не вижу стола с другой едой.

— Другой едой? — переспрашиваешь ты.

Он тупо смотрит на тебя.

— Вот еда. — Ты указываешь в сторону буфета. — Если вам нужно что-то еще, вы можете попросить у официанта.

— Как я могу попросить у официанта, если не знаю, чего просить? Если я увижу другую еду, то попрошу у него, а потом попробую и пойму, вкусно ли. А такой завтрак я могу получить где угодно.

Бельгиец смотрит на столы буфета, как ребенок, у которого лопнул воздушный шарик. Не менее разочарованные шведки пихают друг друга локтями и кивают.

— Даже вчера вечером была такая же еда, — поддакивает одна шведка. — Вы видели местную еду?

Ты охотно объясняешь, что в вашей стране все гордятся тем, что не хуже других во всем.

— Наверно, кому-то нравится. — И, пожав плечами, шведка заключает: — Думаю, поэтому все и едут в деревню.

Завершая разговор о завтраке, туристы знакомятся друг с другом и вскоре обнаруживают, что шведки знают голландский, на котором говорит и бельгиец. Завязывается быстрый разговор, и ты перестаешь их понимать.

Через полчаса все собираются под брахихито-

нами, чьи великолепные кроны алым цветом раскинулись над стоянкой.

— Пу-пу-у, — дает первый сигнал водитель «коустера».

Господин Бахман делает последний снимок красных цветов. Бережно поместив фотоаппарат в чехол на шее, он берет чемодан из рук носильщика и, аккуратно поставив его в багажник, поднимается в автобус с громким криком:

— Каждый… или каждая… проверили свой багаж?

— Да-а, — пропевают все.

Ты ставишь на бумаге последнюю галочку, убираешь папку и задвигаешь дверь микроавтобуса. Даешь сигнал водителю. Автобус выезжает из-под деревьев на Роберт-Мугабе-авеню.

Поскольку сейчас утро, вы едете быстро. Правительство осознает, что страна имеет туристическую привлекательность. Из-за беспорядков на ранчо и разгневанных фермеров на дорогах стало больше блокпостов, но полицейские вежливы и довольны, что все документы у вас в порядке. К вашему приезду усадьба уже переполнена соседями и родственниками, в том числе множеством дальних.

Бабамукуру и Майгуру прибыли из миссии, их

привез Чидо, которому к запуску проекта удалось взять отпуск в своем американском университете, где он читает лекции по сельскому хозяйству в условиях тропиков. Он приехал со складной инвалидной коляской на батарейках для Бабамукуру. Дядя и сидит в ней, гордо выпрямив спину и расправив плечи, по каждому поводу поминая в разговоре с деревенскими старейшинами коляску из Соединенных Штатов.

Майнини Люсия и Кири вместе с Ньяшей приехали на «Глории», правда, двоюродный зять с детьми решил остаться дома. Теперь, когда проект стал реальностью, все за и либо желают удачи, либо ждут, что будет. Консепт и Фридом с гордостью смотрят на мать, ветерана войны, твою сестру Нецай, которая приехала с севера, из кооператива, где работает. Прыгая на одной ноге — хоп-хоп-хоп, — она шумно рассуждает о том, что ей все равно, кто ее слышит, но она будет бороться с чиновниками правящей партии и получит место в партийном списке, тогда ей привезут из Мозамбика темно-коричневую ногу.

— Как будто я не воевала, — возмущенно заявляет Нецай всем, кто ее слушает. — Или я сама оторвала себе ногу? Ее отчекрыжило, потому что я сражалась. Сражалась за то, что принадлежит

мне. Моя нога — это мое, и я хочу, чтобы она у меня была.

Бабамунини Томас привез семью с северо-востока. Дальний родственник Такесуре явился из соседней деревни с новой семьей. Огромная толпа родичей, в последний раз собиравшихся несколько десятков лет назад в честь Бабамукуры, съехалась снова посмотреть, что сделала его дочь, дочь деревни, которой так долго не было, и увидеть самого старика, бывшего до несчастного случая очень важным человеком.

Кроме многочисленных родственников на праздник открытия пришли все жители деревни, помогавшие расчищать вельд, рубить бревна, месить грязь или как-то еще. Те, кто не захотел заходить на участок, нашли хорошие места на скале и ветвях деревьев на горном склоне. А на дороге у магрозы[63] Мамбо Мутаса поставила волынщиков в килтах, так что тебе приходится остановиться и выслушать серенаду в твою честь.

Трейси, которая накануне приехала с Педзи на красном «Паджеро», еще раз здоровается с гостями. По условиям компромисса, позволившего

---

[63] Примечания: 63
Дерево.

довести подготовку до конца, два из запланированных строений поставили за оврагом, у Май Самхунгу.

Все продумано до мелочей. Каждый круглый дом имеет номер, красной глиной написанный на стене над ярким орнаментом ндебеле. Размещение проходит быстро. Фридом, хихикая, возглавляет группу девушек, которые провожают гостей в жилища, а юноши носят багаж. Консепт, правда, держится ближе к матери.

Когда гостей приводят обратно и усаживают на тростниковые циновки и низкие деревянные табуретки под манговым деревом, где предлагают сладкие газированные напитки, насыщенный тии-хобву[64], тыквенный махеву или бокал охлажденного игристого вина, Трейси говорит Бахманам:

— А вы знаете, вон та женщина… — Трейси указывает в сторону старого дома. Твоя мать стоит на лестнице и о чем-то еще договаривается с Май Самхунгу. — Там на ступеньках мать Тамбудзай. У нее замечательная семья. Даже ее бедный дядя, вон тот, рядом с ним маленькая женщина. Он парализован, был ранен во время Независимо-

[64] Примечания: 64
Чай наподобие чифиря, с молоком.

сти, но еще пользуется большим уважением. Я уверена, Тамбудзай вас представит. Я устрою так, чтобы вы познакомились с ее матерью.

Бахманы улыбаются матери.

— Уже четверть? Нам пора начинать, — еле слышно, нетерпеливо подгоняет тебя Трейси.

Ты уверяешь ее, что торжественное открытие идет по плану, и направляешься к старому дому.

Мать и Май Самхунгу зашли внутрь. Ты зовешь их, желая объяснить про костюмы и попросить поговорить с остальными. Они не слышат. Ты просовываешь голову в дверь, чтобы дать сигнал, но, поскольку все машут тебе, вынуждена войти.

По всей передней комнате разбросаны юбки, накидки с набивным африканским орнаментом, погремушки для ног, ручные погремушки, барабаны. Тетушки, кузины, свояченицы, просто ровесницы, с которыми ты много лет назад ходила в начальную школу, завязывают тесемки, поправляют головные уборы, обматываются замбийскими тканями. Они тихо поют, тренируясь перед выступлением, периодически исчезают в боковых и задних комнатах, приводя в порядок более интимные детали туалета.

Одну руку ты запускаешь в карман. В другой у тебя сумка с пятидолларовыми банкнотами,

прямо из банковской кассы, чтобы незаметно рассовывать выступающим. Ты открываешь рот.

Тебе кажется, что с каждым движением женщины одеваются все медленнее — в знак протеста. Ты больше ни на кого не можешь смотреть. Закрываешь рот.

На столе стоит чемодан. В нем длиннющие нити бус и цепочек из плодов баобаба и жакаранды. Настоящие панцири. Если их искусно расположить, они многое могут скрыть.

Чемодан и деньги не успокаивают тебя, а только злят. Ты уходишь. Пусть все идет как идет, коли уж ты не в силах повлиять на ситуацию. Если Трейси хочет, чтобы женщины обнажили грудь, ей придется прийти сюда самой.

Ты стоишь у входной двери. Смотришь вниз на ступени. Ниже, ниже, ниже, еще ниже. Спуск на дно бесконечен. Ты видишь себя со стороны, как спускаешься по ступенькам — одна ступенька, еще одна, — добираешься до поросшего травой неровного пятачка внизу, спускаешься все ниже, ниже, до голеней, груди, наконец земля смыкается над тобой.

Тем не менее, дойдя до нижней ступеньки, ты оборачиваешься, хлопаешь в ладоши и кричишь:

— Ванамай, Васикана, простите меня!

Женщины торопливо выходят из комнат, завязывая пояса, платки, тесемки погремушек, натирая щеки румянами из красных камней, рисуя на лицах, руках и ногах белые треугольники.

— Ты уверена, что нам заплатят? — с тревогой спрашивает секретарь Женского клуба.

Ты киваешь, вовсю работая головой и плечами.

— Мы верим тебе, Тамбудзай. Не подведи. Если еще и ты начнешь врать…

Ты засовываешь руку в сумку и достаешь пригоршню пятидолларовых банкнот. Следует взрыв веселья.

— Давать жизнь прекрасно, — поют пожилые женщины.

— Тамбудзай не стала бы врать! — кричит Ньяри.

Вы с первого класса вместе ходили в деревенскую школу, и она гордится тем, что не чужой тебе человек.

— Все готовы? — спрашиваешь ты. — Все на месте? Мы закончили?

Увидев деньги и успокоившись, никто не обращает на тебя внимания.

Язык пересох, но ты стала королевой деревни.

Ты опять открываешь рот и даешь указания насчет женских торсов. Поднимается гневный крик. Мать велит всем замолчать и ведет танцовщиц обратно по лестнице. Ты быстро уходишь.

Молодежь с маримбами[65] усаживается под деревьями. Мужской хор поет ладно, немного напоминая стаю больших мурлычущих котов.

Хор заканчивает под рев и аплодисменты.

— Та-та-тата, та-та-тата, — вступают маримбы.

Вышедшая из дома мать спускается вниз по ступенькам. Она ведет за собой человек двадцать женщин. Они становятся полукругом перед домом, машут руками и шлепают босыми ногами по песку в такт музыке. Молодые и старые, все твои сестры, тетки и кузины затянуты под разноцветными блузками замбийскими тканями.

Господин Бахман расстегивает молнию на чехле с фотоаппаратом. Май останавливается и бросает на фотоаппарат взгляд своих глаз-бусинок.

— Я сниму вашу мать, — весело гремит господин Бахман. — Снимок будет называться «Мать путешествия». Всем очень понравится.

Фрау Бахман хлопает мужа по плечу, напоми-

---

[65] Примечания: 65
Ударный музыкальный инструмент.

ная, чтобы он не переводил пленку.

Твоя мать топает ногой. Поднимается пыль. Она поднимает и опускает локти в такт маримбе. Нагибает голову в разные стороны, сначала к одному, затем к другому плечу.

Трейси кивает в такт музыке, явно испытывая облегчение от того, что женщины разошлись.

Тебе все не в радость, хоть ты и любила танцы с самого детства. Стыд переполняет тебя. Тебе хочется только закрыть глаза и не открывать их, пока не наступит день расплаты. Теперь уже неважно, взбунтуются женщины или нет. Ты предательница.

Пение становится громче. Палочки маримбы взмывают высоко в воздух, музыканты превосходят самих себя. Руки над барабанами летают быстрее. Пять молодых певиц шире открывают рот.

Танцовщицы движутся вперед. Твоя мать поднимает руки к груди. Пальцы она держит у сердца. Затем одним движением она сдергивает с себя блузку и швыряет ее в пыль. Это сигнал. Все женщины раздеваются.

Родственники в ужасе ахают. Праздные зрители, не связанные с тобой узами родства, теснятся вперед, чтобы подивиться на голых матерей и

сестер.

Па-па!

Это неуверенно аплодирует бельгиец. Шведская туристка похлопывает пальцами.

Песня заканчивается. Деревенские женщины жмутся друг к другу, инстинктивно опуская плечи так, чтобы бусы — панцири — прикрыли грудь.

— Спасибо! — Ты делаешь шаг к танцовщицам. — Спасибо. Поблагодарим их. Устроим им большой пам-пам. Громкие аплодисменты, — приглашаешь ты всех. — Давайте поблагодарим их за танец. Чтобы они могли пойти и отдохнуть.

Расставив пальцы, ты бьешь ладонями перед самым своим носом в преувеличенной манере церемониймейстера.

Хлопаешь. Женщины стоят неподвижно. Толпа, затаив дыхание, молча наблюдает за происходящим.

Ты все хлопаешь.

Слышишь только звук, возникающий при соприкосновении двух участков твоей кожи. Люсия яростно бросается вперед.

— У-у-у! У-у-у! — ширится звук.

Твоя кузина улюлюкает, ослабляя растущее

напряжение, ее язык высовывается изо рта и опять исчезает.

— Тата-та-та-та, тата-та-та-та, — вступают маримбы.

Одна девушка разворачивается, топает ногами и трясет на зрителей ягодицами. Господин Бахман вынимает руку из кармана и бросает на поляну банкноту в десять немецких марок. Гости рады, что нашлось чем заняться. Разношерстные мелкие банкноты сыплются на песок. Миссис Самхунгу подскакивает к одной и ловко запихивает ее за пояс.

— Тата-та-та-та. — Опять маримбы.

— У-у-у! У-у-у! — Мать и другие женщины подхватывают улюлюканье Ньяши.

Белая пыль брызжет из-под подошв матери. Она погружает ноги в землю, будто это стволы деревьев. С каждым ударом ее ноги из земли словно вырывается живое дерево.

Так танцует мать. Кончики пальцев бьют по земле, взметая облака пыли, потом она выбрасывает ногу вперед и снова погружает ее в землю.

Господин Бахман делает несколько снимков и толкает тебя вперед.

— С вашей матерью. С женщиной, которая ваша мать, — кричит он, наводя объектив. — Мама!

Мадам мама, встаньте сюда, пожалуйста. Один снимок, пожалуйста, с вашей дочерью.

Фрау Бахман дружески кладет тебе руку на плечо, подталкивая вперед.

Не пропуская ни одного такта, мать ставит ногу и выбрасывает ее с земли, аккумулируя силу в икрах и бедрах. Меряя расстояние горящими глазами, она приближается.

Не ожидавший этого господин Бахман продолжает улыбаться и несколько секунд наводит фокус. Трейси бледнеет.

— Сделай для меня, Тамбу, пожалуйста, — шепчет начальница.

Ты встаешь в кадр. Тут к фотографу подпрыгивает мать.

— Я — твоя фотография, я! — кричит она, снимая шнур фотоаппарата через голову изумленного господина Бахмана. — Я именно та, кто ты думаешь. Не кто-то там, а то, что ты хочешь снять.

Кто-то решает утихомирить Май, но уже слишком поздно. Те же, кто предпочитает не вмешиваться, качают головами и смеются. Кристина, Люсия, Нецай, скрестив на груди руки, советуются.

— Вот она я! — кричит Май. — Я твоя фотография. Просто смотри, что сейчас сделает твоя

фотография.

Держа за тесемку, Май крутит фотоаппарат над головой, а потом, издав утробный звук, разжимает руку. Фотоаппарат улетает, все смотрят вверх, следя за дугой, а затем вниз, чтобы понять, куда он приземлится.

Господин Бахман слишком воспитан, чтобы сцепиться со взбешенной полуголой женщиной.

— Эй! При чем тут мой фотоаппарат? — огорченно восклицает он.

— Она должна уйти, — выдыхает Трейси тебе в ухо. — Извини, Тамбу, она просто должна уйти.

Твоя мать в исступлении смотрит на фотоаппарат, свисающий с мангового дерева.

Подстегиваемая азартом от учиненного безобразия, Май подскакивает к чете Бахманов.

— Как вы смеете! — кричит она, хотя туристы и не могут ее понять. — Ты хочешь потом дома посмеяться над моей дочерью, потому что ее мать — голая старуха!

— Она должна уйти, — повторяет начальница.

Бабамукуру поднимается с инвалидного кресла и, пошатываясь, держится за подлокотник. Майгуру заливается слезами, потому что Бабамукуру не вставал с самой Независимости. Твой отец, не проявляя интереса ни к чему, сидит на лестнице

нового дома твоего дяди.

— Не снимай ее со мной. Нет, не снимай ее с ее матерью, — рыдает Май и падает, жуя песок.

Ты думаешь, что выполняешь указания начальницы, и идешь к матери, чтобы увести ее. Когда подходишь к ней, горе выходит из берегов бледно-пурпурного пруда и затопляет горло. Ты хочешь затолкать его обратно. Горе обхватывает сердце, стискивая его, чтобы остановить. Но сердце не желает останавливаться. Оно растет и растет. У тебя нет сил поднять мать, потому что твои слезы падают на ее кожу. Сердце у тебя лопается. Ты лопаешься вместе с ним и падаешь рядом с матерью.

Господин Бахман смотрит на манговое дерево. Фотоаппарат раскачивается, а потом падает с тоненькой ветки и застревает в развилке между двумя другими.

Ты опускаешься сначала на колени, потом валишься на голое туловище Май. Ты гладишь ее по щеке тыльной стороной ладони и шепчешь, что все очень плохо, но скоро будет хорошо. Ты будто разговариваешь с ребенком. Май не отвечает. Теперь уже неважно. Ты и не ждешь ответа. Она ребенок, а ты мать.

Господин Бахман находит длинную палку. На

плечи дальнего родственника Такесуре сажают маленького мальчика. Потыкав пару раз, он снимает фотоаппарат, который возвращают владельцу.

Ты пытаешься поднять Май. Она сопротивляется. Май Самхунгу кричит ей встать и уйти со двора. Мать не слушается, и тогда председательница велит одной молодой женщине взять кофточку Май и прикрыть ей плечи.

— Вот ты и нашла мне тряпку, Тамбудзай, — рыдает Май, когда ее заворачивают в кофту, и снова теряет сознание.

Подходит Трейси. Каждая ее пора источает ярость, разочарование, растерянность.

— Разберись, Тамбудзай.

Ты встаешь и отряхиваешь пыль с колен.

Члены Женского клуба, надев зеленые и красные блузки и накидки, обступают мать и вытесняют тебя из круга. Заместительница казначея и секретарь помогают Май подняться на ноги. Ты хочешь подойти к Бахманам, но останавливаешься и спешишь обратно. Протягиваешь руку. Мать отшатывается.

— Оставь ее, — машет тебе секретарь. — Подожди, пока пройдет шок и ей станет лучше.

Ты смотришь, как две женщины ведут Май к

старому дому. Она исчезает в дверях. Ты возвращаешься к выполнению обязанностей. Извиняешься перед господином Бахманом от имени Май и своего за то, что не предупредила его насчет фотографии. Улыбаясь, уверяешь Бахманов, которым совсем плохо, что мать вообще истерична и скоро придет в себя.

— Я тоже извиняюсь. Мне казалось, это было бы славно. Пошему я не подумал? Пошему я не подумал? — твердит господин Бахман.

Кристина, Люсия и Нецай с помощью здравомыслящих мужчин уводят жителей деревни. К ним присоединяется Женский клуб. Ты мыкаешься от одной группе к другой, держась подальше от незнакомцев и кивая членам семьи, не осмеливаясь с ними заговорить. Как только двор пустеет, Люсия перекидывается парой слов с Трейси. Они качают головами, почесывают подбородки, потом пожимают друг другу руки. Следует совместное заявление Люсии и Трейси, что на сегодня празднества закончены. Однако желающие могут отправиться к магрозе. Май Самхунгу за очень короткое время удалось установить у магазинов аппаратуру для гетто, чтобы играть Чивонисо Марэр и Оливера Мутукудзи. Пока готовят ужин, состоится импровизированная дискотека.

Когда организационные вопросы решены, Чидо спешно увозит Бабамукуру в больницу Мутаре, чтобы определить, можно ли говорить о том, что с ногами у главы клана Сигауке стало лучше.

Педзи поручено ехать с туристами, а Трейси сама присматривает за ужином. Ты отстраняешься от дел «Зеленой жакаранды» и садишься на кухне. Через пару часов туристы возвращаются и их кормят.

В новенькие купальни несут ведра с водой. В круглых домах зажигают газовые лампы и распыляют средства от насекомых. Педзи с распечатанной страницы зачитывает гостям мероприятия на завтра. Гости сидят во дворе у костра и рассуждают о предстоящих нагрузках или увеселениях в полях или у реки, в зависимости от своих предпочтений. К ним присоединяются Люсия, Кири и Ньяша. Позже они посылают за тобой Консепт. Фотоаппарат никто не поминает, но к концу вечера двухдневный запас вина, хранившийся в прицепе с провизией, заканчивается.

Утром ты встречаешься с Трейси в микроавтобусе «Зеленой жакаранды». Ты обещала себе не отводить взгляда, но начальница во время всего разговора смотрит прямо перед собой, так что тебе видно, как у нее на шее пульсирует вена.

Трейси задает много вопросов относительно надежности Май, ее способности выполнять функции ответственного за Деревню Эко-Транзит, да почему ты не предупредила компанию о нестабильности своей родственницы.

Ты слушаешь и не отвечаешь. Когда начальница заканчивает, ты идешь в старый дом, мимо боковой комнаты племянниц в заднюю и собираешь маленькую сумку. Ньяша предлагает подвезти тебя, но ты предпочитаешь дойти пешком до автобусной остановки у магрозы. Через овраг, мимо владений Май Самхунгу ты уходишь из деревни. Твои тетки и сестра молча на это смотрят.

Когда ты идешь мимо полей, колонки, сада Май Самхунгу, к тебе подходят молодые люди, бывшие на вчерашнем открытии. Они хотят понять, почему Май выбросила фотоаппарат господина Бахмана, почему хотела погубить проект и уходишь ли ты, чтобы программа точно потерпела крах и они лишились работы. Они грозят избить тебя, но тебе удается отговорить их при помощи нескольких пятидолларовых банкнот. Твоя пуповина погребена в твоей земле; в пустоте, которая с каждым шагом разверзается внутри, ты чувствуешь ее притяжение.

* * *

Через восемь часов после ухода из дома ты добираешься до города. В коттедже ты сообщаешь Ма-Табите, что уезжаешь.

Ты пишешь заявление по собственному желанию. Приносишь его лично. Трейси благодарит тебя за внимательность и любезно отказывается от уведомления. Она предлагает тебе договор на коттедж. Ты отклоняешь предложение и находишь маленькую квартирку на проспектах.

Когда стыд заживает настолько, что ты можешь разговаривать с людьми без слез, ты садишься на автобус и едешь в Гриндейл повидаться с Ньяшей. Кузина выслушивает тебя почти час, а потом приглашает войти в ее неправительственную организацию. Но, говорит она, верная своей честности, спонсоров на программу для молодых женщин ей пока найти не удалось.

А вот у охранной фирмы Майнини Люсии дела идут очень хорошо, так как на пути твоей страны к миру больше войн, чем вы ожидали. Ньяша спрашивает, не передать ли ей Майнини Люсии, что кое-кто кое-где подумывает о поступлении на работу в ООП. Униженная, не ожидающая ничего, осознавая, что все видели тебя с худшей

стороны, ты соглашаешься на предложение кузины. Доехав наконец до тети Люсии в Кувадзану, ты удивлена, и в то же время в тебе вспыхивает надежда, так как тетя стала довольно состоятельной женщиной. В работе она жесткая, как всегда. Майнини дает тебе небольшие поручения. Отнести пакет или письмо, принести бланки из налоговой инспекции — в таком роде. Несколько месяцев, заходя к тебе на кухню или подвозя тебя домой на машине, она читает лекции об уну, человеческих качествах, которыми должна обладать зимбабвийка и Сигауке, имеющая родственников, которые либо воевали, либо погибли на войне. Скоро ты можешь только, низко опустив голову, слушать ее и смотреть, как капают на пальцы слезы. После множества таких нотаций Майнини смягчается. Из посыльных тебя повышают в уборщицы. Тетя велит тебе подметать пол и заваривать чай для всех, включая машинисток в конторе и привратников. Ты разносишь им чашки, потом забираешь и моешь. Однако без малого через два года ты проходишь собеседование и тебя из числа сильных, по словам тети, конкурентов выбирают помощником генерального директора.

У Кристины хорошая должность в ООП. Она

изучает бизнес и присматривается к руководящей должности, утверждая, что не против, если на сей раз повысят кого-то другого, так как возможности еще будут. И еще она уверяет, что теперь образование не только у тебя в голове. Как и у нее, теперь твои знания в теле, в каждой его клетке, включая сердце. Ты часто предлагаешь ей помощь в учебе. Это первый шажок к тому, чтобы удержать свои знания в том месте, о котором говорила Кристина.

Благодарность

Я чрезвычайно благодарна Джулии Мундавараре, которая читала первые варианты рукописи и уговорила меня продолжать. Сердечно благодарю Спиве Н. Харпера и Дэвида Мунгоши за то, что они прочитали первые главы и дали мне драгоценные советы. Я бы не закончила эту работу без постоянной поддержки Мадлен Тьен и Реджинальда Гиббонса, которым я многим обязана. Я глубоко благодарна Эллаху Вакатаме Олфри, чей интерес к этой работе и грамотная редактура сделали возможной публикацию этой книги. Большое спасибо также Фионе Маккрей и всем сотрудникам издательства «Грейвулф», которые поверили в рассказанную здесь историю. Не знаю, что вытерпели члены моей семьи, пока я писала этот роман, и они великодушно мне об этом не сказали. Я в долгу перед моим мужем Олафом и детьми Тондераем, Чадамойо и Масимбой за то, что они кое на что не обращали внимания, поддерживая меня в другом. Особая благодарность Тондераю за то, что он был моим первым читателем и делился дельными соображения-

ми, Чадамойо за неизменную внимательность и Масимбе за терпеливое сканирование сотен страниц.

Наконец, я в долгу перед Теджу Коулом и его эссе 2015 года «Неутешенная плоть», которое заставило меня шире взглянуть на многие вопросы и вдохновило на название этого романа.

Цици Дангарембга — автор двух романов, в том числе «Нервные обстоятельства», лауреат Премии Содружества писателей. Также режиссер, драматург и директор Института искусств при Фонде прогресса в Африке. Живет в Хараре (Зимбабве).